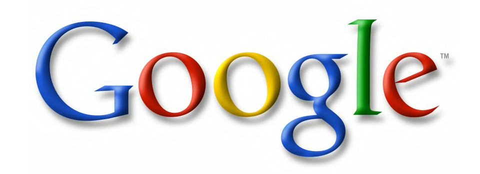
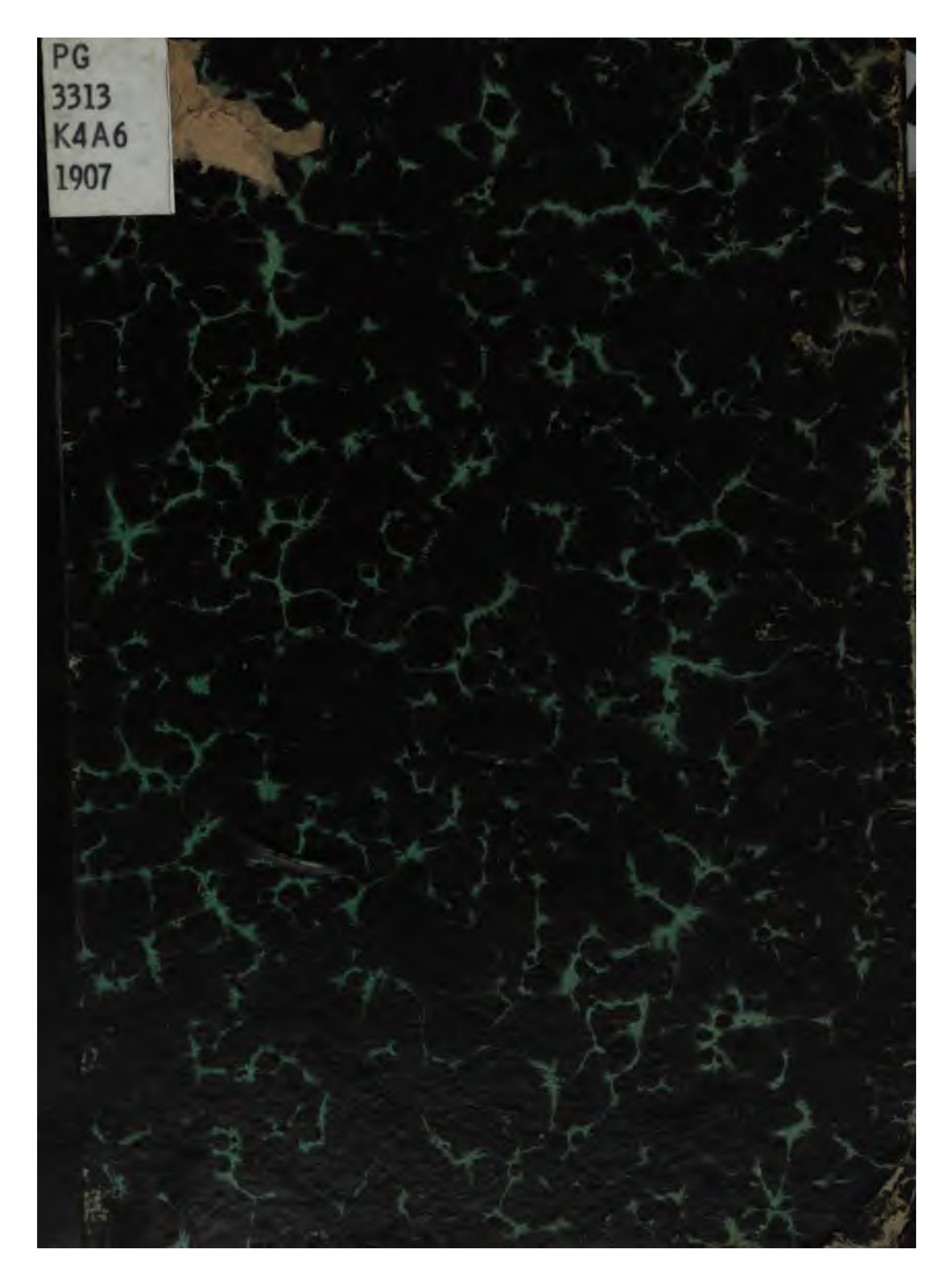
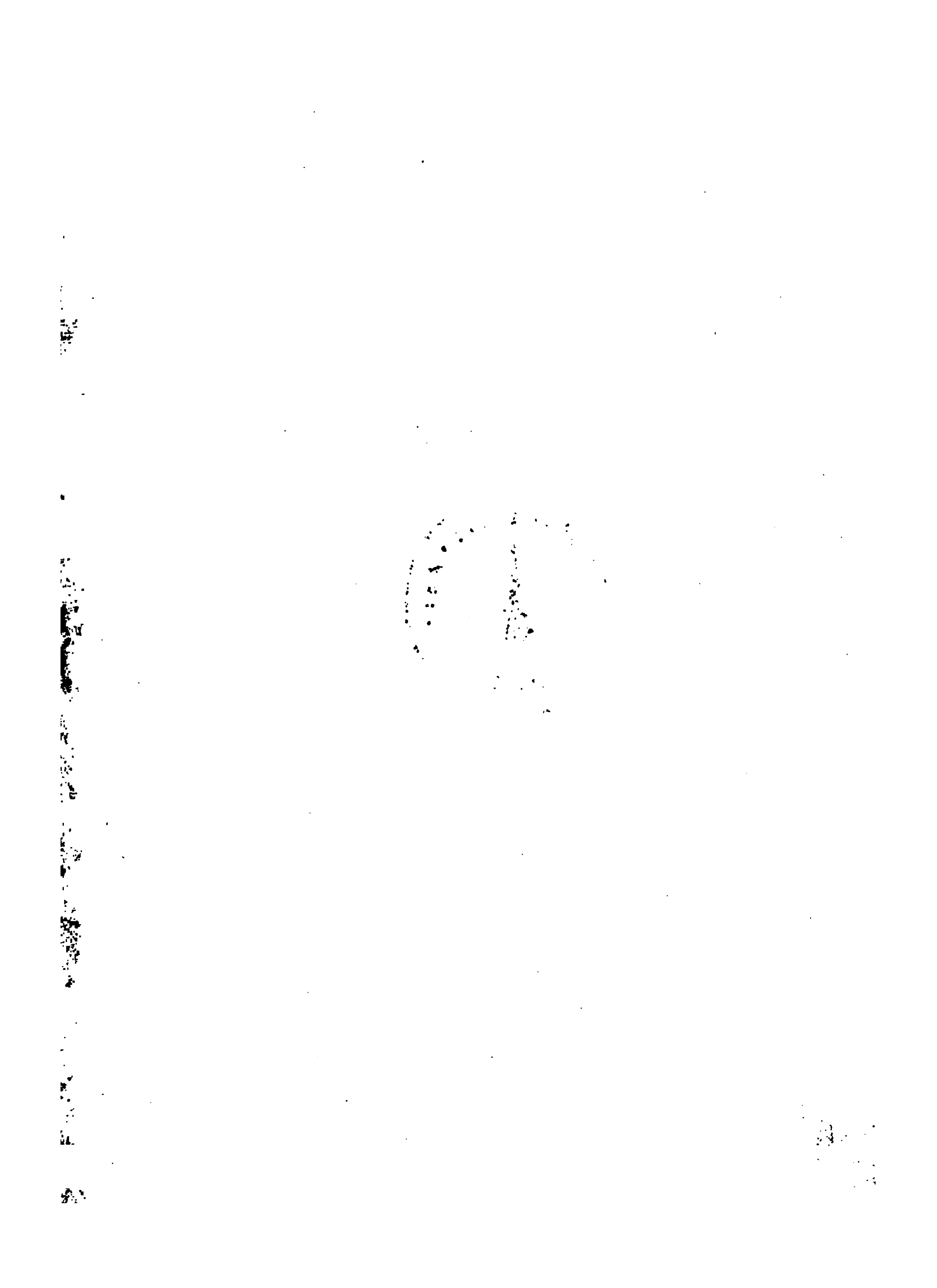

PG
3313
K4A6
1907

Цѣна 45 коп.

РУССКАЯ КЛАССНАЯ БИБЛІОТЕКА,
ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. Н. ЧУДИНОВА.
ПОСОБІЕ ПРИ ИЗУЧЕНІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.
ВЫПУСКЪ XXXV-й.

В. В. Капнистъ.

(1757 — 1824).

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Ябеда, комедія.—Оды.—Гораціанскія и анакреонтическія оды.—Посланія.—Сатира.—Эпиграммы и надписи.—Объяснительныя статьи.

Изданіе И. Глазунова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛ., № 8.
1907.

QUAERENDO

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящій выпускъ „Русской классной Библіотеки“ посвященъ избраннымъ произведеніямъ автора „Ябеды“, которая, вмѣстѣ съ „Недорослемъ“, „Горе отъ ума“ и „Ревизоромъ“, признается лучшими „общественными“ комедіями въ нашей литературѣ. „Ябеда—пишетъ Бѣлинскій—это благородный порывъ негодованія противъ одной изъ возмутительнѣйшихъ сторонъ современной автору жизни, и за это долго пользовалась огромной славой“. Громадное впечатлѣніе, какое, съ перваго представленія и въ теченіе очень долгаго времени, оставляла въ зрителяхъ эта комедія, въ связи съ ожесточенными, злобными нападками на автора ея со стороны многочисленныхъ оригиналовъ его сатиры, свидѣтельствуютъ объ ея несомнѣнномъ историческомъ значеніи и обезпечиваютъ за нею мѣсто въ исторіи русской литературы. Подобно Грибоѣдову, создавшему единственную геніальную комедію „Горе отъ ума“, съ которою не могутъ итти ни въ какое сравненіе всѣ другія его произведенія, и Капнистъ, при несравненно меньшемъ талантѣ, обязанъ всей своей извѣстностью тоже одной „Ябедѣ“; всѣ прочіе его драматическіе опыты настолько неудачны, что самъ авторъ безпощадно осмѣялъ ихъ въ своихъ эпиграммахъ.

*

Безспорное историко-литературное значеніе имѣетъ лирика Капниста: его знаменитыя двѣ оды на рабство, нѣсколько элегическихъ и патріотическихъ одъ, переводы и подраженія Горацію (напр., „Памятникъ“, по сравненію съ Державинскимъ отличающійся большей близостью къ подлиннику) и опыты въ анакреонтическомъ родѣ, его сатира и наконецъ посланія, эпиграммы и надписи. 35 лучшихъ образцовъ лирики Капниста собраны въ настоящемъ выпускѣ. Представляя, вмѣстѣ съ „Ябедой“, все существенное изъ литературнаго наслѣдія нашего поэта, настоящій выпускъ Русской Классной Библіотеки даетъ достаточный матеріалъ для всесторонняго выясненія литературной дѣятельности В. В. Капниста.

Первое собраніе сочиненій Капниста (лирическихъ) вышло въ 1796 г., а черезъ два года впервые издана была его Ябеда, впослѣдствіи выдержавшая нѣсколько изданій. Нѣсколько весьма любопытныхъ варіантовъ къ этой комедіи помѣщено въ Русской Старинѣ 1873 г., кн. 5. Первое и по настоящее время единственное собраніе (весьма неполное) всѣхъ сочиненій Капниста А. Смирдина вышло въ 1849 г. и нынче составляетъ библіографическую рѣдкость. Нѣкоторыя избранныя лирическія стихотворенія нашего поэта перепечатаны въ 1 т. весьма полезнаго изданія С. А. Венгерова: „Русская поэзія“.

Обстоятельной, научно обработанной біографіи Капниста совсѣмъ нѣтъ. Свѣдѣнія о его жизни и литературной дѣятельности ограничиваются его біографіей, помѣщенной въ „Словарѣ“ Бантышъ-Каменскаго, существеннымъ дополненіемъ которой могутъ служить свѣдѣнія о немъ, заключающіяся въ примѣчаніяхъ А. И. Саитова къ редактированному Л. Н. Майковымъ образцовому собранію сочиненій Батюшкова,—примѣчаніяхъ, собранныхъ

въ одну статью Венгеровымъ (Русская поэзія, т. 1). Если къ этимъ двумъ источникамъ присоединить „Записки дочери Капниста“, помѣщенныя въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за 1891 г. (кн. 5—7), то тутъ и будетъ, кажется, все, чѣмъ благодарное потомство помянуло, до сихъ поръ, своего сатирика конца XVIII-го вѣка. Критическая литература произведеній его тоже почти отсутствуетъ, если не считать мелкихъ отзывовъ и замѣчаній, разсѣянныхъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ того времени, да разнообразныхъ полемическихъ статей личнаго характера, вызванныхъ его Ябедой и Сатирой. Словомъ, по отношенію къ Капнисту, русская наука, очевидно, еще въ большемъ долгу, чѣмъ по отношенію къ другимъ русскимъ писателямъ, біографіи и сочиненія которыхъ, за очень немногими исключеніями, все еще ожидаютъ благопріятнаго времени для научныхъ трудовъ и добросовѣстныхъ изслѣдователей родной литературы.

Въ настоящемъ выпускѣ Р. К. Б. помѣщенъ текстъ лучшаго произведенія Капниста—комедіи „Ябеда“, а также собраніе наиболѣе цѣнныхъ или характерныхъ его лирическихъ произведеній, вполнѣ достаточное для выясненія его литературныхъ особенностей. Въ качествѣ объяснительныхъ статей, помѣщенъ названный выше біографическій очеркъ А. И. Саитова и критическій обзоръ комедіи „Ябеда“ А. Д. Галахова. Къ книгѣ приложенъ портретъ поэта.

А. Ч.

1907.

СОДЕРЖАНІЕ.

IV. ПОСЛАНІЯ.

V. САТИРА.

VI. ЭПИГРАММЫ и НАДПИСИ.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

ПОСВЯЩЕНІЕ

Государю Императору

ПАВЛУ ПЕРВОМУ.

Монархъ! принявъ вѣнецъ, Ты правду на престолѣ
Съ Собою воцарилъ: Вельможа въ пышной долѣ
И рабъ, въ поту лица ядущій хлѣбъ дневный,
Какъ передъ Богомъ, такъ передъ Тобой равны.
Не лицемѣрнаго Ты образъ намъ закона:
Перуномъ власти тамъ, съ превознесенна трона,
Злодѣйство, клевету, пристрастіе разишь;
Тутъ Скипетромъ щедротъ невинность Ты бодришь,
Возводишь истину, заслуги награждаешь,
И тѣмъ въ сотрудники всѣхъ Россовъ привлекаешь.
Прости, *Монархъ*! что я, усердіемъ горя,
Мой трудъ, какъ каплю водъ, въ глубоки лью моря.
Ты знаешь разные людей строптивыхъ нравы:
Инымъ не страшна казнь, а злой боятся славы.
Я кистью Таліи порокъ изобразилъ;
Мздоимства ябеды всю гнусность обнажилъ,
И отдаю теперь на посмѣянье свѣта
Не мстительна отъ нихъ страшуся я навѣта:
Подъ *Павловымъ* щитомъ почія невредимъ;
Но бывъ по мѣрѣ силъ споспѣшникомъ Твоимъ,
Сей слабый трудъ Тебѣ я посвятить дерзаю,
Да имянемъ Твоимъ успѣхъ его вѣнчаю.

Вѣрноподданный *Василій Капнистъ*.

I. ЯБЕДА.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Праволовъ, отставной ассессоръ.
Кривосудовъ, предсѣдатель гражданской палаты.
Ѳекла, жена его.
Софія, дочь его.
Прямиковъ, подполковникъ служащій.
Бульбулькинъ, **Атуевъ**, **Радбынъ**, **Парольнинъ**, — члены гражданской палаты.
Хватайко, прокуроръ.
Кохтинъ, секретарь гражданской палаты.
Добровъ, повытчикъ.
Анна, служанка.
Наумычъ, повѣренный Праволова.
Архипъ, слуга Праволова.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Кривосудова. Въ углу комнаты стоитъ столъ, краснымъ сукномъ покрытый. Въ комнатѣ три двери.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Прямиковъ и Добровъ.

ПРЯМИКОВЪ.

Я радъ, мой другъ, что мы съ тобою здѣсь столкнулись.

ДОБРОВЪ.

Да вы, сударь, зачѣмъ въ домъ этотъ завернулись?
Не ужъ ли за грѣхи какая васъ напасть,
Иль тяжба, Богъ храни! втащила въ эту пасть?

Прямиковъ.

Такъ именно: процессъ на шею навязался;
Я отъ него уйти хоть всячески старался,
Мирился, уступалъ, но потерялъ весь трудъ.
И такъ уѣздный ужъ и Верхній Земскій Судъ,
Прошедъ, гдѣ моему не льстили супостату,
Вступило дѣло къ вамъ въ гражданскую палату.

Добровъ.

Боюсь я, чтобъ оно не оступилось здѣсь.
Да съ кѣмъ же вы, сударь, имѣете процессъ?

Прямиковъ.

Сосѣдъ мой, Праволовъ, не вѣдь съ чего вцѣпился...

Добровъ.

Кто? Праволовъ?

Прямиковъ.

Да! онъ. Чему жъ ты удивился?

Добровъ.

Дивлюся, право, я, какъ съ умной головой
Могли связаться вы съ такой, сударь, чумой?

Прямиковъ.

Сутяга хитрый онъ, однакожъ не опасенъ.

Добровъ.

Кто? онъ?

Прямиковъ.

Ужъ въ двухъ судахъ былъ трудъ его напрасенъ.

Добровъ.

Не знаете, сударь, сего вы молодца.
Другого въ свѣтѣ нѣтъ такого удальца.
Напрасенъ въ двухъ судахъ! да тамъ лишь разбираютъ,
А вѣдь въ гражданской вдругъ рѣшатъ и исполняютъ.

Что за бѣда ему, что въ тѣхъ его винятъ;
Лишь только для него въ палатѣ былъ бы ладъ.
То онъ получитъ вдругъ и право и имѣнье.
Вамъ съ Праволовымъ въ судъ? какое дерзновенье!

Прямиковъ.

Да чѣмъ же страшенъ такъ онъ мнѣ? прошу сказать.
Я, въ арміи служа, не могъ сосѣдей знать.
По замиреніи я въ отпускъ отпросился;
Лишь въ домъ,—онъ на меня съ процессомъ и взвалился;
И тутъ-то я узналъ ужъ не отъ одного,
Что онъ злой ябедникъ; да только и всего.

Добровъ.

Да только и всего! такъ этого и мало?
Вы добрый человѣкъ; мнѣ жаль, сударь, васъ стало.
Покойный вашъ отецъ мнѣ благодѣтель былъ;
Я милостей его отнюдь не позабылъ:
Я помню, что его хлѣбъ-соль ѣдалъ довольно.
Въ сѣтяхъ сихъ видѣть васъ мнѣ, право, очень больно.
Коль нуженъ въ чемъ, готовъ для вашихъ я услугъ.

Прямиковъ.

Чувствительно тебя благодарю, мой другъ!
Я долженъ искренно теперь тебѣ признаться,
Что я не знаю какъ за дѣло мнѣ приняться?
Во-первыхъ, мнѣ скажи: чѣмъ такъ соперникъ мой
Мнѣ страшенъ?

Добровъ.

Господи! что за вопросъ такой!
Онъ ябедникъ: вотъ все ужъ этимъ вамъ сказали.
Но чтобъ его, сударь, получше вы узнали,
То я здѣсь коротко его вамъ очерчу:
Въ дѣлахъ, сударь, ему самъ чортъ не по плечу.
Въ гражданской ужъ давно веду я протоколы;

Такъ видны всѣ его тутъ шашни и крамолы,
Которы, зеркалу судебной правоты
Представъ, невинности явили въ немъ черты.
А сверхъ того еще, гласъ Божій—гласъ народа.
Подлоги, грабежи, разбои разна рода,
Фальшивы рядныя, уступки, векселя.
Тамъ отмежевана вдругъ выросла земля;
Тутъ верхни мельницы всѣ нижни потопили;
Тамъ двѣсти десятинъ два борова изрыли;
Здѣсь выморочныхъ селъ наслѣдничекъ воскресъ;
Тамъ, на гумнѣ, его дремучій срубленъ лѣсъ;
На брата искъ за брань и за безчестье взноситъ,
А пожилыхъ съ того и за умершихъ проситъ;
Тамъ, люди пойманы его на воровствѣ,
Окраденнымъ купцамъ сыскалися въ родствѣ,
И брали то, что имъ лишь по наслѣдству должно.
Но всѣхъ его проказъ пересказать не можно:
Довольно и того, что вамъ слегка сказалъ.
Притомъ, какъ знаетъ онъ всѣхъ стряпчихъ наповалъ!
Какъ регламентъ нагнуть, какъ вывернуть указы!
Какъ всѣ подьячески онъ вѣдаетъ пролазы!
Какъ забѣжать къ судьѣ, съ котораго крыльца;
Кому бумажекъ пукъ, кому пудъ сребреца;
Шестёрку проиграть, четвёрку гдѣ, иль тройку;
Какъ залучить кого въ пирушку, на попойку;
И словомъ: дивное онъ знаетъ ремесло,
Неправду мрачную такъ чиститъ, какъ стекло.
Такъ вамъ возможно ли съ симъ молодцомъ тягаться?

Прямиковъ.

И подлинно его мнѣ должно опасаться.
Но дѣло вѣдь мое такъ право, ясно такъ!...

Добровъ.

Какъ солнце ясно будь, то будетъ аки мракъ.

Прямиковъ.

Но на судей ужъ ли не можно положиться?
Хозяинъ здѣшній?...

Добровъ (*осматриваясь кругомъ*).

Ахъ! боюсь проговориться;
Но вы не скажете, не слышитъ насъ никто.
Извольте-жъ про себя, сударь! вы вѣдать то,
Что дому господинъ, гражданскій предсѣдатель,
Есть сущій истины Іуда и предатель.
Что и ошибкой онъ дѣлъ прямо не вершилъ;
Что съ кривды пошлиной карманы начинилъ;
Что онъ законами лишь беззаконье удитъ;
(*Показывая будто считаетъ деньги*).
И безъ наличнаго довода дѣлъ не судитъ.
Однако хоть и самъ всей пятерней беретъ,
Но вящшую его супруга дань деретъ:
Съѣстное, питейцо предъ нею нѣтъ чужого;
И только-что твердитъ: даянье всяко благо.

Прямиковъ.

Вотъ на! возможно ль быть? А члены?—

Добровъ.

Все одно:
У нихъ все на одинъ салтыкъ заведено.
Одинъ членъ вѣчно пьянъ и протрезвѣнья нѣту;
Такъ тутъ какому быть ужъ путному совѣту?
Товарищъ же его до травли русаковъ
Охотникъ страстной: съ нимъ со сворой добрыхъ псовъ,
И сшедшую съ небесъ доѣхать правду можно.

Прямиковъ.

А засѣдатели?

Добровъ.

Когда, сказать не ложно,
Въ одномъ изъ нихъ души хотя немножко знать;

Такъ чтожъ? лихъ та бѣда, что не горяздъ читать,
Писать и поготовь, а на словахъ заика;
И такъ, хотябъ и радъ, помѣха лихъ велика.
Другой себя къ игрѣ такъ страстно пристрастилъ,
Что душу бы свою на карту посадилъ.
Въ судѣ по Чермному съ нимъ Фараонъ гуляетъ,
И у журналовъ онъ углы лишь загибаетъ.

Прямиковъ.

А прокуроръ? ужъ ли и онъ...

Добровъ.

О! прокуроръ,
Чтобъ въ риѳму мнѣ сказать, существеннѣйшій воръ.
Вотъ прямо въ точности всевидящее око:
Гдѣ плохо что лежитъ, тамъ зѣтитъ онъ далёко.
Не цапнетъ лишь того, чего не досягнетъ.
За праведный доносъ, за ложный, онъ беретъ;
Щечитъ за пропускъ дѣлъ, за голосъ, предложенья,
За нерѣшеніе рѣшимаго сомнѣнья,
За поздній въ судъ приходъ, за пропущенный срокъ,
И даже онъ деретъ съ колодниковъ оброкъ.

Прямиковъ.

А о секретарѣ?...

Добровъ.

Дуракъ, кто слово тратитъ.
Хоть голъ будь какъ ладонь, онъ что-нибудь да схватитъ.
Указы знаетъ всѣ, какъ пальцовъ пять своихъ.
Экстрактецъ сочинитъ безъ точекъ, запятыхъ,
Подчиститъ протоколъ, иль листъ прибавитъ смѣло,
Иль стибритъ документъ—его все это дѣло;
И съ Праволовымъ онъ запазушны друзья.
Онъ вамъ накаверзитъ, весьма увѣренъ я.
И дѣльцо, знать, къ себѣ онъ прибралъ по секрету;
По крайности, его въ моемъ повытьѣ нѣту.

Прямиковъ.

Изрядно эту мнѣ ты шайку описалъ!
Какая сволочь?

Добровъ.

Я вамъ истину сказалъ;
Но Бога ради!...

Прямиковъ.

Будь, пожалуй, будь спокоенъ.
Но чѣмъ же мнѣ начать? я, право, такъ разстроенъ?...

Добровъ.

Изъ словъ, сударь, моихъ могли вы то понять,
Что не чѣмъ тутъ начать, какъ тѣмъ, что дать, да дать.

Прямиковъ (*даетъ ему кошелекъ*).

Изволь, тебѣ, мой другъ! такъ-какъ знакомцу древню...

Добровъ (*не принимая*).

Никакъ: благодарю.—Давно бы я деревню
Купилъ, когдабъ такъ бралъ, какъ многіе берутъ,
Впредь до рѣшенья дѣлъ, за предлежащій трудъ.
Такихъ неправедныхъ нажитковъ я чуждаюсь;
Съ женою, съ дѣтьми, трудомъ и правдою питаюсь.
А если правое чье дѣло верхъ беретъ,
И правый мнѣ за трудъ въ признательность даетъ,
То, признаюсь, беру. Мнѣ совѣсть не пеняетъ:
Я принимаю даръ; бездѣльникъ вынуждаетъ.
И не изъ прибыли я вамъ служить хотѣлъ;
Я ужъ сказалъ, сударь, я вашу хлѣбъ-соль ѣлъ.

Прямиковъ.

Ну! какъ же ты, мой другъ, совѣтъ мнѣ предлагаешь,
Котораго ты самъ исполнить не желаешь?
Ты бѣдный человѣкъ, имѣешь малый чинъ;
Породы ты простой, не князь, не дворянинъ;

Ты дому моему уже служилъ довольно;
Но ты не взялъ, что я хотѣлъ дать добровольно.
А мнѣ совѣтуешь, чтобъ я пошелъ дарить,
Кого жъ? мнѣ равнаго? какъ можетъ это быть!
И какъ мнѣ смѣть его унизить, уничтожить?

Добровъ.

Не должно это васъ, повѣрьте мнѣ, тревожить.
До рода, до чиновъ, какая нужда тутъ?
Давайте тѣмъ, сударь, которые берутъ.
А чтобъ предохранить ихъ отъ уничтоженья,
То придержитеся вы только умноженья:
Чтобъ чина предъ другимъ вамъ не уничтожать,
То по чинамъ, лишь имъ извольте прибавлять.

Прямиковъ.

Не сроденъ я, мой другъ, на этакія штуки.
Пускай подарками мой врагъ мараетъ руки.
Я мыслю, что мою тѣмъ правость помрачу,
Когда я за нее монетой заплачу.

Добровъ.

Вы слишкомъ пѣсенку поёте намъ высоку;
А на Руси твердятъ: не всяко лыко въ строку.

Прямиковъ.

Но я все правдою привыкъ, мой другъ, строчить.
Имѣній могутъ всѣхъ они меня лишить,
Но не принудятъ ввѣкъ на подлость и пронырства.

Добровъ.

Чтожъ вамъ отъ этого прибудетъ богатырства?

Прямиковъ.

Честь. —

Добровъ.

Честь, сударь, не въ честь, какъ нечего съ ней ѣсть!
Но надобно же вамъ подумать какъ ни есть...

Прямиковъ.

Я думаю, я правъ. —

Добровъ.

И не уже ль стоите
Упрямо въ томъ?

Прямиковъ.

Стою.

Добровъ.

И имъ вы не дадите?

Прямиковъ.

Ни шеляга не дамъ.

Добровъ.

Однако истецъ вашъ,
Я думаю, прислалъ тяжелый свой багажъ,
И подъ фортецію суда подкопъ ужъ роетъ.

Прямиковъ.

Пусть. —

Добровъ.

Ну, а какъ онъ залпъ изъ кошелька откроетъ,
То праву вашему (*свищетъ*) на воздухѣ гулять.

Прямиковъ.

Ну чтожъ? хоть здѣсь они изволятъ сплутовать,
То я намѣстнику на нихъ подамъ прошенье.

Добровъ (*закрывая рукою ротъ*).

О Боже! положи устамъ моимъ храненье! —
Но хоть подумайте,—и это, ей, не вздоръ: —
Что исполняется палатскій приговоръ;
И что ощиплютъ васъ, какъ коршуны синицу;
А съ апелляціей, ужъ голой (*свищетъ*) дуй въ столицу.

Прямиковъ.

Нѣтъ; права моего ничто не помрачитъ.
Я не боюсь: законъ подпора мнѣ и щитъ.

Добровъ.

Ахъ, добрый господинъ, ей, ей! законы святы,
Но исполнители лихіе супостаты.
Законъ желаетъ намъ прямого всѣмъ добра;
Но мы хотя и всѣ изъ одного ребра,
Но неравно мы всѣ къ добру расположенны
Въ зерцало взглянь судовъ: Петра черты священны
Безмездно тамъ велятъ по истинѣ судить;
Божественъ судъ таковъ! да гдѣ судей найтить?
Законъ старается вселить въ насъ души новы,
Навычки умягчить развратны и суровы,
Ко безкорыстію желаніе вперить;
И съ правдою судей сколь можно примирить;
Наградою ихъ льститъ и казнью угрожаетъ;
Но противъ ябеды ничто не помогаетъ.
Ее-то бойтесь вы, сударь, а то роса,
Покуда солнышко взойдетъ, пробьетъ глаза;
И чтобъ насущнаго вамъ хлѣба не лишится,
То должно съ ябедой какъ ни на есть сойтиться.

Прямиковъ.

Все такъ, мой другъ; но я изъ правилъ ужъ моихъ
Ни для какихъ причинъ не выйду ни на мигъ.
И я рѣшился разъ: что скажешь, все пустое.

Добровъ.

Но....

Прямиковъ.

Перестань, прошу. Да это что такое?
Судейскій красный столъ, мой другъ, я вижу здѣсь!

Добровъ.

Не знаю какъ сказать: иль Ангелъ, или бѣсъ,
Внявъ челобитчиковъ умильному моленью,
Присутственны мѣста всѣ предалъ всесожженью;
А какъ домовъ такихъ нельзя здѣсь вдругъ найтить,
Гдѣ выгодно суды могли бы помѣстить,
То предсѣдатель нашъ въ свой домъ вмѣстилъ палату,
Съ казны за то себѣ пріобрѣтая плату.
(*Показывая, будто деньги считаетъ*).

Прямиковъ.

Такъ мы нечаянно въ святыню забрели?

Добровъ.

Но святость, знать, въ ней спитъ; а день ужъ на земли.
Дивлюсь; для праздника хозяйка именинна,
И для сговора....

Прямиковъ.

Чей сговоръ?

Добровъ.

У нихъ едина
Лишь дочь. Я слышалъ всколзь; таятъ.

Прямиковъ.

Да за кого?

Добровъ.

Не знаю истинно. Да вамъ что до того?

Прямиковъ.

Какъ что? но на тебя ль могу я положиться?

Добровъ.

Я преданъ вамъ, сударь: нѣтъ нужды и божиться,
Ужъ послѣ всѣхъ тѣхъ тайнъ, что вамъ....

Прямиковъ.

Такъ знай, мой другъ,
Что страстью нѣжною пылаетъ къ ней мой духъ.
Но кто соперникъ мой?

Добровъ.

Таятъ, сударь, къ чему-то.
Да вотъ ея идетъ служанка къ намъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Прямиковъ, Добровъ и Анна.

Прямиковъ.

Анюта,
Ахъ! какъ я радъ тебѣ!...

Анна.

И я вамъ. Да отколь
Принесъ васъ Богъ?

Прямиковъ.

Постой, и прежде мнѣ позволь
Спросить, правдивъ ли слухъ по городу несется,
Что барышня твоя ужъ за-мужъ отдается?

Анна.

Что отдается, въ томъ, навѣрное, вамъ лгутъ,
Но то не солгано, сударь, что отдаютъ.

Прямиковъ.

Скажи мнѣ искренно, скажи все, что ты знаешь;
Или и ты меня въ печали оставляешь?
Хоть словомъ успокой, Анютушка, меня.

Анна.

Да что мнѣ вамъ сказать?

Прямиковъ.

Скажи, любимъ ли я?

Анна.

Хотя и не совсѣмъ, сударь, вы правы сами.
Но правды потаить я не хочу предъ вами.
Васъ любятъ; но бѣда, что принуждаютъ насъ
Женою быть того, кто не похожъ на васъ.

Прямиковъ.

Ахъ Боже мой! поди жъ скажи ты ей, Анюта!...

Анна.

Да вотъ она сама.

ЯВЛЕНІЕ III.

Софія, Прямиковъ, Анна и Добровъ.

Прямиковъ (*цѣлуетъ у Софіи руку*).

Счастливая минута!
Съ какою радостью я вижу васъ опять!

Софія.

Ахъ! да откуда вы?

Прямиковъ.

Могу ль себя ласкать
Надеждой, что моей вы къ вамъ любви сердечной....

Софія.

Вы позабыли насъ!

Прямиковъ.

Ахъ, нѣтъ; я помнилъ вѣчно,
И вѣчно образъ вашъ въ душѣ моей...

Анна (*къ Софіи*).

Но вотъ
Сюда вашъ батюшка, сударыня, идётъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ жъ и Кривосудовъ.

Прямиковъ (*къ Кривосудову*).

Позвольте вамъ, сударь! отдать мое почтенье.
Я Прямиковъ. Процессъ мой къ вамъ на разсмотрѣнье
Вступилъ. Я въ правости на вашъ надѣюсь судъ.

Кривосудовъ.

А! знаю... (*къ Софіи*). А ты что, чего зѣваешь тутъ?...
Поди въ уборную: ты видишь, челобитчикъ.
(*Софія и Анна уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Кривосудовъ, Прямиковъ и Добровъ.

Прямиковъ.

Осмѣлюсь вамъ сказать...

Кривосудовъ.

А! господинъ повытчикъ!

Добровъ.

Съ днемъ ангела, сударь, я поздравляю васъ,
Желаю новыхъ благъ на всякій день и часъ.

Кривосудовъ.

Благодарю, дружокъ!

Прямиковъ.

Я смѣлость принимаю...
О дѣлѣ вамъ моемъ...

Кривосудовъ.

Да я сказалъ что знаю.
На долго ль въ городъ къ намъ?

Прямиковъ.

То должно вамъ рѣшить.

Кривосудовъ.

Мы рады гостю.

Прямиковъ.

И... безъ тяжбы здѣсь прожить
Я нѣсколько хотѣлъ. Позвольте мнѣ о дѣлѣ...

Кривосудовъ.

Разсмотримъ мы его на этой же недѣлѣ.

Прямиковъ.

Но я хотѣлъ, сударь, вамъ прежде изъяснить...

Кривосудовъ.

Напрасно вы себя изволите трудить:
Мы дѣло на письмѣ увидѣть можемъ ясно;
И предувѣдомлять хотите вы напрасно.

Прямиковъ.

Однако, я прошу...

Кривосудовъ.

Вамъ не о чемъ просить:
Мы по законамъ всѣ должны дѣла вершить.
Безъ просьбы оправдимъ, коль право ваше свято;
А сколько ни просить, коль дѣло плоховато...

Прямиковъ.

Не о потачкѣ я упрашивать хотѣлъ;
Безчестьемъ вамъ и мнѣ такую бъ просьбу счелъ.
Но дѣло въ сторону; я къ вамъ имѣю нужду,
Процесса всякаго и всякой тяжбы чужду,
Важнѣйшую всего на свѣтѣ для меня.
Простите мнѣ, что вамъ откроюсь прямо я.
Вамъ домъ извѣстенъ мой, порода и помѣстья:
Я льщусь, сударь, что вамъ не сдѣлаю безчестья,
И искренность моихъ поступковъ докажу,
Когда вамъ, какъ отцу, признательно скажу,
Что вашей дочери прелестной красотою

Плѣненъ смертельно я; что счастливой судьбою
Почту я сыномъ вамъ, а ей супругомъ быть.

Кривосудовъ.

Дочь! какъ!—гдѣ вы ее успѣли полюбить?

Прямиковъ.

Въ столицѣ, какъ она у тётушки бывала,
Имѣлъ я счастіе...

Кривосудовъ.

А тётка это знала?

Прямиковъ.

Я страсти передъ ней не думалъ и скрывать.

Кривосудовъ.

Она съума сошла! да какъ же такъ спущать?

Прямиковъ.

Мнѣ странно: не уже ль я этимъ васъ обижу?

Кривосудовъ.

Никакъ, но въ первый разъ я васъ сегодня вижу.
Она же молода; у ней же есть и мать.
Прошу за честь сію спасибо васъ принять:
Однако же нельзя такъ скоро намъ рѣшиться.

Прямиковъ.

Я только лишь хотѣлъ объ этомъ изъясниться:
Узнать, могу ль себя я хоть надеждой льстить?

Кривосудовъ.

На сей седмицѣ васъ почтимся мы рѣшить.

Прямиковъ.

Такъ вы даете мнѣ надежду что я буду?..

Кривосудовъ.

Надѣйтесь, вашего я дѣла не забуду.

Прямиковъ.

Я съ восхищеньемъ васъ, сударь, благодарю.

Кривосудовъ.

Добро; явитеся лишь вы къ секретарю.

Прямиковъ.

Зачѣмъ къ секретарю?

Кривосудовъ.

Онъ силу въ дѣлѣ знаетъ.
Да, ба! Повытчикъ тутъ съ дѣлами ожидаетъ:
Мнѣ резолюцію на нихъ потребно дать.

(*Беретъ бумаги*).

Прямиковъ.

Позволите ль мнѣ честь къ вамъ и впередъ бывать?

Кривосудовъ.

Добро пожаловать. — Я вашъ слуга покорный.

(*Прямиковъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Кривосудовъ и Добровъ.

Кривосудовъ.

Вотъ на! какой вострякъ! о! да какой проворный!
Лишь только на порогъ—и къ дочкѣ ужъ успѣлъ!
Да какъ сестра моя?... кто ей на шею сѣлъ?
Знать, что волочатся, и не сказать ни слова!

Добровъ.

Да можетъ быть, сударь, что женишка такова
Хотѣла приласкать. Вѣдь съ тысячью-то душъ
Красавецъ этакой хоть бы кому такъ мужъ.
Чинъ подполковничій; черезъ четыре года
Полкъ тысячный; а Богъ коли не дастъ похода,

*

То съ сихъ двухъ тысячъ душъ!—Позвольте мнѣ сказать
Преданнѣйшу слугѣ, чѣмъ онъ и вамъ не зять?

Кривосудовъ.

Вотъ эти молодцы все вѣтеръ лишь гоняютъ,
И родовыхъ наслѣдствъ беречь они не знаютъ;
А что и говорить о благонажитыхъ!
Кто первый захотѣлъ, тотъ и общиплетъ ихъ.
Не знаютъ, что за звѣрь экстрактъ и протоколы;
Лишь только разными языки и глаголы,
Съ своими-жъ Русскими, на площади, вездѣ,
Лепечутъ; а языкъ прильпе ихъ на судѣ.
Ты знаешь, нажилъ я вѣдь лишь трудомъ да пóтомъ,
Ну, такъ не жаль ли, братъ, какъ въ прахъ пойдетъ все мотомъ?
Такова зятя я хочу себѣ найтить,
Который бы умѣлъ къ нажитому нажить.
Да у меня и есть ужъ нѣкто на примѣтѣ.
(*Кладетъ бумаги на столъ*).

Добровъ (*беретъ бумаги и подноситъ ему*).

Три дѣла тутъ, сударь, которы по помѣтѣ,
Ужъ болѣе трехъ лѣтъ не рѣшены лежатъ:
Пора бы кончить ихъ...

Кривосудовъ.

Да кто же виноватъ?
Лежатъ!—вотъ на! затѣмъ, что николи не ходятъ
Просители ко мнѣ.

Добровъ.

Да чай они и бродятъ
Подъ окнами, сударь; но чтобъ сюда прійтить,
Такъ не съ чѣмъ имъ...

Кривосудовъ.

Такъ чтожъ? За ними мнѣ ходить
Прикажешь?

Добровъ.

Нѣтъ, сударь; но я за нихъ таскаюсь.
Ихъ правъ искъ: я нашолъ....

Кривосудовъ.

Такъ я и не мѣшаюсь;
Когда ты что нашолъ; находка предъ тобой.

Добровъ.

Что вотъ у этого послѣднею землёй
Грабительски его сосѣди завладѣли,
И домъ зимой сожгли.

Кривосудовъ.

Хозяина, знать, грѣли.

Добровъ.

А бѣдныхъ сихъ дворянъ въ подушный всѣхъ окладъ
Помѣщикъ записалъ.

Кривосудовъ.

Я былъ бы очень радъ,
Когда бъ въ крестьянску чернь, чтобъ носа не взносили,
Всѣхъ мелкотравчатыхъ дворянъ перекрестили.

Добровъ.

А этотъ, наконецъ, за поземельный споръ,
Обманомъ заведенъ къ помѣщику на дворъ,
Обруганъ тамъ, прибитъ; домой чуть дотащился,
И въ три дни отдалъ духъ.

Кривосудовъ.

Знать, дурно онъ лѣчился.

Добровъ (*въ сторону*).

Ну! вотъ и приговоръ!—(*вслухъ*) Да что жъ хоть первымъ
двумъ?...

Кривосудовъ.

Да дѣла не могу рѣшить я на-обумъ:
Кто правъ, кто виноватъ, мнѣ это видѣть должно.

Добровъ.

Изъ дѣла...

Кривосудовъ.

Ничего увидѣть не возможно.

Добровъ.

Но внятно говоритъ тутъ письменный доводъ.

Кривосудовъ.

Потребенъ, слышишь ли? изустный переводъ.

Добровъ.

Но дѣло на письмѣ гласитъ довольно ясно.

Кривосудовъ (*вырываетъ бумаги бьетъ объ столъ и бросаетъ*).

Но дѣло на письмѣ, хоть бей объ столъ, безгласно.
Да полно пустошью мнѣ голову ломать;
Поди: къ обѣднѣ мнѣ пора ужъ поспѣшать.

Добровъ (*поднявши бумаги*).

Хоть взгляньте....

Кривосудовъ.

Охъ! поди, не говори мнѣ болѣ.

Добровъ.

При бѣломъ ихъ, сударь, принесъ я протоколѣ;
Лишь подписать.

Кривосудовъ.

Поди.

Добровъ.

Для ангела!

Кривосудовъ.

Поди.

Добровъ.

Для праздника!

Кривосудовъ.

Поди, поди и пропади!
(*Выталкиваетъ вонъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Кривосудовъ.

Тьфу! бѣшеный какой! чуть къ горлу не придрался,
И съ челобитчикомъ скорѣя бъ развязался!
Лишь только подписать, готовъ и протоколъ;
(*передразнивая*)
Нѣтъ, другъ мой, да и я, вѣдь, также не осёлъ.
Когда всѣ на-голо подписывать я буду,
То скоро работать (*дѣлая будто жуетъ*) и челюстьми забуду.
Перо, и то въ себя чернилы, вѣдь, берётъ:
Такъ мнѣ ли одному сидѣть разиня ротъ,
И видя подъ носомъ летящихъ куропатокъ,
Изъ сотни не схватить одну или десятокъ?
Простъ былъ бы я и впрямь!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Кривосудовъ, Ѳекла, Наумычъ и Архипъ (съ подарками въ корзинахъ).

Ѳекла.

Вотъ, милый муженёкъ,
Къ намъ Проваловъ прислалъ Наумыча.

Кривосудовъ (*надѣвая перстни, шпагу и проч.*).

Дружокъ!

Здорово. Господинъ каковъ твой?

Наумычъ.

Васъ поздравить

Велѣлъ съ днемъ ангела, и симъ... (*показывая подарки*).

Ѳекла (*Архипу*).

Изволь поставить.

Наумычъ.

Поклонъ вамъ отдаетъ.

Кривосудовъ.

Благодари его;

Но много такъ на что?

Наумычъ.

И, сударь, ничего!

Кривосудовъ.

Но, право, совѣстно.

Наумычъ.

Домашне все, вѣдь, это.

Ѳекла.

А намъ бы все платить наличною монетой.

Наумычъ.

Не ужъ? сударыня!

Кривосудовъ.

Но будетъ ли онъ къ намъ

На дружескій обѣдъ?

Наумычъ.

Когда угодно вамъ.

Кривосудовъ.

Пожалуй попроси.

Ѳекла.

Мы будемъ дорогова

Ждать гостя.

Наумычъ.

Я скажу.—(*Кривосудову*) О дѣлѣ я два слова
Хотѣлъ промолвить вамъ. Соперникъ прибылъ нашъ...

Кривосудовъ.

Онъ былъ ужъ у меня.

Наумычъ (*Ѳеклѣ, разсматривающей и раскладывающей подарки*).

Въ бутылкахъ эрмитажъ.

Кривосудовъ.

Но я его оттёръ. О дѣлѣ небылицы
Занесъ-было, но я замялъ рѣчь.

Наумычъ (*Ѳеклѣ*).

Фунтъ горчицы.

Кривосудовъ.

И съ рукъ сжилъ.

Наумычъ.

Сколько жъ вамъ мой господинъ, сударь,
Обязанъ? (*Ѳеклѣ*) На робронъ атласъ.

Ѳекла.

Какой хабаръ!

Кривосудовъ.

Но какъ онъ намекнулъ, то дѣло плоховато!

Наумычъ.

Все ложно. (*Ѳеклѣ*) На кафтанъ тутъ бархатецъ косматой.
(*Кривосудову*) И вы словамъ, сударь, не вѣрьте.

Кривосудовъ.

Ну! добро;

Посмотримъ.

Наумычъ (*Ѳеклѣ*).

Флёръ цвѣтной невѣстѣ на фуро.

(*Кривосудову, указывая на подарки*).

На дѣлѣ мы, сударь, доказываемъ ясно.

Кривосудовъ.

Добро, добро.

Наумычъ (*Ѳеклѣ*).

За насъ словцо.—Шампанско красно.

Кривосудовъ.

Ужо посмотримъ.

Ѳекла.

Да, мой милый, посмотри:

Одной провизіи не съѣсть недѣли въ три.

Кривосудовъ (*смотря на подарки*).

Ба, ба! что вижу впрямь! да это дворъ гостиной!

Наумычъ.

Изволите шутить.

Ѳекла (*Наумычу*).

Обернуто холстиной?

Наумычъ (*Ѳеклѣ*).

Швейцарскій сыръ. (*Кривосудову*) Такъ мы надѣемся на васъ?

Кривосудовъ.

Ну, кланяйся; добро.

Ѳекла.

Обѣдъ нашъ ровно въ часъ.

Наумычъ.

Навѣрно будетъ.

Ѳекла.

Ну! спасибо.

Кривосудовъ.

Ну! спасибо.

Ѳекла (*провожая Наумыча*).

Спасибо.

Наумычъ (*возвратясь, Ѳеклѣ*).

Тамъ, въ сѣняхъ, въ кулькѣ провѣсна рыба.
(*Уходитъ съ Архипомъ*).
(*Слуга выноситъ подарки*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Кривосудовъ и Ѳекла.

Ѳекла.

Какой же умница Наумычъ!

Кривосудовъ.

Не дуракъ!

Ѳекла.

И Праволовъ какой досужей!

Кривосудовъ.

Не простакъ.

Ѳекла.

Какъ любитъ онъ нашъ домъ, и какъ не оставляетъ!

Кривосудовъ.

Зато и дѣлать ужъ чего не заставляетъ!

Ѳекла.

Вотъ другъ, какихъ теперь въ диковинку сыскать!
Все знаетъ напередъ, что думаешь сказать;
Всѣ памятуетъ дни: крестины, имянины,
Родины....

Кривосудовъ.

Плохо лишь онъ помнитъ день кончины!

Өекла.

Имъ живы; кормитъ насъ, и домъ нашъ и весь скотъ;
И словомъ: имъ живемъ безъ нужды, безъ хлопотъ.

Кривосудовъ.

Но до хлопотъ, смотри, чтобъ съ нимъ намъ не добиться.
Ужъ сталъ онъ нѣсколько тяжелъ намъ становиться:
Я слышу на него отвсюду вопіютъ.
Лишь утушимъ одно,—другое дѣло въ судъ;
И сдѣлалъ для него ужъ я такихъ премного,
Изъ коихъ и одно бъ могло, судить коль строго,
Во уголовный судъ меня препроводить.
Чтобъ лакомствомъ его оскомы не набить!

Өекла.

Пустое: ты вертишь, вѣдь, всѣ дѣла чистенько.

Кривосудовъ.

Что черно, какъ ни чисть, а будетъ все черненько.

Өекла.

Пустое: мы ль одни! всѣхъ не переведутъ.

Кривосудовъ.

А какъ по жеребью прійдетъ отвѣдать тутъ?...

Өекла.

Пустое; знать, съ утра ты лѣвой всталъ ногою,
Что голову набилъ такою чепухою.
Ты только посмотри, какъ оборотливъ онъ:
Въ столицѣ у него, ты знаешь, есть патронъ
И, сверхъ того, еще пріятелей имѣетъ.
Куда ни кинется, вездѣ ужъ онъ поспѣетъ.
Такъ ты пожалуйста пустова не страшись
И на него въ дѣлахъ его ты положись.

Кривосудовъ.

Что дѣлать!

Өекла.

Ахъ! на умъ теперь пришло мнѣ кстати,
На Прямикова искъ въ гражданской вѣдь палатѣ.

Кривосудовъ.

Такъ точно.

Өекла.

Онъ о немъ давно мнѣ говорилъ.

Кривосудовъ.

А мнѣ не такъ давно.

Өекла.

Какъ онъ со мной судилъ,
То, съ стороны его казалось дѣло свято.

Кривосудовъ.

А я скажу тебѣ, что очень плоховато;
И я не знаю, какъ ужъ тутъ и поворотить.

Өекла.

Однако жъ, милый мой, ты долженъ пособить,
Вѣдь вспомни, какъ онъ намъ....

Кривосудовъ.

Да помню такъ, какъ должно;
Но памятью одной тутъ пособить не можно:
Тутъ надобенъ указъ, иль право, иль законъ.

Өекла.

Законовъ столько!

Кривосудовъ.

Такъ.

Өекла.

Указовъ милліонъ!

Кривосудовъ.

И это истинно.

Θекла.

Правъ цѣлая громада!

Кривосудовъ.

Все неоспоримо.

Θекла

Ну, такъ чевоже надо?

Кривосудовъ.

Безумна! надобно такой законъ прибрать,
Чѣмъ виноватаго могли бы оправдать.

Θекла.

Да вѣдь законъ прибрать секретарево дѣло,
А ваше лишь рѣшить; и я ручаюсь смѣло,
Что секретарь прибралъ законъ ужъ для него:
Изъ пропасти такой не выбрать одного!

Кривосудовъ.

Да я же не одинъ: вѣдь у меня есть члены.

Θекла.

Вотъ на еще! да имъ и море по колѣны:
Такъ много ль надобно ихъ уломать труда!

Кривосудовъ.

Инъ быть такъ; если онъ спроворитъ до суда
Всѣхъ членовъ наклонить, то вотъ тѣ слово свято,
Что ужъ и я пущусь.... хоть дѣло плоховато!

Θекла.

Притомъ для дочери онъ не женихъ, а кладъ.
А свой, вѣдь, своему и по-неволѣ братъ.

Кривосудовъ.

Ба! я позабылъ сказать тебѣ, что снова
Господь намъ женишка даруетъ и другово.
Какъ на голову снѣгъ севодни...

Ѳекла.

Кто таковъ?

Кривосудовъ.

Онъ подполковникъ; дай мнѣ вспомнить... Прямиковъ.

Ѳекла.

Что съ Праволовымъ?...

Кривосудовъ.

Да, тотъ самый.

Ѳекла.

И на эту
Вѣсть не далъ ты ему отвѣта прямо?

Кривосудовъ.

Нѣту.

Ѳекла (*съ жаромъ*).

Какъ! хочешь намъ его на шею навязать?

Кривосудовъ.

Никакъ; я лишь хотѣлъ сперва тебѣ сказать.

Ѳекла.

Я слышать не хочу; чтобъ не было и духу
Его у насъ въ дому.

Кривосудовъ.

Онъ нашу дочь-воструху
Въ Москвѣ ужъ зналъ.

Ѳекла.

Какъ зналъ?

КРИВОСУДОВЪ.

Зналъ у сестры въ дому.

ѲЕКЛА.

Возможно ль быть?... Да я... Да я ей!... я ему!...

КРИВОСУДОВЪ.

Спокойся же, мой другъ! вѣдь отказать намъ можно.

ѲЕКЛА.

Не только отказать, но заказать тутъ должно,
Чтобъ къ намъ онъ ни ногой.—Онъ хочетъ забѣжать,
И сватовствомъ тебя къ себѣ лишь привязать,
Чтобъ въ дѣлѣ ты ему помочь не отказался;
Но не на олуховъ молодчикъ разскакался:
Намъ Праволовъ давно знакомъ; а старый другъ,
И по пословицѣ: вѣдь лучше новыхъ двухъ.
Не правда ль? миленькой! ась?

КРИВОСУДОВЪ.

Правда присносущна.
Но, кажется, къ нему дочь очень равнодушна.
Ей что-то Праволовъ не по-нутру.

ѲЕКЛА.

Такъ что жъ?
Такъ на нее смотрѣть? что старъ онъ, не пригожъ,
Не финтоватъ, не враль, такъ дурѣ и не нравенъ;
Но умъ его ужъ зрѣлъ и кошелекъ исправенъ.
Полюбятся они, какъ лѣтъ пять поживутъ.
Не такъ ли?

КРИВОСУДОВЪ.

Точно такъ. Что за сомнѣнье тутъ?

ѲЕКЛА.

Ну, такъ оставивши пустыя, вздорны бредни,
Пойдемъ, чтобъ этакъ намъ не проболтать обѣдни.

(*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Праволовъ и Наумычъ.

Праволовъ.

Ну, все ль исправно ты спроворилъ по наказу?

Наумычъ.

Исполнилъ все, сударь, по вашему приказу.

Праволовъ.

Подарки всѣмъ судьямъ изъ глаза ты на глазъ,
Съ поклономъ отъ меня препоручилъ?

Наумычъ.

Какъ разъ.

Праволовъ.

И что они тебѣ на это отвѣчали?

Наумычъ.

Что по-судейски имъ обыкновенно—взяли.

Праволовъ.

Навѣдался ли, гдѣ присталъ нашъ Прямиковъ?

Наумычъ.

Въ трактирѣ.

Праволовъ.

Хорошо. Подьячимъ тамъ пировъ
Пріятельскихъ давать нельзя ему: народу,
И день и цѣлу ночь, тамъ тьма безъ переводу.
Но для запаса ты приставилъ ли дозоръ?

Наумычъ.

За пятьдесятъ алтынъ за нимъ слѣдитъ весь дворъ.

Праволовъ.

Кто стряпчимъ у него?

Наумычъ.

Кто стряпчимъ? нѣтъ ни духа.

Праволовъ.

Не можетъ это быть.

Наумычъ.

Отрѣжьте мнѣ полъ уха,
Коли я лгу. Но я въ совѣтники ему
Ужъ подпустилъ съ-тишка Ловилова Козьму.
Вы знаете, сударь, какъ онъ всѣмъ въ душу вьется:
А я ему шепнулъ, что если подберется
Онъ къ молодцу, и намъ откроетъ въ дѣлѣ чтó,
То перейдетъ въ карманъ ему полтинокъ сто.

Праволовъ.

Добро. Къ Секретарю отнесъ ли ты бумагу?

Наумычъ.

Отнесъ, и вейновыхъ чернилъ большую флягу.

Праволовъ.

Проворитъ ли онъ намъ, какъ честно слово далъ?

Наумычъ.

Проворитъ; о! да какъ!—во-вѣки не видалъ
Такова я дѣльца: въ экстрактѣ это дѣло
Онъ скомкалъ такъ, сударь, что я ручаюсь смѣло,
Кто бъ ни прочелъ его, хоть лобъ будь пядей въ пять,
Не можетъ слова въ немъ ни одного понять
Отвѣтну рѣчь смѣшалъ онъ такъ уловкой дивной,
Что смыслъ изо всего является противной
Всему тому, себя чѣмъ оправдаетъ онъ.
Законовъ въ пользу намъ подвелъ онъ милліонъ;

Но этимъ всѣмъ еще не удовлетворился,
И вновь съ вчерашня дня въ архиву онъ зарылся.

Праволовъ.

Такъ ладно все. Теперь и я тебѣ скажу,
Что около судей удачно ворожу:
Настроилъ всѣхъ подъ свой гудокъ; и трудъ великій
Лишь былъ мнѣ около проклятаго заики:
Все душу перегнуть боится сей провалъ;
Но, съ Божьей помощью, я чорта уломалъ.
Другимъ, какъ насказалъ указовъ, регламентовъ,
Да сунулъ въ банковый тисненныхъ документовъ,
Такъ и явился чистъ; а съ нимъ весь бился день.
Теперь остался мнѣ одинъ лишь нашъ хозяинъ;
Ну, какъ да не возьметъ онъ?

Наумычъ.

Кто? кто? этотъ Каинъ?
Лишь въ полный вѣсъ.

Праволовъ.

И такъ ужъ солонъ мнѣ...

Наумычъ.

Какъ быть!
Вы знаете: когда похлебки не солить...

Праволовъ.

Конечно. Между тѣмъ ты не забылъ искусно
Промежъ листовъ вклеить то показанье устно,
Чтó мы съ покойника?...

Наумычъ.

Спроворено ужъ всё.

Праволовъ.

А тѣ свидѣтели, которыхъ на-лицо
Нѣтъ, ужъ подставлены ль?

Наумычъ.

Ужъ всѣ, сударь, готовы.

Праволовъ.

Да твердо ль внушены? и всѣ ли однословы?

Наумычъ.

Не разобьются ужъ они въ словахъ, сударь.

Праволовъ.

А тѣ указики, что̀ далъ я, секретарь?...

Наумычъ.

Всѣ къ дѣлу помѣстилъ.

Праволовъ.

И такъ ужъ ладно дѣло?

Наумычъ.

Извольте приступать, сударь, къ суду вы смѣло.

Праволовъ.

Благодаря Творца, удачно здѣсь клеимъ.
Но чтобъ въ Саратовѣ по старенькимъ моимъ
Дѣламъ не вышло мнѣ....

Наумычъ.

А что же вамъ опасно?

Праволовъ.

Я письма получилъ: еще не видно ясно....

Наумычъ.

Съ которой стороны?

Праволовъ.

Ты помнишь споръ за лѣсъ?

Наумычъ.

Ну....

Праволовъ.

И убитой?

Наумычъ.

Что жъ? не уже ль онъ воскресъ?

Праволовъ.

Никакъ; но дѣло-то умерше воскресаетъ.

Наумычъ.

Вздоръ: кто ввойдетъ?

Праволовъ.

Да чортъ горами вѣдь качаетъ.

Наумычъ.

Нѣтъ ни наслѣдничка....

Праволовъ.

Отколь не знаю зло;
Но до намѣстника ужъ дѣло-то дошло.

Наумычъ.

Да у намѣстника....

Праволовъ.

Пріятелей имѣю;
Но я на нихъ весьма надѣяться не смѣю.
Вѣдь та бѣда, теперь не такъ, какъ въ старину:
Бывало, кто ужъ разъ возьметъ твою казну
Въ замѣну совѣсти, то ужъ солгать стыдится;
Теперь хоть отъ тебя, какъ прежде всякъ щечится,
Хоть всякъ обѣими по старинѣ берётъ,
Но если дѣло гдѣ доходитъ до хлопотъ,
И ежель туго гдѣ прійдетъ стоять за другомъ,
То онъ и съ кошелькомъ вильнетъ направо кругомъ.
Но что о будущемъ, о настоящемъ мнѣ
Здѣсь нужно хлопотать: съ отцомъ наединѣ
Я постараюся условиться о дѣлѣ,

Чтобъ скомкать намъ его на этой же недѣлѣ.
Онъ тѣмъ охотнѣе рѣшится мнѣ помочь,
Что выдать за меня свою желаетъ дочь.

Наумычъ.

Но не ужель и впрямь, сударь, на ней жениться?...

Праволовъ.

Я бъ долженъ напередъ съума сойти, взбѣситься.
Возможно ль дурочку, въ столицѣ лѣтъ съ шести
Преизбалованну почти до двадцати,
Которая приходъ съ расходомъ свесть не знаетъ,
Шьетъ, на Давыдовыхъ лишь гусляхъ повираетъ,
Да по-французски врётъ, какъ сущій попугай,
А по-природному ни здравствуй, ни прощай, —
Возможно ли въ жену такую взять мнѣ дуру!
Съ ней развѣ запереть себя навѣкъ въ кануру.
Нѣтъ, тѣшатся пускай мать ею, да отецъ;
А я слуга ея, лишь дѣлу бы конецъ;
Но до того манить мнѣ ихъ женитьбой нада.
Вотъ на! забылъ: сюда, чай, членовъ всѣхъ громада
На имянинный пиръ изволитъ навалить;
Я всѣхъ ихъ на-поваль хочу перепоить.
А чтобы не довесть хозяевъ до убытковъ,
Ступай, и разнаго запаса и напитковъ,
Какъ за обѣдъ пойдемъ, сюда ты принеси;
И самъ секретаря усильно попроси,
Чтобъ былъ онъ за меня съ хозяиномъ картёжить;
А проигрышъ его не долженъ ужъ тревожить.
Поди; да вотъ онъ самъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Праволовъ, Кохтинъ и Наумычъ.

Праволовъ (*обнимая его*).

Здорово, милый другъ!

Кохтинъ.

Я васъ ища, сударь, обѣгалъ городъ вкругъ:
И въ уголовной былъ; тамъ въ нижнюю расправу;
На мигъ къ колодничью я забѣжалъ приставу;
Оттоль къ межевщику, оттуда въ магистратъ,
Оттоль въ смирительный, оттоль сюда; и радъ,
Что васъ хоть здѣсь засталъ. Я радостну новинку....

Праволовъ.

Какую?

Кохтинъ (*протягивая руку*).

Тьфу! забылъ...

Праволовъ (*даетъ синюю ассигнацію*).

Вотъ, другъ мой! на вспоминку.

Кохтинъ.

Да, да; поймалъ: она — Да сколько же трудовъ
Пока дорылся! Дни ...

Праволовъ.

Ну, безъ обиняковъ,
Скажи ее.

Кохтинъ.

Дни три, повѣрьте, безъ засыпу....
Вѣдь надо было мнѣ бумагъ огромну кипу....

Праволовъ.

Я вѣрю; но скажи.

Кохтинъ.

Но прежде чѣмъ сказать,
Я долженъ вамъ...

Праволовъ (*даетъ еще синюю ассигнацію*).

Тебѣ я долженъ: можешь взять.
Да только лишь скажи.

Кохтинъ.

Какъ вы нетерпѣливы!
Такъ я скажу, сударь, что вы весьма счастливы;
И что моимъ трудомъ, вдругъ послѣ всѣхъ заботъ,
Вашъ искъ возьметъ, сударь, хорошій оборотъ. —
А что? не рады ль вы?... (*Наумычу*) А ты что не хохочешь?

Праволовъ (*даетъ еще синюю ассигнацію*).

Скажи лишь прямо все; я радъ дать что ты хочешь.

Кохтинъ.

Ну, такъ скажите жъ мнѣ, какъ при крещеньи званъ
Былъ другъ нашъ Прямиковъ?

Праволовъ.

На что?

Кохтинъ.

Да какъ?

Праволовъ.

Богданъ.

Кохтинъ.

Зовите жъ вѣчно вы меня Искаріотомъ,
Когда онъ искони не окрещенъ Федотомъ.

Праволовъ.

Какой вздоръ!

Кохтинъ.

Нѣтъ, не вздоръ: духовной доведу.

Праволовъ.

Да если бъ онъ былъ такъ и названъ на роду,
То много ль изъ того корысти бы мнѣ было?

Кохтинъ.

Что вдругъ вашъ умъ, сударь, такъ тупо притупило?
Нѣтъ нужды знать, зачѣмъ онъ имя премѣнилъ,

Но нынѣ онъ Богданъ; а я вамъ доложилъ,
Что Прямикова сынъ, въ свое, сударь, крещенье
Федотомъ названъ былъ: то малое ль сомнѣнье
Тутъ предстоитъ, что сей Богданъ, не тотъ Федотъ,
О чьемъ наслѣдіи вашъ искъ, сударь, идётъ?

Праволовъ (*обнимая его*).

Ахъ! другъ ты мой! дружокъ! Ахъ! другъ ты мой сердечной!
Я благодарностью тебѣ обязанъ вѣчной.
Ну, какъ же удружилъ ты этой новизной!

Наумычъ (*въ сторону*).

Тьфу! экъ онъ вывернулъ!—бѣсовской сынъ прямой!

Кохтинъ.

Я вамъ сказалъ, что вы обрадуетесь сильно.

Праволовъ.

Да какъ въ дѣлахъ твое проворство изобильно!
Въ духовной?

Кохтинъ.

Въ ней, сударь!

Праволовъ.

Его отца?

Кохтинъ.

Отца.

Праволовъ.

Доѣду жъ этого теперь я молодца!

Кохтинъ.

Въ согласье важнаго такого документа,
Я тотчасъ поспѣшилъ, не тратя ни момента,
Къ прошенью вашему прибавку учинить,
Для васъ потребно гдѣ экстрактъ перечернить;
И къ завтрашнему дню все будетъ ужъ готово.

А какъ и дѣло все пріяло образъ новый,
То новенькіе я законы пріискалъ,
И съ дѣломъ, кажется, гладенько сочеталъ.
Но если и еще чего тутъ не достанетъ,
То этотъ все, сударь, указикъ вамъ натянетъ.
(*Подаетъ ему бумагу*).

Праволовъ.

Подай, мой другъ!—(*Прочитавъ бумагу*). Ну, такъ одно къ другому льнетъ....
Теперь онъ отъ меня уже не ускользнетъ.
Ахъ! милый ты мой другъ! какъ я тебѣ обязанъ!

Кохтинъ.

Готовъ служить впередъ: я къ вамъ душой привязанъ.
(*Потряхиваетъ камзольнымъ карманомъ*).

Праволовъ.

Спасибо; вѣрю я; но вотъ на этотъ разъ
Прими, мой другъ, еще пожалуй, за указъ.
(*Хочетъ дать ему нѣсколько рублей, но Анна вбѣгаетъ, слышитъ послѣдній стихъ, и деньги остаются въ рукѣ Праволова*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Праволовъ, Кохтинъ, Наумычъ и Анна.

Анна.

Казалось: господа пріѣхали.

Праволовъ.

Анюта!
Здорово. Не дичись, стороннихъ нѣтъ вѣдь тута.
Какъ барышня спала, скажи мнѣ, ночью сей?

Анна.

Не хорошо.

Праволовъ.

А что?

Анна.

Все чудились вы ей.

Праволовъ.

Мнѣ лестно, что меня она и сонна видитъ;
Знакъ, что и наяву не ненавидитъ.
За эту вѣсть хочу Анюту въ первый разъ
Я подарить. (*Даетъ ей тѣ рубли, что у него остались*).

Анна (*не принимая*).

Да вѣдь вѣсть эта не указъ;
И я не знаю ихъ.

Кохтинъ (*представляя, будто что суетъ въ карманъ кафтанной*).

Такъ знаешь уложенье.

Праволовъ.

Пожалуй же пріими, за доброе хотѣнье.

Анна (*не принимая*).

Изъ доброй воли хочу желать добра.

Кохтинъ (*тихо къ Праволову*).

Вы видите, она не падка до сребра;
Пожалуйте лишь мнѣ, я золотцомъ подброшу.
(*Беретъ деньги*).

Анна (*въ сторону*).

Ахъ! какъ я лавержетъ тебѣ, срамецъ, взъерошу!
(*Вслухъ*) Карету слышу я, ихъ надо встрѣтить мнѣ.
(*Уходитъ*).

Праволовъ (*Кохтину*).

Оставь съ хозяиномъ меня наединѣ.
(*Наумычъ беретъ за руку Кохтина и уходитъ въ другія двери*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Кривосудовъ, Өекла, Софія, Праволовъ и Анна.

Праволовъ.

Усердно съ праздникомъ, сударь, васъ поздравляю.

Кривосудовъ (*обнимая его*).

Благодарю весьма; здоровья вамъ желаю.

Праволовъ (*къ Өеклѣ, цѣлуя ея руку, а потомъ у Софіи*).

И васъ, сударыня.

Өекла.

Мы вдвое должны васъ
Благодарить: съ утра вы не забыли насъ.

Кривосудовъ.

Мнѣ право совѣстно, что вы....

Праволовъ.

Какъ вамъ не стыдно?

Өекла.

Такъ много ужъ для насъ...

Праволовъ.

Вотъ это мнѣ обидно.

Кривосудовъ.

Нѣтъ это слишкомъ ужъ...

Праволовъ.

Нельзя ль не вспоминать?

Өекла.

Вы разоряетесь....

Праволовъ.

Прошу же перестать.

Кривосудовъ.

Но я впередъ прошу....

Праволовъ.

Хоть мало пощадите.

Ѳекла.

Такъ много...

Праволовъ.

Иль меня вы—выжить вонъ хотите?

Ѳекла.

Никакъ: вы дорогой и милый гость у насъ;
И сердцемъ рады мы васъ видѣть каждый часъ.
Но на одинъ лишь мигъ.... чтобы разоблачиться.—
(*Уходитъ и уводитъ Софію и Анну*).

Праволовъ.

Прошу, сударыня, со мною не чиниться.

ЯВЛЕНІЕ V.

Кривосудовъ и Праволовъ.

Во время сего дѣйствія Ѳекла по-часту выглядываетъ изъ дверей и показываетъ Праволову, что она даетъ ему время переговорить съ ея мужемъ. А какъ тотъ беретъ деньги, то она радостные знаки дѣлаетъ, и прочая.

Кривосудовъ.

Прошу жъ, другъ милый, сѣсть.

Праволовъ.

Мнѣ совѣстно въ такой,
Какъ нынѣ, день скучать....

Кривосудовъ.

Пріятель дорогой!
Пожалуй говори съ душею мнѣ открытой.

Праволовъ.

О дѣлѣ я моемъ, чтобъ лишней волокитой
Не изнурять себя, желалъ вамъ говорить.
Соперникъ мой ужъ здѣсь; онъ станетъ яму рыть.

Кривосудовъ.

Ну, да коли не правъ, такъ самъ падетъ во ону.

Праволовъ.

Но, можетъ быть, иной повѣритъ Вѣтрогону
И станетъ иначе о дѣлѣ ужъ судить;
Потребно мнѣніямъ не дать, сударь, простить.
Тѣмъ паче, что мое такъ въ дѣлѣ право свято....

Кривосудовъ.

Нѣтъ, между насъ сказать, такъ дѣло плоховато!

Праволовъ.

Вы шутите, сударь. Извольте лишь ввойтить,
Вы ясно въ дѣлѣ семъ изволите найтить,
Что не наслѣдникъ онъ.... наслѣдному имѣнью;
Что несомнѣнному подвержено... сомнѣнью
Свидѣтельство, что далъ ему Уѣздный судъ;
Что хоть сосѣди всѣ и присягнули тутъ,
Но документы гдѣ и ястныя бумаги,
Не должно тамъ отнюдь уже давать присяги;
И вы бъ увидѣли, что съ стороны его
Онъ правится ни чѣмъ; а напротивъ того
Нашли бы, что мой искъ, по купчей, мною взятой...

Кривосудовъ.

Ну, что ни говори, а дѣло плоховато!
А какъ великъ вашъ искъ?

Праволовъ.

Да только лишь село,
Отъ коего земли ужъ много отошло.
Да маленькія три при ономъ деревеньки;

Угодья хороши, да мужички бѣдненьки.
Съ осмью паствами плотина на рѣкѣ;
При томъ и сѣнокосъ и лѣсъ въ особнякѣ.

КРИВОСУДОВЪ.

Я слышалъ, конской есть заводецъ тамъ богатой?

ПРАВОЛОВЪ.

Я могъ бы услужить...

КРИВОСУДОВЪ.

Да дѣло плоховато!

При томъ?

ПРАВОЛОВЪ.

Три пустоши, хоть мѣры и большой,
Да только кряжъ земли ужъ тутъ пришолъ другой.
Еще два озерка, да прудъ.

КРИВОСУДОВЪ.

А скотъ рогатой?

ПРАВОЛОВЪ.

Имѣется, я бъ могъ....

КРИВОСУДОВЪ.

Да дѣло плоховато!

ПРАВОЛОВЪ.

А, кстати: слышалъ я, назадъ тому дней пять,
Что вздумали и вы деревню покупать;
И съ выгодой притомъ?

КРИВОСУДОВЪ.

Да, такъ; была затѣя.

Отсталъ.

ПРАВОЛОВЪ.

Что жъ?

Кривосудовъ.

Въ долгъ купить такъ заболитъ и шея;
Наличныхъ же дастъ Богъ.

Праволовъ.

Когда сія одна
Причина, то... а какъ послѣдняя цѣна?

Кривосудовъ.

Три тысячи.

Праволовъ.

Всего? да это даровое.
Я почиталъ, сударь, по крайней мѣрѣ вдвое.
Повѣрьте мнѣ: я вамъ совѣтую купить.

Кривосудовъ.

Я бъ радъ; да ежели мнѣ не чѣмъ заплатить?

Праволовъ.

Ужъ это не должно тревожить вашу думу.
Я вамъ могу служить: я точно эту сумму
Имѣю, и ее мнѣ некуда дѣвать.

Кривосудовъ.

Нѣтъ; я васъ не хочу отнюдь обременять.

Праволовъ.

Напротивъ, вы меня чрезъ это облегчите;
И не уже ль меня обидѣть захотите?
Вы знаете, я вамъ другъ не съ вчерашня дня,
Притомъ же я почти уже вамъ и родня:
Вы за меня отдать вѣдь дочь согласны вашу.

Кривосудовъ.

Но, милый, не вошли еще вы въ семью нашу;
А деньги любятъ счетъ; и брать на срокъ възаймы...

Праволовъ.

Да въ этомъ дружески сойдемся съ вами мы:
Вы отдадите мнѣ, какъ лишнія случатся.

Кривосудовъ.

Нѣтъ; нѣтъ.

Праволовъ.

Но у меня онѣ вѣдь залежатся,
Позвольте ими вамъ изъ дружбы услужить.
Вотъ всѣ тутъ. (*Даетъ пакетъ*).

Кривосудовъ.

О! нѣтъ, нѣтъ.

Праволовъ.

И такъ вы оскорбить
Намѣрены меня когда, сударь, отъ друга
Вамъ не угодна ужъ и малая услуга?

Кривосудовъ.

Да какъ?

Праволовъ.

Не тратьте словъ.

Кривосудовъ.

Нельзя вамъ отказать;
Но, ей-ей, совѣстно.... (*беретъ пакетъ*).

Праволовъ.

Опять-таки, опять!

Кривосудовъ (*встаетъ*).

Я жъ вамъ росписочку...

Праволовъ.

Мы съ вами такъ ужъ близки;
И межъ друзей, сударь, какія тутъ расписки?

Кривосудовъ.

Вы вяжете меня довѣренностью сей,
Мой милый другъ, сильнѣй, чѣмъ строгость векселей.
(*Цалуетъ его*).

Праволовъ.

Ни въ малой для сего не будьте вы тревогѣ.
Но эта, чаю, мнѣ деревня по дорогѣ;
Я бъ завернулъ въ нее, чтобъ распорядокъ дать,
И обстоятельно вамъ отрапортовать,
Когда бъ скорѣй меня отправили отселѣ.

Кривосудовъ.

Да быть такъ, ужъ добро: на этой же недѣлѣ.

Праволовъ.

Мнѣ дѣла на словахъ нельзя такъ изъяснить,
Но на бумагѣ все изволите найтить.

Кривосудовъ.

Инъ на бумагѣ мы увидимъ все, какъ должно.

Праволовъ.

И такъ, надѣяться уже, сударь, мнѣ можно?

Кривосудовъ.

Да прочихъ членовъ тожъ вамъ должно попросить.
(*Дѣлая будто считаетъ деньги*).

Праволовъ.

Они наклонны всѣ мнѣ право присудить;
Лишь вы бъ, сударь!...

Кривосудовъ.

Когда ужъ всѣ они согласны,
Инъ ужъ добро; по мнѣ вы будьте безопасны.
Да, слышу, вотъ валятъ всѣ гуртомъ къ намъ они.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Кривосудовъ, Праволовъ, Бульбулькинъ, Атуевъ, Радбынъ, Паролькинъ, Хватайко, Кохтинъ. Өекла, Софія. (Члены входятъ въ среднюю дверь, а Өекла съ дочерью съ другой стороны).

Бульбулькинъ.

Хозяину поклонъ; счастливы, долги дни.

Атуевъ.

Желаю здравствовать; усердно поздравляю.

Хватайко.

Здоровы съ праздникомъ.

Парольвинъ.

Я счастья вамъ желаю.

Радбынъ.

И-и я по-по-здра-здра-здравляю васъ.

Кохтинъ.

Да ниспослетъ Господь тьму благъ на всякъ вамъ часъ!

Кривосудовъ.

Благодарю, друзья! Жена! проси садиться.

Өекла.

Покорнѣйше прошу.—(*Къ Софіи*) А ты и поклониться
Не смыслишь:—все-таки въ присядку.

Бульбулькинъ.

А! и другъ
Нашъ, Праволовъ, здѣсь.

Атуевъ (*къ Праволову*).

Что? здорово ль?

Праволовъ.

Для услугъ.

*

Паролькинъ (*къ Праволову*).

Да что-то не веселъ?

Хватайко.

Вѣдь нашъ онъ челобитчикъ.

(*Всѣ садятся*).

Бульбулькинъ.

Ну, проповѣдь!—Прямой... этотъ всѣхъ обидчикъ...

Радбынъ.

Но пра-пра-право, онъ не безъ при-при-чи-чи-чины...

Бульбулькинъ.

Другая проповѣдь!

Атуевъ.

И тутъ не жди кончины.

Радбынъ.

До-до-до-води-дитъ и и-ино-ногда
Насъ пра-пра-правдою до-до до-сты-стыда.

Праволовъ (*подойдя къ Бульбулькину, тихо*).

Венгерской Анталъ какъ?

Бульбулькинъ.

Зелёнъ и хлѣбомъ пахнетъ.

Праволовъ (*Атуеву тихо*).

Тѣ своры Крымскихъ?—

Атуевъ.

Ну! ужъ братъ! хоть кто такъ ахнетъ.

Праволовъ (*къ Хватайкѣ тихо*).

Карета какова, любезный прокуроръ?

Хватайко.

Такъ гибкихъ въ жизнь мою я не видалъ рессоръ.

Праволовъ (*къ Парольнину тихо*).

Тѣ съ жемчугомъ часы?...

Паролькинъ.

Прекрасно репетуютъ.

Кривосудовъ.

А что же новаго по городу толкуютъ?

Паролькинъ.

Не знаю правда ли, а громко говорятъ,
Что губернаторомъ къ намъ будетъ...

Бульбулькинъ.

Кто же? братъ!

Паролькинъ.

Слышно, что Правдолюбъ.

Кривосудовъ.

О! упаси Владыко!
Вотъ тутъ-то, милые, ужъ въ строку каждо лыко:
Правдивъ, какъ страшный судъ, безмезденъ, капотунъ,
И человѣчества онъ общій опекунъ;
Во всяку входитъ дрянь; чтобъ съ просьбой не втесался.

Атуевъ.

Да право я его ни мало бъ не боялся:
Пусть губернаторъ онъ; что жъ? намъ онъ не судья:
Не дую въ усъ ему, сидя въ гражданской я.

Бульбулькинъ.

Да онъ какъ дунетъ въ усъ, такъ, слышь, и съ мѣста сдуетъ.
Вѣдь какъ въ Сенатъ кого вчернѣ онъ обрисуетъ,
То покормежный въ мигъ герольдія пашпортъ...

Атуевъ.

Да безъ суда меня, хотя бъ онъ самъ былъ чортъ,
Не можетъ осудить.

Бульбулькинъ.

Однако какъ разсудитъ
За благо выгнать вонъ, то выйти вонъ принудитъ.

Кривосудовъ (*Атуеву*).

Вѣдь трудно, милый мой, намъ прать противъ рожна!

Хватайко.

Послушайте: вотъ вамъ другая новизна:
За взятки, говорятъ, ужъ велѣно...

Паролькинъ.

Простите,
Что рѣчь вамъ перебью. Для Бога вразумите,
Какъ можно взятками попасть въ бѣду? вѣдь тутъ
Одинъ для давшаго и для принявшихъ судъ:
Такъ чортъ ли понесетъ кого-нибудь съ доносомъ?

Хватайко.

Ты огорошилъ насъ заботливымъ вопросомъ.
Но кратко я на то скажу тебѣ въ отвѣтъ:
Ты развѣ позабылъ, что весь издревле свѣтъ
Все на авось-либо надежду полагаетъ?

Кривосудовъ.

А что? жена! гостей вѣдь водка ожидаетъ.
Проси жъ.

Ѳекла.

Покорнѣйше...

Бульбулькинъ (*къ Атуеву*).

Ведите.

Атуевъ (*къ Бульбулькину*).

Должно вамъ.

Кривосудовъ.

Прошу же, милые мои, не по чинамъ.

(*Бульбулькинъ и Атуевъ берутъ подъ руки Ѳеклу, Хватайко и Парольkинъ Кривосудова, Кохтинъ Радбына, а Праволовъ Софію, и уходятъ въ боковыя двери*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Наумычъ и Архипъ. (Вносятъ корзину съ бутылками).

Архипъ (*поставивъ корзину*).

Тьфу, пропасть! какъ усталъ! я думалъ надорвуся,
Покуда съ ношей сей на лѣстницу вздеруся.
Ну! барина пока судьи пооберутъ,
Проклятые, меня безвинно надорвутъ.
Ужъ лучше бъ въ ямѣ жить піявкамъ симъ годилось:
Чтобъ съ улицы пустилъ, само бы къ нимъ вкатилось.

Наумычъ.

Ну, что ты вопишь, братъ? о чемъ твоя тоска?
О, еслибъ страпчимъ былъ ты хотя полгодка,
То бъ, вѣрно, проклинать не сталъ твою судьбину.
Когда бъ былъ принужденъ нагнуть сто разъ въ день спину:
Верстъ тридцать обѣжать по городу пѣшкомъ
Въ дождь, слякоть иль морозъ и зной бумагъ съ мѣшкомъ;
Предъ солнцемъ на поклонъ не опоздать до члена;
Ждать часикъ у воротъ, хоть грязь и по колѣна;
И какъ ни гнали бъ прочь, а доступъ получить;
Указовъ наизустъ сто сотенъ затвердить;
Иль просидѣть съ перомъ тутъ ночи безъ засыпу,
А до удушья тамъ въ архивну врыться кипу;
Того ласкать, кого душей нельзя терпѣть;
Отъ всякаго сносить, ко всякому поспѣть;

А что несноснѣе: такъ цѣлы дни поститься,
И всѣхъ перепоить, а самому трезвиться!
Совсѣмъ тѣмъ, послѣ всѣхъ докукъ, трудовъ, хлопотъ,
Какъ дѣло иногда бываетъ въ черный годъ,
Въ непользу барина свихнется сатаною,
То прійдетъ тутъ еще отдуться и спиною.
Вотъ жизнь, какъ ты, мой другъ Архипушка! молчи;
Поди, и около теленковъ хлопочи.

(*Архипъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Анна и Наумычъ. (Разстанавливаетъ бутылки).

АННА.

Ну! какъ же тянутъ тамъ!—(*Увидя вино и корзину*).
Да ба! и это ново!
Вино къ десерту, знать, иль полднику готово.
(*Къ Наумычу*) А вы зачѣмъ?

НАУМЫЧЪ.

Зачѣмъ, не спрашивай; а съ чѣмъ?
Запасецъ этотъ я своимъ принесъ плечемъ.
За то меня, когда бъ была не столько люта,
Ты подарить должна, безцѣнная Анюта!

АННА.

Мнѣ не чѣмъ подарить.

НАУМЫЧЪ.

Хоть малый поцѣлуй.

АННА.

Тьфу! этакой наглецъ!

НАУМЫЧЪ.

Пожалуй же не плюй
Въ колодезь: можетъ быть, испить вѣдь доведется.
(*Хочетъ ее обнять*).

Анна (*отпихивая его*).

Поди же, отвяжись.

Наумычъ.

Ну! кто слегка такъ бьется?
Коли жъ скупишься ты!... такъ я тебѣ дарю....
(*Хочетъ ее поцѣловать*).

Анна (*поцѣловавъ свою руку, даетъ ему оплеушину*).

Инъ, вотъ мой поцѣлуй тебѣ.

Наумычъ.

Благодарю.

ЯВЛЕНІЕ III.

Ѳекла, Софья, Анна и Наумычъ.

Ѳекла (*входя видитъ, какъ Анна Наумычу оплеушину дала*).

(*Къ Аннѣ*) Что вижу! дерзкая! кто больно такъ дерется?

Анна.

Да онъ, сударыня, невѣдь куда несется....
За вашу же я честь,—не вытерпя,—съ сердца....
Чтобъ онъ съ передняго не заходилъ крыльца
Съ подарками.—(*Указывая на бутылки*).

Наумычъ (*къ Ѳеклѣ*).

Теперь ея измѣря пяди,
Я буду заходить, сударыня, ужъ сзади.

Ѳекла (*къ Аннѣ*).

Но дура, не давай ты воли-та рукамъ.
(*Къ Наумычу*) А ты, мой милый другъ Наумычъ! вѣдь и впрямь
Что прямо лѣзешь такъ, то дѣлаешь не гоже;
Иному съ стороны покажется похоже
На нѣчто странное, и вѣсть Господь на что̀!
(*Между этимъ Анна ставитъ столикъ съ картами*).

Спасибо; но поди, чтобъ не увидѣлъ кто.
Какъ изъ-за столика они десертна встанутъ,
И на просторъ сюда гуртомъ ужъ всѣ нагрянутъ,
То приходи и ты.

(*Наумычъ уходитъ*).

ѲЕКЛА (*къ Аннѣ*).

А ты поторопися,
И стулья для гостей разставь: вотъ оглянися,
Всѣ идутъ.

АННА (*въ сторону*).

Пьяные.

ѲЕКЛА (*услышавъ и замахнувшись на Анну*).

Знать, хочешь ты румянъ?

ЯВЛЕНІЕ IV.

Ѳекла, Софія, Анна, Кривосудовъ, Праволовъ, Бульбулькинъ, Атуевъ, Радбынъ, Паролькинъ, Хватайко, Кохтинъ и Наумычъ (*выходятъ всѣ полупьяные*).

ХВАТАЙКО.

Ну, столъ, ужъ прямо столъ!—Все вмѣстѣ: сытъ и пьянъ.

ПАРОЛЬКИНЪ.

Десертъ!

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Напиточки!

АТУЕВЪ.

Откудова что взято!

КРИВОСУДОВЪ.

Нѣтъ; что-то поваръ нашъ сегодня плоховато....

ѲЕКЛА.

Немного запился.

Бульвулькинъ.

Да празднику кто радъ,
Тотъ до свѣта ужъ пьянъ.—(*къ Хватайкѣ*) А что?
не правдаль, братъ?

Хватайко.

Пословица не лжетъ.

Праволовъ.

А тотъ, кто время тратитъ,
Она жъ вѣдь говоритъ, что дорого заплатитъ.

Хватайко.

Къ чему словцо?

Праволовъ (*указывая на карты*).

Къ тому, что множество червей своей
Въ колодахъ сихъ давно свободы ждутъ.

Паролькинъ (*къ Кривосудову*).

Онъ правъ: пора пустить ихъ по зеленому полю.
Ну, Прокуроръ, рѣши колодничью неволю;
Тебѣ вступиться долгъ.

Кривосудовъ.

Изволь, мой другъ, изволь.
Кто такъ?

Праволовъ (*раздаетъ карты*).

Мы наберемъ: я съ вами въ рокамболь,
Совѣтникъ въ помощь вамъ.
(*Указывая на Бульбулькина, который беретъ карту*).

Паролькинъ.

А кто жъ въ заповѣдную?
Я банка не мечу.

Праволовъ.

Добро; и васъ обдую:
Я дѣлаю вамъ банкъ. Наумычъ, ты мечи;
(*даетъ ему ассигнаціи*).
Да знаешь, пяль глаза и всячески щечи.

Ѳекла.

А кто жъ со мной въ пикетъ?

Праволовъ.

Сударыня, простите;
Вы нашу партію вѣдь окончать хотите.
Я къ вамъ.—(*Кривосудову*). А за себя, чтобъ васъ не разлучить,
Позвольте моего мнѣ друга посадить.
(*Указывая на Кохтина*).

Кривосудовъ.

По мнѣ вы какъ хотя.

Бульбулькинъ.

А я и радъ размѣну.

Кривосудовъ.

Какую-жъ нашей мы игрѣ поставимъ цѣну?

Праволовъ.

Я по пяти рублей; а меньше николи.
(*Къ Кохтину*) Садись, мой другъ, но лишь пожалуй не соли.

Бульбулькинъ.

Да годовой окладъ съ насъ этакъ сбрить изволишь
Въ три пули, ежели да намъ не помирволишь.

Кривосудовъ.

Не горячись: а то и впрямь бобыль.

Бульвулькинъ.

Я радъ бы; но когда пожалуетъ шпадиль;
Она не документъ: не выбросишь изъ дѣла.

(*Всѣ садятся; по срединѣ въ ломберъ играющіе. — На одной сторонѣ Фекла съ Праволовымъ; а на другой играющіе въ банкъ. Близъ Ѳеклы на канопэ Софія, которая потомъ, сыскавъ тутъ книжку, читаетъ*).

Наумычъ.

Да что же на столѣ наличнаго нѣтъ мѣла?

Хватайко.

А много ль въ банкѣ-та наличныхъ?

Наумычъ.

Сотни три.

Праволовъ.

Наумычъ! не ударь ты въ грязь лицемъ, смотри.

Паролькинъ.

Какъ ни смотри, ни зги въ двѣ таліи не взвидитъ.

Атуевъ.

А я боюсь, что онъ вельми насъ всѣхъ обидитъ.

Хватайко.

Снимайте: полно вамъ пороть-та дребедень.

Ѳекла.

А мы по старинѣ? по четверцѣ поэнь?

Праволовъ.

Когда угодно вамъ.

Ѳекла.

И также все съ рефетомъ?

Праволовъ.

На что, сударыня, и спрашивать объ этомъ.

Кривосудовъ.

Жена! рефетомъ ты не замори гостей.

Өекла.

Ахъ! кстати ль! — Софьюша! ну! встань почародѣй.
И пуншикъ изготовь.

Софія.

Ахъ! я вѣдь не умѣю.

Өекла.

Какая ты и впрямь!—(*Къ Аннѣ*). А ты что пялишь шею?
Ну, двинься же хоть ты.

Хватайко.

Нѣтъ, дама не везетъ.
Такъ атанде; авось мнѣ вывезетъ валетъ. —
Тьфу пропасть! соника: и этотъ вонъ изъ кона!

Кривосудовъ.

Вотъ штрафъ за то, что ты идешь противъ закона,
запрещенную игру....

Хватайко.

Да, видно, намъ
Въ нее играть судьба, съ поры той, какъ Адамъ
Въ нее наслѣдное все проигралъ имѣнье.

Бульбулькинъ.

Ха, ха! ха! экой вздоръ! какое заключенье!
Вотъ въ мнѣніяхъ твоихъ всегда подобный вздоръ,
Ты предлагаешь намъ, почтенный прокуроръ?
Ну! отъ кого, скажи, наслѣдіе Адаму?

Хватайко.

Да отъ кого-нибудь, а надобно жъ....

Парольвинъ.

Тьфу! даму
Я, слушая вашъ вздоръ, какъ олухъ прозѣвалъ.

Праволовъ.

Позвольте, чтобы я за прокурора сталъ.
И я готовъ теперь представить вамъ урода,
Который безъ отца, безъ племени, безъ рода,
Наслѣдіе беретъ: а именно таковъ
Точь въ точь соперникъ мой, молодчикъ Прямиковъ.

Бульбулькинъ.

Ну! докажи же намъ; то быть такъ, всѣмъ соборомъ
Пожалуемъ тебя мы нашимъ прокуроромъ.

Атуевъ (*въ полголоса*).

Экъ онъ объѣхалъ слѣдъ!

Парольвинъ (*въ полголоса*).

Ей, ей, не безъ ума.

Хватайко (*въ полголоса*).

Великій тутъ скачекъ, хоть линія пряма!

Радвынъ (*въ полголоса*).

Отъ Пря-Прямико-кова до-до-Ада-дама?

Парольвинъ.

Насилу наконецъ мнѣ выиграла дама.

Праволовъ (*оборачивается къ нимъ, а между тѣмъ Ѳекла подбираетъ карты*).

Охотно; и на вашъ я посылаю судъ.
Покойный Прямиковъ, и нѣтъ сомнѣнья тутъ,
Имѣлъ лишь одного во всю свою жизнь сына,
Котораго ужъ нѣтъ! скора была кончина.
Гдѣ точно умеръ онъ, вамъ не могу сказать;
Сколь ни желалъ, того не предуспѣлъ узнать.

Но звался онъ Федотъ; такъ вписанъ въ родословной,
И даже у отца такъ названъ и въ духовной.
Сей, напротивъ того, зовется ужъ Богданъ;
И такъ вы видите, что явный тутъ обманъ:
И что чрезъ хищное, неправедное средство,
Федотово къ себѣ Богданъ прибралъ наслѣдство.

Наумычъ (*Хватайкѣ*).

Вы лишній уголокъ...

Бульбулькинъ (*Праволову*).

Прямой ты прокуроръ!
Отдать я долженъ честь.

Хватайко (*Бульбулькину*).

Кто я? да я не воръ.

Бульбулькинъ (*Хватайкѣ*).

Льнетъ развѣ и къ тебѣ?

Хватайко.

Не гну и пальца даромъ.

Наумычъ (*Хватайкѣ*).

Берите шутку вы съ такимъ, какъ правду, жаромъ.

Радбынъ.

Ра-развѣ Бо-Богданъ не не Фе-Фе-Федотъ?

Атуевъ

Ты видишь, тутъ сбылось: Федотъ-де, да не тотъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Прямиковъ.

Праволовъ (*увидя входящаго Прямикова*).

Что-жъ онъ Богданъ, то хоть у самого спросите.
Да кстати, вотъ онъ самъ.

Хватайко.

Чортъ проситъ.

Прямиковъ (*Кривосудову*).

Извините,

Что дружескую я бесѣду помѣшалъ.
Я съ праздникомъ, сударь, поздравить васъ желалъ.
И вамъ, сударыня, отдать мой долгъ.

Ѳекла.

Садиться

(*Прямиковъ цѣлуетъ руку Софи и садится возлѣ нея*).
Прошу.—Сюда, прошу ко мнѣ перемѣститься.

Прямиковъ.

Мнѣ хорошо и здѣсь.

Кривосудовъ.

Какъ васъ, сударь, зовутъ?

Прямиковъ.

Къ чему вопросъ?—Богданъ.

Праволовъ (*въ полголоса*).

Лгу-ль я?

Хватайко (*въ полголоса*).

Тутъ ясный судъ.

Прямиковъ.

А вижу... я-было сперва и не примѣтилъ.
Здѣсь кстати моего соперника я встрѣтилъ,
Мы можемъ на словахъ вамъ дѣло объяснить.

Кривосудовъ.

Но мы словесныхъ дѣлъ не можемъ вѣдь судить.

Прямиковъ.

Я не суда прошу, а только разсужденья.

Бульбулькинъ.

Да до суда нельзя открыть судейска мнѣнья.

Прямиковъ.

Но правду открывать вамъ не запрещено.

Кривосудовъ.

Да не келейно такъ въ дому.

Прямиковъ.

Не всель одно,
Гдѣ вы ее, сударь, и какъ бы ни сыскали?
Но сверхъ того, когда бъ вы истину узнали,
То бы неправаго могли вы устыдить,
И съ нимъ меня, сударь, безъ тяжбы примирить.
Я въ правости моей на судъ вашъ полагаюсь.

Кривосудовъ.

Но я, сударь, въ дѣла чужія не мѣшаюсь:
На то вѣдь Совѣстный лишь установленъ Судъ.
Мирить на свѣтѣ всѣхъ ему лишь ввѣренъ трудъ.

Наумычъ (*въ полголоса*).

Мирится; стало быть, неправъ.

Хватайко (*въ полголоса*)

Неправъ, конечно:
Кто за свое пойдетъ мириться?

Кривосудовъ.

Я сердечно
Радъ миру; но, сударь, я право вамъ не лгу:
Въ чужія я дѣла мѣшаться не могу.
Вы въ Совѣстный бы Судъ пошли.

Прямиковъ.

Я радъ иттить;
Но милости его не могъ уговорить.

Праволовъ.

Въ Судъ Совѣстный, сударь, вы, знать, затѣмъ спѣшите,
Что снисхожденье въ немъ къ себѣ сыскать хотите;
А я, безмездіе и истину любя,
Такъ правымъ въ искѣ семъ, по чести, чту себя,
Что спорнаго всего наслѣдства и имѣнья
Достать я не хочу отнюдь изъ снисхожденья;
Но чтобы чистымъ мнѣ предъ цѣлымъ свѣтомъ быть,
Закономъ лишь его желаю получить.

Бульбулькинъ.

Когда бы стали всѣ судящіесь мириться,
На что бъ казнѣ тогда другимъ судамъ платиться?
А плату бравъ, судить должны мы какъ ни есть,
Чтобъ хлѣба царскаго по пустякамъ не ѣсть.

Прямиковъ.

Когда же вы судить хотите непремѣнно...

Праволовъ.

Я правъ; хотя судить предъ цѣлою вселенной.

Прямиковъ.

То въ краткихъ я словахъ...

Кривосудовъ.

Да на бумагѣ мы...

Хватайко.

Ахъ! кто бъ избавилъ насъ отъ этой кутерьмы?

Паролькинъ.

Нелегко принесло!

Прямиковъ.

Вамъ объясню все дѣло;
И если что не такъ, сказать онъ можетъ смѣло.

Праволовъ.

Но ябедъ, сударь, отнюдь я не ученъ.
Чтожъ я неправедно имѣнія лишенъ,
То мой повѣренный законами вамъ тѣми...

Наумычъ (*вскакивая съ мѣста*).

Готовъ вамъ доказать предъ каждымъ и предъ всѣми.

Прямиковъ (*къ Праволову*).

Не съ нимъ, а съ вами я бесѣдовать желалъ.

Праволовъ.

Я неучъ въ ябедахъ.—Уже вамъ разъ сказалъ.

Прямиковъ.

Но изъясняться съ нимъ и подло мнѣ и низко;
Вамъ такъ же, какъ и мнѣ, вѣдь ваше право близко.

Праволовъ.

Вамъ ближе лихь оно.

Прямиковъ.

Мнѣ ближе! мнѣ? а какъ?

Праволовъ.

А такъ, что въ вашихъ все имѣніе рукахъ;
А съ правомъ я моимъ лишь по судамъ таскаюсь.
Моимъ живете вы,—а я лишь разоряюсь.

Прямиковъ.

Но я согласенъ вамъ теперь же все отдать,
Лишь право мнѣ свое извольте доказать.

Праволовъ.

Я вамъ твержу, сударь, что ябеды не знаю.

Прямиковъ (*нѣсколько горячо*)

Стократъ васъ менѣе ее я понимаю.
Не ябедничать здѣсь, а правду говорить...

Праволовъ.

Я вижу, вы меня готовитесь бранить;
Но я вамъ уступлю изъ уваженья къ дому.

Прямиковъ (*съ горячностью*).

Не брань, а истину...

Өекла.

Да этому садому,
Какъ вижу я, отнюдь не будетъ и конца.
(*Къ Прямикову*) Домъ отпертъ мой, сударь, вѣдь не для наглеца;
Я не стерплю, чтобъ кто гостей въ немъ и словами...

Прямиковъ.

Безвинно виноватъ, сударыня, предъ вами.
Я почитаю васъ и почитаю всѣхъ.
Но словъ хочу ему сказать не больше трехъ,
И не о дѣлѣ семъ, повѣрьте мнѣ, божуся.
(*Праволову отводя въ сторону*).
Послушайте.

Праволовъ.

Ну, что? ни мало не боюся.

Прямиковъ (*въ полголоса*).

Бояться нечего: я то хочу сказать,
Что ябеды тебѣ не стану запрещать;
Какъ хочешь каверзи, вывертывай указы,
Но если въ домѣ семъ дерзнешь ты дочь любить,
И если вздумаешь ея ты мужемъ быть,
То я тебѣ божусь, что эту тяжбу нашу
Рѣшу тѣмъ, что тебя какъ чорта окарнашу;
И по міру пущу безъ носа, безъ ушей.
Порука сабля въ томъ; повѣрь, пожалуй, ей;
Она не шутитъ вѣдь.—Ну, помни жъ.

Праволовъ.

Не забуду.

Прямиковъ.

Помѣхой пиршеству я вашему не буду.
Покорный всѣхъ слуга,—(*Къ Софіи*) а особливо вашъ.
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ жъ, выключая Прямикова.

Бульбулькинъ.

Какой же бѣшеный наглецъ!

Ѳекла.

Какая блажь!

Хватайко (*Праволову*).

Да что тебѣ, мой другъ, на память онъ оставилъ?

Праволовъ.

Такъ, ничего: просилъ, чтобъ я себя избавилъ
Отъ нарастающихъ и суетныхъ хлопотъ.

Бульбулькинъ.

Впрямь, видно, Богомъ данъ тебѣ, братъ, сей Федотъ:
Хлопочетъ о тебѣ, какъ другъ.

Праволовъ.

Да вы шутите.

Кривосудовъ.

Бетъ мой....

Кохтинъ.

И этотъ вашъ! для Бога пощадите.
Я въ пухъ ощипанъ.

Бульбулькинъ.

А! чужой вѣдь щиплемъ пухъ.

Праволовъ.

Да чаще каски-та хватай, сердечный другъ!

Кохтинъ.

Высокородный всё грандиссимо хватаетъ.

Паролькинъ (*Праволову*).

Душеприсяжный твой кругомъ насъ обираетъ.

Праволовъ.

Да такъ и надлежитъ.—(*къ Наумычу*). Но кстати ты бы всталъ.
(*Кривосудову*). Позволитель, чтобъ онъ намъ пуншикъ сработалъ?
Онъ мастеръ.

Кривосудовъ.

Хорошо.

Бульбулькинъ.

И впрямь, а то красотка
Насъ, какъ на водопой....

Наумычъ (*подошедъ къ Аннѣ*).

Вотъ тамъ въ корзинѣ водка.

Өекла.

Капотъ.

Праволовъ.

Такъ истинно.

Кривосудовъ.

Да кто жъ?

Праволовъ.

Да я капотъ.

Бульбулькинъ.

Вотъ это сработалъ проклятый все Федотъ.

Радбынъ (*къ Хватайкѣ, который подсматриваетъ карты*).

Что ты, ты кар-кар-кар....

Хватайко (*зажимая ему ротъ*).

Ну, полно же ты каркать.

Паролькинъ.

Пора, Наумычъ, слышь; покинь ты съ ней балакать.

Кривосудовъ.

Что жъ, Анна! впрямь куда ты такъ отъ насъ ушла?
Ты бъ пуншу новаго стаканы поднесла;
А мы бъ тебѣ сполать.—

Ѳекла (*Аннѣ*).

Поди жъ, поторопись.

Все это время Анна подноситъ пуншъ и вино гостямъ, по частымъ знакамъ Феклы: а гости постепенно пьянѣютъ.

Атуевъ.

А, а! доѣхали!

Праволовъ.

Что?

Паролькинъ (*показывая на Наумыча*).

У него спросися.

Наумычъ.

Да что; бѣда, сударь, и я уже капотъ.

Праволовъ.

Смѣлѣй; лови секурсъ. (*Бросаетъ кошелёкъ*).

Бульбулькинъ.

Вотъ это все Федотъ.

Праволовъ.

Да вамъ Федотъ лишь смѣхъ; а мнѣ ужъ съ симъ Федотомъ...

Кривосудовъ.

Но что жъ? коли и впрямъ какимъ-нибудь комплотомъ
Богданъ Федотово имѣніе заѣлъ,
Такъ есть на это вѣдь законъ.

Кохтинъ.

Ужъ я велѣлъ
Прибрать и вынесть всѣ.

Кривосудовъ.

Я чаю, въ уложеньи?...

Кохтинъ.

Есть множество, сударь.

Паролькинъ.

И также въ учрежденьи?...

Кохтинъ.

Имѣется.

Бульбулькинъ.

Нельзя, чтобъ не гласилъ указъ...

Кохтинъ.

Гласятъ и многіе.

Хватайко.

Яснѣй всего Наказъ
Объ этомъ говоритъ, въ статьѣ той, гдѣ.... объ этомъ...

Атуевъ.

Вотъ темна пароли.

Паролькинъ.

Тузъ на ряду съ валетомъ.

Кривосудовъ.

Вѣдь то же къ этому законъ идетъ и тотъ,
Гдѣ за поступокъ лживъ?

Кохтинъ.

Идетъ сударь! идетъ.

Бульбулькинъ.

И если регламентъ да согласитъ съ наказомъ....

Кохтинъ.

То сходно будетъ все съ помянутымъ указомъ.

Хватайко.

Ну, такъ чего жъ? и вамъ весьма короткій судъ

Кривосудовъ.

Федота въ сторону; Богданъ конечно плутъ;
И должно, отобравъ Федотово имѣнье,
Отдать кому есть слѣдъ. Мое такое мнѣнье.

Бульбулькинъ.

И я то жъ мню.

Атуевъ.

И я.

Паролькинъ.

И я.

Радбынъ.

И-и-и-я.

Хватайко.

Съ столь общей мыслію согласна мысль моя.

Праволовъ.

Благодарю васъ всѣхъ.

Кривосудовъ.

Законы всѣ отчасти
Клеятся.—

Анна (*въ полголоса, собирая на полу карты*).

Станемъ же и мы клеить масть къ масти.

Кривосудовъ.

Что жъ пуншу?

Ѳекла.

Анна! что жъ проворнѣй подноси,
И чаще и кругомъ; да милости проси.

Бульбулькинъ.

Мы скоро у нее ужъ милости попросимъ.

Кривосудовъ.

Когда бъ кто пѣсенку. —

Паролькинъ.

Да лучше карты бросимъ:
Не стала дама везть.

Атуевъ.

Ты тяжело кладешь.

Кривосудовъ. (*Хватайкѣ*).

Любезный прокуроръ!—Ты хорошо поешь:
Запой намъ.

Хватайко.

Радъ душой; да голосу-та нѣту.

Кривосудовъ.

Ну, какъ-нибудь.

Бульбулькинъ.

Мы всѣ пристанемъ для комплекту.

Хватайко (*поетъ*).

Бери, большой тутъ нѣтъ науки;
Бери, что только можно взять.
На что же привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать?
(*Всѣ повторяютъ:* брать, брать, брать?
(*Софія, заткнувъ уши, уходитъ*).

Кривосудовъ.

Ей браво! хорошо!

Хватайко.

Вѣдь самъ сложилъ словца.

Бульбулькинъ.

Да по работѣ какъ ужъ не узнать творца?

Праволовъ.

А что, схватили?

Паролькинъ.

Наконецъ.

(*Вставаютъ и попиваютъ. Наумычъ имъ подноситъ*).

Кохтинъ.

Такой же и моей игрѣ, сударь, вѣнецъ.
Безчестно проигралъ.

Праволовъ.

И такъ спустилъ я много!
Но какъ быть! не всегда щечиться изъ чужого.
(*смѣется*).

Ѳекла.

Не такъ-то много: вотъ почти и нечего.

Праволовъ.

Да такъ, сударыня, четыреста всего.
(*Встаетъ онъ и Ѳекла*).

Ѳекла.

Да что же, Анна, ты на стѣны зазѣвалась?
Носи кругомъ; ужъ ты совсѣмъ избаловалась.

Бульбулькинъ.

Насилу вотъ и мы послѣднее беремъ?
Конецъ. — (*Встаютъ и они*).

Праволовъ.

А сколько же считается на комъ?

Бульбулькинъ.

Почти что на тебѣ весь счотецъ остается:
Мнѣ двадцать восемь призъ.

Кривосудовъ.

Мнѣ срокъ доведется.
(*Къ Бульбулькиму*). Съ васъ восемь.

Бульбулькинъ.

Такъ.

Праволовъ.

Ну, я довольно просолилъ.
(*Платитъ Кривосудову и Бульбулькину*).
Извольте жъ проигрышъ.

Кривосудовъ.

Да я бы погодилъ.

Праволовъ.

Нѣтъ, я люблю платить: вѣдь денежка счетъ любитъ.
(*Платя Бульбулькину, въ полголоса*).
Мой проигрышъ никто, я чаю, не раструбитъ.

Бульбулькинъ (*въ полголоса*).

Никто, никто.—(*Къ Кривосудову вслухъ*). А съ васъ по старымъ сколько я?...

Кривосудовъ (*вынимая записную книжку*).

Сочтемъ тотчасъ: при мнѣ записочка моя.

Праволовъ (*къ Атуеву*).

И я въ дѣлѣ лишь на васъ надежду неизмѣнну...

Атуевъ (*насилу стоя на ногахъ*).

Надѣйся на меня какъ на кремлевску стѣну.

Праволовъ (*къ Паролькину*).

Могу ли въ дѣлѣ я на васъ?

Парольккинъ (*обливъ руку пуншемъ*).

Хоть согрѣшу,
Пусть высохнетъ рука моя, коли не подпишу.

Праволовъ (*къ Радбыну*).

На васъ надѣяться я какъ на друга стану.

Радбынъ (*указывая на товарищей, попивающихъ и поющихъ: бери...*).

Ужъ отъ-отъ-отъ-отъ нихъ я не от-от-отстану.
(*Выпиваетъ стаканъ*).

Праволовъ (*къ Бульбулькину*).

Позволите ль на васъ надежду въ дѣлѣ класть?

Бульбулькинъ.

Скажи секретарю.—А онъ что мнѣ подастъ...
(*Кохтинъ подаетъ ему бокалъ, а онъ беретъ его и выпиваетъ*).
То я хоть этими обѣими руками...

Праволовъ (*къ Хватайкѣ*).

Я васъ межъ лучшими моими чту друзьями,
И вашей помощи всѣхъ болѣе ищу.

Хватайко.

Свахляютъ пусть они.—А я ужъ пропущу.—
(*Выпиваетъ стаканъ*).

Праволовъ (*къ Кривосудову*).

На васъ я въ дѣлѣ ужъ...

Кривосудовъ.

Да дѣло-то худенько!
Вѣдь штрафъ пятьсотъ рублей, такъ надо береженько!...

Праволовъ (*дѣлая въ сторону знакъ неудовольствія*).

(*Ласково*). Когда случится что, я ихъ плачу за васъ;
Надежны будьте.

Кривосудовъ.

Такъ: но лучше бы въ запасъ...
(*Дѣлаетъ будто деньги считаетъ*).

Праволовъ.

Такъ я ихъ поутру пришлю въ сохранность вашу.

Кривосудовъ (*указывая на членовъ, поющихъ: бери...*).

Инъ быть такъ:—Съ ними ужъ я не порозно глашу.

Праволовъ (*Кохтину*).

У всѣхъ теперь ужъ я настроилъ дѣло въ ладъ.
Ты помощь окажи.—А это на въ закладъ.
(*Даетъ ассигнацію*).
Могу ль надѣяться?

Кохтинъ (*подставляя карманъ кафтана*).

Извольте положить—ся.

Праволовъ (*ко всѣмъ*).

Однако не пора ль съ хозяиномъ проститься?

Бульбулькинъ.

Пора;—покойна ночь!

Атуевъ.

Прощайте; ужъ пора.

Хватайко.

Слуга вашъ.
Сладка сна!

Радбынъ.

Пора-ра насъ съ двора.
(*Гости уходятъ обнявшись и припѣвая: бери, бери,... а Ѳекла и Анна подъ руки отводятъ Кривосудова*).

ДѢИСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Софія и Анна (въ спальномъ платьѣ).

Анна.

Зачѣмъ, сударыня, вы такъ раненько встали?

Софія.

Я не могла всю ночь очей сомкнуть съ печали!
Несносный Праволовъ всю ночь мечтался мнѣ.
Покою отъ него мнѣ нѣтъ ужъ и во снѣ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Софія, Прямиковъ и Анна.

Прямиковъ.

Не ждалъ я счастія такъ рано тутъ васъ встрѣтить.

Софія (*въ сторону*).

Ахъ, еслибъ слезъ моихъ онъ не успѣлъ примѣтить!

Прямиковъ.

Да что! мнѣ кажется вы грустны?—вы въ слезахъ!

Софія.

Нѣтъ: такъ; такъ ничего.

Прямиковъ.

А слезы на глазахъ!
О чемъ грустите вы? сударыня, хоть взгляньте...

Анна (*Прямикову*).

Вотъ баринъ съ барыней къ намъ идутъ: перестаньте,
Сударь!—

ЯВЛЕНIЕ III.

Кривосудовъ, Өекла, Прямиковъ, Софiя и Анна,

Прямиковъ.

Простите мнѣ столь раннiй мой приходъ.
Желанье вамъ служить меня, сударь, ведётъ
Все ваше позабывъ ко мнѣ жестокосердье,
Я поспѣшаю вамъ не лестное усердье,
Привязанность мою на дѣлѣ изъявить;
И хоть васъ, можетъ быть, могу и огорчить
Сей откровенностью; однако же рѣшился
Сказать, что отъ друзей вчера я извѣстился
О предстоящей вамъ опасности: сенатъ,
По разнымъ жалобамъ, на васъ вошелъ въ докладъ;
И если вы, сударь, умедлите взять мѣры,
То нехорошо....

Өекла (*отпихивая Кривосудова*).

Какiя же химеры!
Какiе пустяки! Отколь нанесъ вѣстей?
И кто къ намъ въ домъ просилъ непрошенныхъ гостей?
Невѣдь зачѣмъ, невѣдь откудова ввернулся.
Служивой, батюшка! иль ты ума ряхнулся,
Что съ вздоромъ этакимъ втесался ты въ нашъ домъ?
Отколь въ головушку твою такой содомъ,
Сумбуръ и ералашъ вселился? мой родимой!
Или нельзя воротъ проѣхать нашихъ мимо?
Иль на тебя нашелъ благой не въ пору часъ?

Прямиковъ.

За искренность мою не ожидалъ отъ васъ....

Өекла.

Да съ искренностью сей тебя мы къ намъ не ждали.
Съ чего тебѣ объ насъ вдругъ хлопоты припали?
Откудова, Богъ вѣсть, зачѣмъ влетѣлъ въ сенатъ;

Отколь взялъ жалобы, куда вошелъ въ докладъ;
Какія мѣры брать, аршинны иль саженны?
(*Размахнувъ руками*).

Прямиковъ.

Напрасно на меня вы столько раздраженны.
Я мнилъ....

Ѳекла.

Пожалуй ты, сударь, что хочешь мни,
Но съ дрянью къ намъ такой вперёдъ не загляни.

Кривосудовъ (*къ Ѳеклѣ, становясь между ею и Прямиковымъ*).

Но, милый мой дружокъ, престань же горячиться,
И дай порядочно безъ жару мнѣ спроситься...

Ѳекла (*отпихивая Кривосудова*).

О чемъ тутъ спрашивать? вѣдь тутъ одинъ разпросъ,
Одинъ допросъ: зачѣмъ въ нашъ домъ Господь занёсъ?

Прямиковъ.

Для вашей пользы я...

Ѳекла.

Трудился безполезно.

Прямиковъ.

Любя вашъ домъ....

Ѳекла.

Прошу такъ не любить любезно.

Кривосудовъ (*становясь между Ѳеклою и Прямиковымъ*).

Но дай, жена! Хоть словъ....

Ѳекла (*отпихивая Кривосудова*).

Да что ужъ тутъ болтать?
Пожаловалъ къ намъ въ домъ затѣмъ, чтобъ насъ ругать.

Прямиковъ.

Возможно ль мнѣ ругать!

Ѳекла.

Да какъ же не ругаешь?
И жалобами намъ и всѣмъ ты попрекаешь.
Какія жалобы? и жаловался кто?
Когда, какъ, почему, кому, гдѣ, и за что?

Прямиковъ.

Когда изволите, я покажу вамъ ясно...

Ѳекла.

Показывать ты мнѣ изволишь тутъ напрасно,
Гдѣ нечего, хоть будь указка показать.
Да что противу насъ кто можетъ доказать?
Кого мы безъ суда имѣнія лишили?
Кого не по словамъ закона разорили?
Кого?...

Кривосудовъ (*становясь между Ѳеклою и Прямиковымъ*).

Позволь, жена, мнѣ только слова три...

Ѳекла (*отпихивая Кривосудова*).

Въ дому лихъ я вольна; въ судѣ ты знай смотри.

Прямиковъ.

Но я...

Ѳекла.

Но ты, кто ты? голубчикъ! я не знаю.
Не знала и впередъ знать вѣчно не желаю.
Пріѣхалъ клеветать!

*

Софія.

Ахъ, нѣтъ; не клеветать
Онъ, матушка!...

Ѳекла.

Что? что? тебѣ какая стать,
Безумная! въ дѣла стороннія мѣшаться,
За незнакомаго противъ меня вступаться?
Вотъ по-заморскому намъ воспитали дуръ!
Ты бъ знала свой филе вязать, строчить тамбуръ,
Стучать на кляузахъ, иль гарпой утѣшаться,
А не туда, куда не вѣдаешь, мѣшаться.
Поди жъ, безумная! въ каморку уплетись;
И слышь, мнѣ на глаза день цѣлый не кажись.
(*Софія уходитъ*).

Анна (*къ Ѳеклѣ*).

Напрасно на нее....

Ѳекла.

И ты туда жъ, скотина!
Знать, около ушей свербитъ твоя личина.
Я всею пятерней ее пощекочу;
И скверный твой языкъ тотчасъ укорочу.
Негодна! сгибни въ мигъ за барышней твоею;
Или ты слышала? я всею пятернею...
(*Анна уходитъ бѣгомъ*).

Прямиковъ.

Мнѣ жаль, сударыня!...

Ѳекла.

И мнѣ, сударикъ, жаль,
Что въ домъ нашъ суется не звана всяка шаль,
Затѣмъ, чтобъ этаки намъ причинять досады.

Прямиковъ.

Такъ я оставлю васъ.—(*Уходитъ*).

Ѳекла.

Весьма мы будемъ рады.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Кривосудовъ и Ѳекла.

Ѳекла.

Насилу съ рукъ сжила! какой же онъ вострякъ!
А на тебя, сударь, наѣхалъ, знать, столбнякъ.
Стоишь, какъ словно пень: не шевелишь языка;
Все стряпай за тебя отъ мала до велика.

Кривосудовъ.

Ну, хорошо же ты настряпала теперь
По шеѣ чуть его не вытолкнула въ дверь.
Ну, было ли за что такъ сильно разсердиться?
Онъ, можетъ быть, и впрямъ хотѣлъ намъ подслужиться,
А ты, не распрося, откуда, кто таковъ?...

Ѳекла.

Вздоръ; я узнала вѣдь, что это Прямиковъ,
И что онъ лишь затѣмъ въ домъ нашъ и завернулся,
Чтобы пустыхъ его ты бредней ужаснулся,
И Праволову бы въ рѣшеньи измѣнилъ.
Но плохости твоей онъ умыслъ сочинилъ.
Провѣдалъ, видно, онъ, что ты трусливой роты.

Кривосудовъ.

Хоть это и пустякъ, однако безъ заботы
Съ дѣлами нашими, жена, не можно жить:
Чему не должно бы, иногда то можетъ быть:
Ты знаешь, вѣдь, и заячія уши
Рогами назовутъ, то пойдутъ уши тпруши.

Θекла.

Вотъ трусость ты свою самъ назвалъ пустякомъ.
А въ тотъ же самый мигъ явился русакомъ;
Но, старое дитя, скажи мнѣ, какъ не стыдно
Вдругъ струсить отъ того, что ложно очевидно?
Отколь молодчику извѣстенъ сталъ сенатъ?
Откуда знать ему, что онъ вошелъ въ докладъ?
И какъ, не разсудя сперва, не разсмотряся,
Итти докладывать, уму не доложася?
Да и докладывать о чемъ? скажи, родной!
Дѣла твои текутъ своею чередой,
Какъ и вездѣ: такъ тутъ о чемъ и доложиться?—
Вѣдь всей святой Руси въ докладъ не помѣститься;
И съ этой стороны спокойся; такъ о чемъ
Еще? о взяточкахъ?—такъ мы лихъ не беремъ:
А принимаемъ лишь, что насъ принять неволятъ.

Кривосудовъ.

Жена! я ужъ сказалъ: не вѣчно слышь мирволятъ.
Не все двуличную даетъ расправу судъ;
Ино вѣдь взятками пріемы назовутъ,
И такъ какъ....

Θекла.

Нѣтъ лихъ, нѣтъ; не назовутъ, божуся
Да какъ не видишь ты, тому вотъ я дивлюся,
Что симъ враньемъ тебя лишь хочетъ онъ отвесть
Отъ Праволова?—

Кривосудовъ.

Но, жена, какъ тутъ да есть....

Θекла.

Нѣтъ ничего; а что и есть, то все пустое.

Кривосудовъ.

Что ни на есть....

Өекла.

Ну, слышь, нѣтъ ничего.

Кривосудовъ.

Такое....

Өекла.

Такого ничего, слышь, нѣтъ.

Кривосудовъ.

То будешь ты....

Өекла.

Пока я буду что; а это пустоты.

Кривосудовъ.

Виною....

Өекла.

Инъ быть такъ; но этой новизною,
Пустыми страхами и вздорной чепухою,
Пожалуй перестань мнѣ голову ломать.
Иль хочешь ты меня и съ свѣта ужъ согнать?
(*Съ жаромъ*).

Кривосудовъ.

Ну, инъ добро, мой другъ, не стану, успокойся.
Я лишь боюсь....

Өекла (*зажимая ему ротъ*).

Еще, пожалуй же не бойся
Того, что вертопрахъ нарочно съ вѣтра вретъ.
Да вотъ Наумычъ къ намъ съ секретаремъ идетъ.
Пожалуй же, мой другъ, для страха ты пустова
Въ ихъ дѣлѣ не скриви ужъ даннаго разъ слова.
Припомни, что онъ другъ, и какъ всегда онъ намъ...

Кривосудовъ.

Добро; ну!

ЯВЛЕНІЕ V.

Кривосудовъ, Ѳекла, Кохтинъ и Наумычъ.

Наумычъ.

Господинъ мой приказалъ мнѣ вамъ
Поклонъ отдать, сударь, нижайшій съ симъ пакетомъ.

Кривосудовъ,

(*Распечатываетъ письмо; ассигнаціи падаютъ. Ѳекла отпихиваетъ всѣхъ и сама подбираетъ*).

Что это?

Наумычъ.

Онъ въ письмѣ семъ пишетъ вамъ объ этомъ.

Ѳекла.

Знать, проигрышъ?

Наумычъ.

Никакъ, сударыня, а штрафъ.
Когда не будетъ онъ въ своемъ процессѣ правъ.
Такъ въ немъ увѣренъ онъ!

Кривосудовъ.

Онъ пишетъ и о дѣлѣ.
(*Къ Кохтину*). А что же? вѣдь на сей хотѣли мы недѣлѣ...
Я думаю, экстрактъ до этихъ поръ готовъ?

Кохтинъ.

Сегодня подписалъ его ужъ Прямиковъ.

Кривосудовъ.

Прибавилъ что-нибудь?

Кохтинъ.

Нѣтъ, онъ просилъ убавить;
Но я не захотѣлъ его тѣмъ позабавить.

Кривосудовъ.

Законы?

Кохтинъ.

Пріискалъ и всѣ поставилъ въ рядъ.

Кривосудовъ.

Такъ чтобъ не волочить, ужъ можно и въ докладъ?

Наумычъ.

Нижайше просимъ мы безъ дальней проволочки...

Кривосудовъ.

(*Къ Кохтину*). Добро; ты къ слушанью сегодня-жъ безъ отсрочки
Представь. Лиха бѣда намъ выслушать, а тамъ
Въ минуту приговоръ.

Кохтинъ (*подавая бумагу*).

Когда угодно вамъ,
Сударь, осмѣлюся нижайше доложиться....
Чтобъ время выиграть и меньше вамъ трудиться,
Я предварительный журналецъ начернилъ;
Съ законами его и съ дѣломъ согласилъ,
Наипаче же, сударь, съ вчерашнимъ общимъ мнѣньемъ.

Кривосудовъ.

Торопишь дѣло ты ужъ съ лишнимъ поспѣшеньемъ.

Наумычъ.

Мы просимъ васъ, сударь, не отлагать въ даль судъ:
Желѣзо вѣдь, пока лишь горячо, куютъ.
(*Дѣлаетъ будто деньги считаетъ*).

Кривосудовъ (*беретъ бумагу*).

Ну! да добро: подай; увидимъ: (*Читаетъ*).—Приказали...
Читаетъ тихо—а потомъ громко.
„И Праволова искъ формально оправдали,
„Въ согласье для сего изданныхъ точныхъ правъ.
(*Къ Кохтину*). Ихъ нѣтъ.

Кохтинъ.

Я въ протоколъ ихъ всѣхъ впишу, собравъ.

Кривосудовъ.

Инъ быть такъ, хорошо; возьми.

(*Подаетъ бумаги Кохтину*).

Наумычъ.

Мы всенижайше
Благодаримъ, сударь, за изволенье ваше;
И баринъ мой вамъ въ вѣкъ не можетъ отслужить
Всего, чѣмъ вы его изволите должить.
Но смѣю-ль я еще покорное прошенье...
(*Къ Кохтину*). Не въ гнѣвъ.—(*Къ Кривосудову*).
Тутъ малое, сударь, есть упущенье:
Не упомянуто отнюдь о пожилыхъ.
Мы въ правѣ требовать по крайней мѣрѣ ихъ.
Что мы убытчились въ семъ искѣ по премногу,
То вѣдомо, сударь, вамъ и Всевѣдцу Богу.

Кривосудовъ (*Кохтину*).

Да что же? дѣло бъ впрямъ ужъ сдѣлать намъ съ концомъ.

Кохтинъ.

Исправлю все, сударь, единымъ я словцомъ.

(*На спинѣ Наумыча пишетъ и читаетъ*).

„А какъ толь долго онъ не пользовавшись онымъ,
(*Къ Кривосудову*). Имѣньемъ, сирѣчь.

Кривосудовъ.

Ну! прибавь еще: законнымъ.

Кохтинъ (*пишетъ и читаетъ; а Наумычъ между тѣмъ подаетъ ему украдкою ассигнаціи*).

„Законнымъ многіе убытки въ сей процессъ.

Кривосудовъ.

И незаконные.

Кохтинъ (*пишетъ и читаетъ*).

„И незаконны несъ:
„То оные искать съ Богдана Прямикова.

Кривосудовъ.

Пиши взыскать.

Кохтинъ (*пишетъ и читаетъ*).

„Взыскать, или съ его другова
„Имѣнья, истцу симъ предоставляетъ судъ.—
Законы подведу я послѣ.

Кривосудовъ.

И все тутъ.

Наумычъ.

Нижайше мы, сударь, благодаримъ.

Кривосудовъ (*Кохтину*).

Подите;
И это на-бѣло переписать велите.

Кохтинъ (*Наумычу*).

Ты регистратору отдай лишь моему;
Да чтобъ не показалъ отнюдь онъ никому.

Наумычъ.

Какъ разъ исполню все.—Слуга вашъ всепокорный.
(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Кривосудовъ, Кохтинъ и Ѳекла.

Кривосудовъ (*къ Кохтину*).

А ты, послушай-ка. Слухъ, можетъ быть, и вздорный
Пронесся, будто бы противу насъ сенатъ

Мудреный нѣкакій недавно взнесъ докладъ
О взяткахъ, о дѣлахъ рѣшенныхъ здѣсь неправо.

Кохтинъ.

Вотъ на! какой же духъ на насъ донесъ лукавой?

Кривосудовъ.

Я этого не могъ развѣдать вдругъ.
Но ты поистиннѣ скажи мнѣ, милый другъ,
Какое дѣло мы сплошно такъ рѣшили,
Чтобъ внутренности всей наружностью не скрыли?
Я-такъ ни одного припомнить не могу.

Кохтинъ (*потирая спину*).

Хоть исповѣдаться, не помню, не солгу.

Ѳекла.

Да этому и быть не можно.

Кривосудовъ.

Ахъ! помилуй,
Жена, оставь ты насъ: мы лучше знаемъ силу
Въ дѣлахъ, чѣмъ ты.

Ѳекла.

Нѣтъ лихъ; не хуже знаю я.
Вѣдь что гдѣ, какъ принять, забота лишь моя;
Но пусть на мѣстѣ гнѣвъ Господень покараетъ,
Когда десница вѣсть, что шуица хватаетъ.

Кривосудовъ (*Кохтину*).

Послушай-ка: теперь вспадаетъ мнѣ на умъ.
Ты помнишь ли, какой великой вышелъ шумъ
О векселѣ, что̀ я велѣлъ на оборотѣ
Подчистить?

Кохтинъ.

Ахъ! сударь, въ напрасной вы заботѣ:
Подчистилъ я одинъ.—Отвѣтчикъ въ споръ вошелъ.—

На истца своего онъ подозрѣнье взвелъ,
Что надпись онъ скаблилъ о вексельной уплатѣ;
А по законамъ вы рѣшили споръ сей кстати,
Къ уничтоженію сей вексель присудя.

Ѳекла (*Кривосудову*).

Такъ что жъ? ты виноватъ тутъ столько жъ, какъ и я.

Кохтинъ.

Притомъ не вексель мы вѣдь, сударь, подскоблили!
Бумагу чистую.

Ѳекла.

Такъ чѣмъ вы согрѣшили?
Бумагу чистую неужли грѣхъ скоблить?
Великая бѣда!

Кривосудовъ.

Добро, инъ такъ и быть.

Кохтинъ.

Приходитъ нѣчто мнѣ еще на помышленье.
Вы тяжбу помните за Простина имѣнье,
За кое Праволовъ совсѣмъ стороннимъ бывъ,
И имя Простина въ процессѣ позабывъ,
Условясь хитростно, искалъ на Чужпродава,
Который не имѣлъ то жъ никакова права
Къ сему имѣнію;—а мы, не разобравъ,
Чье спорное село, безъ дальнихъ всѣхъ расправъ,
Въ отлучку Простина, тѣмъ сей процессъ рѣшили,
Что тяжущимся двумъ чужое присудили,
Которое они дѣлятъ ужъ пополамъ,—
Что́ Простинъ возгласитъ, не понимаю самъ.

Кривосудовъ.

Пускай онъ возгласитъ теперь ужъ, что захочетъ,
Когда онъ о себѣ такъ мало самъ хлопочетъ.
Такъ что за нужда намъ о немъ тутъ хлопотать?

Судьи мы.—Долгъ нашъ есть лишь только то и знать,
Что на бумагѣ намъ представятъ на сужденье.
Какъ смѣть намъ знать самимъ, что спорное имѣнье
Не тяжущимся двумъ, тебѣ принадлежитъ?
На это надобенъ какой-нибудь намъ видъ;
А безъ того рѣшимъ, безъ дальнихъ всѣхъ разсказовъ,
Процессъ межъ двухъ сторонъ по строгости указовъ.
Когда же оба споръ лишь о чужомъ вели,
Какъ быть!

ѲЕКЛА.

Зло сильно такъ возникло на земли,
Что споритъ о чужомъ одинъ, гдѣ два лишь спорятъ;
Такъ дивно ли, когда два о чужномъ завздорятъ?

КОХТИНЪ.

Какое диво тутъ?

ѲЕКЛА.

Да полно, все пустякъ.
Вѣдь испугался онъ пустыхъ насущныхъ вракъ,
Которыя ему дошли отъ Прямикова.

КОХТИНЪ.

Какъ? эта грозна вѣсть отъ этова пустова
Враля къ вамъ принеслась? ну! ужъ правдива вѣсть!
Онъ запугать лишь васъ хотѣлъ чѣмъ ни на есть.

КРИВОСУДОВЪ.

Нѣтъ, этимъ онъ меня ничуть не запугаетъ.
Но всячина, мой другъ, на свѣтѣ вѣдь бываетъ.
Довольно простоты на кажда мудреца;
А умудряетъ Богъ инова и слѣпца.

КОХТИНЪ.

Но этого, сударь, не умудрилъ, божуся.

ѲЕКЛА.

Да что! ты трусъ!

Кривосудовъ.

Я, право, не боюся:
Ты видѣла, что я ужъ написать велѣлъ:
Дѣлецъ, голубушка, познается отъ дѣлъ.

Ѳекла.

А тутъ теперь безъ дѣлъ проходитъ только время....

Кохтинъ.

На шеѣ у меня дѣлъ цѣлое беремя...
Когда вамъ нужды нѣтъ меня здѣсь удержать,
То бъ я пошелъ велѣть скорѣй переписать.

Ѳекла (*Кривосудову*).

Пусти его, мой другъ.

Кривосудовъ (*Ѳеклѣ*).

Охъ, какъ ты ужъ пристала!
(*Кохтину*). Ну, инъ поди. Но слышь, чтобъ намъ не ждать журнала.—

(*Кохтинъ уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII

Кривосудовъ и Ѳекла.

Кривосудовъ.

Жена, довольна-ль ты? смотри, я подаюсь;
Но истину сказать я ей-же-ей боюсь.

Ѳекла.

Ты все-таки одно: привыкъ всего пугаться.
Вѣдь не ходить и въ лѣсь, когда волковъ бояться.

Кривосудовъ.

Хоть не боялся я до сей поры волковъ;
Но чѣмъ вѣдь дальше въ лѣсъ, тѣмъ болѣе найдешь и дровъ:
И но чтобъ не зайтить въ таку глухую пущу!

Ѳекла.

Сегодня ты съ утра лишь пустошь мелешь сущу.
Похмелье, знать, еще въ головушкѣ шумитъ.
Пойдемъ-ка; гданская-тать водичка стоитъ
На шкафикѣ моемъ близъ твоего взголовья,
Такъ чарочку хлебни для добраго здоровья,
И чтобъ изъ головы напрасной вышелъ страхъ.

Кривосудовъ.

Пойдемъ; дѣла ломать впрямъ трудно натощакъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна и Добровъ.

Добровъ (*видя разбросанныя бутылки и прочая*).

Ба, ба! да это что?—Что за трактирна стойка?
Какъ вижу, тутъ была изрядная попойка;
И не пирушка, а полновѣсный пиръ.
Какой разстроенный бутылочный ранжиръ!
Знать, рѣчками вездѣ текло вино и пиво,
И не оскудѣвалъ сей чанъ пуншеточивой.
Скажи, какъ клюковки всѣ гости налились?

Анна.

Что называется: до положенья ризъ.
По лѣсницѣ къ крыльцу ужъ не сошли, спустились;
И чадомъ вейновымъ такъ сильно зарядились,
Что не опомнятся, я думаю, дни въ три.

Добровъ.

Не такъ оплошные они богатыри:
Вѣрь, что хоть на-пролетъ всеночну пропуншуютъ,
Проспавшись, какъ ни въ чемъ, вновь мертву чашу дуютъ;

И что не клюнувши и чарки и другой
Въ судъ ни одинъ изъ нихъ не ступитъ и ногой.
Да, кажется, почти и время имъ сходиться.

АННА.

Ах-ти, такъ надобно и мнѣ поторопиться
Слѣды вчерашняго присутствія прикрыть,
И Бахусовъ кагалъ въ судейку превратить.
(*Она поливаетъ комнату, взявъ стаканъ изъ стола*).

ДОБРОВЪ.

Напрасные труды, не токмо что простыя,
Но цѣлый хоть ушатъ разлей воды святыя,
То ябедничьихъ здѣсь не смоешь ты проказъ.
Послушай: окрещенъ кто ужъ въ чернилахъ разъ,
Тотъ черн҃ останется, хоть мой въ Іорданѣ.

АННА.

Да это не вода: остался пуншъ въ стаканѣ.
Пусть пьетъ судейское питье судейской полъ.

ДОБРОВЪ.

Резонъ!...

АННА.

Прошу помочь поставить къ мѣсту столъ.

ДОБРОВЪ (*ставитъ съ нею столъ посрединѣ*).

Охотно.

АННА.

А куда дѣвать бутылки?

ДОБРОВЪ.

Строемъ
Поставя ихъ подъ столъ, суконцемъ симъ прикроемъ.
Вѣдь множество оно привыкло прикрывать
И не такихъ грѣховъ!

Анна.

А какъ? прошу сказать.

Добровъ.

Вотъ какъ: когда судья желаетъ, чтобъ чье дѣло
Лѣтъ нѣсколько на свѣтъ Господній не глядѣло,
То онъ его кладетъ подъ красное сукно;
А тамъ—спокойна ночь; лежи и прѣй оно.

Анна.

Добро жъ, поставимъ ихъ подъ скромно покрывало;
Но лишь боюсь, чтобъ все тутъ цѣло устояло.

Добровъ.

То правда, что нельзя навѣрно утвердить:
Судейское чутье исправно.

Анна.

Такъ и быть;
Хозяинъ будетъ самъ сидѣть на караулѣ;
Вѣдь видитъ съ креселъ онъ, что крадетъ кто на стулѣ?

Добровъ.

Не завсегда: ино онъ смотритъ лишъ на то,
Не надзираетъ ли за нимъ со стула кто?

Анна.

Мудрёнъ свѣтъ! Но мы все порядкомъ учредили:
Когда бъ, какъ этотъ столъ, такъ чисты судьи были!

Добровъ.

Потише: берегись; вотъ къ намъ валитъ весь судъ.

Анна (*уходя*).

Что вижу, правдѣ матъ они теперь дадутъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Кривосудовъ, Бульбулькинъ, Атуевъ, Паролькинъ, Радбынъ. Кохтинъ и Добровъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Прошу пожаловать.

АТУЕВЪ.

Нѣтъ; вамъ впередъ довлѣетъ:
Вы намъ глава.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Ну, впрямъ глава сія умѣетъ
Хоть чью бы ни было головушку вскружить,
Когда путемъ кого захочетъ угостить;
Какъ я ни скромничалъ, и какъ ни укрѣплялся....
Но ей, не помню какъ съ вчерашнимъ днемъ разстался.

КРИВОСУДОВЪ.

Изволите шутить.

ПАРОЛЬКИНЪ.

Подите съ шуткой прочь.
Я изъ кареты вонъ не вылѣзъ цѣлу ночь —
Такъ ноги спуталъ мнѣ вашъ этотъ пуншъ проклятой.

КРИВОСУДОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, я угощалъ васъ право плоховато;
И ужинъ позабылъ.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Да можно ль было ѣсть?
При винахъ этакихъ ужъ ужина не въ честь.

РАДБЫНЪ.

Вольно же вамъ не по-по-по-ви-но-новаться;
Я вамъ го-го-говорилъ, пора-ра убираться.

Кривосудовъ.

Но, милые мои, не часъ ли засѣдать? (*Сидятся*).

Бульбулькинъ.

Извольте, я готовъ теперь дѣла ломать.

Паролькинъ.

Не поломаешь всѣхъ: скопилось ихъ довольно.

Кривосудовъ.

Повытчикъ, ну, возьми, читай реестръ настольный.

Добровъ (*читаетъ*).

„Корнета Скудова искъ за наслѣдный домъ,
„Отнятый у него Секретаремъ Драчомъ. —
(*Говоритъ*). Ужъ третій годъ лежитъ въ повытьѣ это дѣло.

Кривосудовъ.

О! мимо; пусть лежитъ еще три года смѣло,
Авось-либо тогда рѣшимъ его судьбу. —
Онъ домомъ смѣлъ назвать пребѣдную избу.

Добровъ (*читаетъ*).

„Искъ вексельной Луки Ссудихина маіора
„На Володимира Хватайко прокурора. —

Кривосудовъ.

Ахъ! мимо; поскорѣй, скорѣй брось этотъ вздоръ.
Помилуй, намъ всего нужнѣе прокуроръ.

Добровъ (*читаетъ*).

Черезъ опекуна прошенье Бѣдняковыхъ,
О выкупѣ двухъ селъ наслѣдственныхъ отцовыхъ,
На подполковницу Чужхватову, вдову
Ирину....

Кривосудовъ (*Доброву*).

Съ дѣломъ симъ я послѣ призову.
(*Членамъ*). Реченная, друзья, скажу межъ насъ, вдовица,

Намѣстнику она вѣдь внучатна сестрица:
Онъ жалуетъ ее;—такъ, знаете—впередъ!...

Бульбулькинъ.

Ну, береженаго и Богъ вѣдь бережетъ.

Кривосудовъ (*Доброву*).

Ну!

Кохтинъ (*вырываетъ реестръ у Доброва и читаетъ, перевернувъ нѣсколько листовъ*).

Искъ аасесора Ефрема Праволова
На подполковника Богдана Прямикова.

Кривосудовъ.

Вотъ это кстати бы сегодня разобрать.

Бульбулькинъ.

Добро.

Радбынъ.

Хо-хорошо.

Парольнинъ.

И впрямъ.

Атуевъ (*Кохтину*).

Вели подать.

Кохтинъ (*Доброву*).

Тамъ это на столѣ лежитъ оно особно.

Кривосудовъ (*Доброву*).

Поближе; внятнѣе читай.

Добровъ (*читаетъ*).

„Экстрактъ подробной.
„Своею жалобой ассессоръ Праволовъ
„Изобразилъ: маіоръ покойный Прямиковъ,

„Скончавшись, все свое имѣнье,
„Которому всему подробно означенье,
„Приложено при семъ, ближайшему роднѣ
„Оставилъ по своей покойной же женѣ;
„А именно, Ѳомѣ маіору Чужпродаву.
„Сей, по наслѣдственну и по закону праву,
„Имѣнье оное все истцу уступилъ,
„И крѣпость на судѣ, какъ должно, утвердилъ.
„Законный срокъ прошолъ и спора не явилось.
„Когда жъ просителю заблаго разсудилось
„Во обладаніе имѣній тѣхъ ввойтить,
„Чтобъ съ нихъ законные доходы получить,
„То нѣкакой Богданъ, названье Прямикова,
„Не предъявя къ тому предлога никакова,
„Взявъ, сыномъ самъ себя роднымъ его назвалъ,
„И истцу оныхъ всѣхъ имѣній не давалъ....

Кривосудовъ.

Примѣтьте.—Не давалъ.

Бульбулькинъ.

Ну! не давалъ, вѣстимо.

Кривосудовъ.

Какъ это зло могло закономъ быть терпимо?
(*Къ Доброву*). Читай.

Добровъ (*читаетъ*).

„Хотя жъ тогда проситель этотъ споръ
„Разрушилъ, доказавъ, что Прямиковъ маіоръ
„Имѣлъ лишь одного во всю свою жизнь сына,
„Федота, коего скора была кончина....
„Затѣмъ, что онаго нѣтъ болѣе въ живыхъ.
„Но не уважа судъ доводовъ таковыхъ,
„Имѣніе за симъ Богданомъ же оставилъ,
„И нѣсколькихъ дворянъ въ томъ присягнуть заставилъ,
„Что Прямикова сей Богданъ законный сынъ,

„И всѣмъ имѣніямъ наслѣдникъ лишь одинъ.
„Проситель, таковымъ обиженный рѣшеньемъ,
„Съ вторичнымъ жалобнымъ на то вступилъ прошеньемъ.
„Когда жъ и тутъ ему судъ въ правѣ отказалъ,
„То аппеляцію до срока онъ прислалъ,
„Въ которой наконецъ доказываетъ ясно,
„Что Прямикова съ нимъ духовная согласно
„Федота одного за сына признаетъ;
„А о Богданѣ въ ней ниже полслова нѣтъ,
Которымъ именемъ отвѣтчикъ сей зовется;
„Въ чемъ на свидѣтелей онъ безпристрастныхъ шлется
„На подпись собственну по всѣмъ дѣламъ его,
„На совѣсть чистую Богдана самого,
„И даже на его маіорскіе патенты.—
„А какъ и гдѣ письменны найдутся документы,
„Тамъ дѣйствовать уже присяги не должны....
(*Между тѣмъ Члены, нашедъ бутылки подъ столомъ, одну ногами повалили*).

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Инъ память вѣчная ему.

ПАРОЛЬКИНЪ.

И въ доброй часъ.

АТУЕВЪ.

Экъ спрятали куда остаточный запасъ.

ПАРОЛЬКИНЪ.

Пошарька, нѣтъ ли картъ: такъ мы бъ переметнули.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Будь сытъ тѣмъ, что вчера съ Наумыча вы сдули.

ПАРОЛЬКИНЪ.

Да ты не видѣлъ вѣдь, какъ даму я пригнулъ:
Десяткомъ рубликовъ за банкъ перешагнулъ.

Кривосудовъ (*Доброву*).

Постой-ка. (*Къ Членамъ*) Кстати тутъ весьма приведены
Патенты штабскіе. Тутъ имя вѣдь прямое....
Такъ что онъ ни толкуй, ужъ, вѣрно, все пустое.
Вотъ важный пунктъ!

Бульбулькинъ.

И впрямъ.

Кривосудовъ (*Доброву*).

Ну, далѣ.

Добровъ (*читаетъ*).

„Не должны;
„А какъ судомъ они неправедно даны,
„То должно ихъ почесть въ семъ дѣлѣ за неважныхъ;
„А присягателей всѣхъ за криво-присяжныхъ:
„Богдану-жъ съ сей поры указомъ запретить
„Чужое прозвище безправно впредь носить,
„А Прямикова всѣ имѣнія и села
„Отдать просителю.

Кривосудовъ.

Тутъ явна правость дѣла.

Бульбулькинъ.

Какъ солнце ясное....

Паролькинъ.

Правъ безъ обиняковъ.

Атуевъ.

Да вѣдь на истину немного надо словъ.

Кривосудовъ.

Тутъ правда сущая во всѣхъ словахъ примѣтна.
Но что-то возвѣститъ намъ сторона отвѣтна?

Добровъ (*читаетъ*).

„А Прямиковъ Богданъ передъ судомъ сказалъ
„На все сіе:—хотя проситель показалъ,
„Что за кончиною маіора Прямикова
„И сына-де его постигла смерть роднова,
„Но утвердить сего онъ, истецъ, не успѣлъ
„Ни чрезъ свидѣтелей, ниже изъ гласныхъ дѣлъ.
„Сколь совѣсть ни ломалъ, сколь въ ябедѣ ни рылся:
„А напротивъ того, лишь только въ судъ явился,
„То ясно доказалъ....

Кохтинъ (*вырывая бумаги у Доброва*).

Но ты сталъ бормотать,
Подай мнѣ: слушай же, и научись читать.

Кривосудовъ.

И впрямъ прочти-ко ты, а то онъ такъ не внятно...

Бульбулькинъ

Коли ужъ что читать такъ должно акуратно.

Кохтинъ (*невнятно читаетъ кашляя, останавливаясь, и проч.*).

„А Прямиковъ Богданъ передъ судомъ сказалъ
„На все сіе хотя.—Проситель показалъ,
„Что за кончиною Маіора; Прямикова
„И сына-де его: постигла смерть роднова
„Но утвердить сего онъ истецъ не успѣлъ
„Ни чрезъ свидѣтелей, ниже изъ гласныхъ дѣлъ
„Сколь совѣсть ни ломалъ сколь: въ ябедѣ не рылся
„А напротивъ того...

Тутъ останавливается, харкаетъ, сморкаетъ носъ.

Лишь только
въ судъ явился
„То ясно доказалъ онъ Прямиковъ Богданъ
„Присягой двадцати; сосѣдственныхъ дворянъ

„Что Прямикова онъ родной сынъ и законный
„Что Чужпродавъ маіоръ.—Совсѣмъ ему сторонній
„И матери его былъ, токмо просто: кумъ.

Останавливается, нюхаетъ табакъ; Кривосудовъ беретъ табакъ изъ его табакерки,—а онъ за то ему кланяется,—продолжаетъ читать и, возвыся немного голосъ, бормочетъ.

„Что какъ ему отнюдь не вспало и наумъ
„Что бъ кто нибудь его могъ продавать.—Имѣнья
„Когда онъ былъ въ чужихъ краяхъ для обученья
„То ябедъ плутовскихъ, уступокъ и бумагъ.—
„Черезъ повѣренныхъ, тѣмъ меньше, на словахъ
„Оспорить онъ.—Не могъ за двѣсти миль, и болѣ
„Что возвратясь въ свое отечество оттолѣ,
„И съ двухъ сторонъ нашедъ; зажженное войной
Онъ долгомъ счелъ служить; и жертвовать собой
„По замиреньи-жъ.

Тутъ останавливается, оборачиваетъ листы, чешетъ голову, оправляетъ камзолъ).

„Въ домъ отцовской возвратяся
„Узналъ что ябеда ему въ родню: вплелася
„Въ число покойниковъ: давно его причла
„И точное его наслѣдье: продала
„Что тутъ презрѣвъ ее, всѣ низкіе ехидства
„Крючки, законностей, пролазы и безстыдства
„На правости своей:

(*Останавливается, пока окончатъ Члены разговоръ свой, а тогда оканчиваетъ чтеніе, возвыся голосъ при самомъ канцѣ*).

себя онъ утвердилъ,
„И хищникамъ; своихъ наслѣдствъ не попустилъ.
„Въ чемъ супротиву лжи и ябедничья кова
„Священнаго; себѣ законовъ ждетъ покрова.

(*Во время сего чтенія, Радбынъ тотчасъ задремлетъ, потомъ Бульбулькинъ; Атуевъ и Парольнинъ встаютъ и выходятъ на авансцену*).

Бульбулькинъ (*въ полголоса*).

Ну! мастеръ, признаюсь, нашъ секретарь читать,
Хотябъ подслушалъ чортъ, не могъ бы разобрать.

Паролькинъ.

Пусть мелетъ онъ; а мы подумаемъ о дѣлѣ,
Изъ гвардьи отпускной сюда на сей недѣлѣ
Вельми молоденькой пожаловалъ барчукъ;
Пуста головушка, но съ золотцомъ сундукъ.
Мы можемъ, приглася его въ свою бесѣду...

Бульбулькинъ.

А какъ да не пойдетъ на удочку?

Паролькинъ.

Подъѣду
Къ нему, повѣрь, съ такой я ловкой стороны:
Ужъ змѣйки отъ меня къ нему подпущены.
Лишь вы бы...

Атуевъ.

Ба! да кто? не мой сосѣдъ ли это?
Что позлащенною всѣмъ хвастаетъ каретой.

Паролькинъ.

Тотъ самой.

Атуевъ.

Ну! такъ всѣхъ сокровищъ ты ево не вѣдаешь!

Паролькинъ.

Ужли? а именно, чево?

Атуевъ.

Красотка у него; да знаешь ли? прекрасна!

Паролькинъ.

Поди прочь: знать душа ужъ къ ней твоя пристрастна.
Я видѣлъ и не разъ: ничуть не хороша.
Поддѣнемъ кошелекъ: въ немъ больше барыша.

Бульбулькинъ.

Ой! ой! вы молодежь! ну, долго-ль вамъ проказить,
И то за кошелькомъ, то за красоткой лазить?
Пора бы вашу жизнь ужъ вамъ остепенить.

Паролькинъ.

А что жъ прикажешь ты начать намъ дѣлать?

Бульбулькинъ.

Пить (*садятся*).

Кривосудовъ.

Экъ вздоры!

Паролькинъ.

Дребедень!

Атуевъ.

Сумбуръ!

Бульбулькинъ.

А штиль надутъ!

Радбынъ.

Ни мы-мы-мысли нѣтъ; ни смы-мы-мысла тутъ.

Кохтинъ.

Ни ссылки на указъ.

Кривосудовъ.

Какіе тѣ указы?
Ты видишь, тутъ одни пустые лишь разсказы,
Запутанная рѣчь и бранныя слова.
Ей, у меня отъ нихъ вскружилась голова.
Пусть лучше бы онъ вралъ по-чудьски иль богемски.

Кохтинъ.

Однакъ Уѣздный Судъ и также Верхній Земскій,
Рѣшеніе на сихъ резонахъ утвердя,

И спорное ему имѣнье присудя,
Соперника его согласно обвинили.

Бульбулькинъ.

Знать, пышныя слова имъ головы вскружили.

Кривосудовъ.

Но вы какъ мыслите о семъ, мои друзья?

Бульбулькинъ.

Коль правду вамъ сказать, такъ вотъ что мыслю я:
Что плутъ Богданъ.

Атуевъ.

Ей, такъ.

Кривосудовъ.

И я такого жъ мнѣнья.

Радбынъ.

То точно такъ.

Паролькинъ.

Въ томъ нѣтъ и малаго сомнѣнья.

Кривосудовъ.

Такъ Праволова вы согласны оправдить?

Бульбулькинъ и Паролькинъ.

Согласны.

Атуевъ.

И весьма.

Радбынъ.

Ужъ та-ки-ки-ки-быть.

Кривосудовъ.

Люблю я этаку согласну мыслей встрѣчу.
Такъ резолюцію въ сей силѣ я отмѣчу?

Бульбулькинъ.

Когда угодно вамъ.

Кривосудовъ (*написавъ, отдаетъ бумагу Кохтину*).

Возьми же; да поди,
Все это поскорѣй какъ надо расплоди;
И принеси журналъ, чтобъ подписать успѣли.—
(*Кохтинъ, а за нимъ Добровъ уходятъ*).

Бульбулькинъ.

Ну! надъ проклятымъ симъ мы дѣломъ попотѣли!

Кривосудовъ.

Такъ можно отдохнуть.

(*Всѣ встаютъ*).

Паролькинъ (*смотря на свои часы*).

Двѣнадцатой уже часъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Хватайко.

Хватайко.

Желаю здравствовать.—Не потревожу ль васъ?

Кривосудовъ.

Никакъ: любезный гость; спокойно ль ночевали?

Хватайко.

Я думаю, какъ всѣ: какъ улеглись—не знали.
(*Въ полголоса*). Въ передней Праволовъ своей судьбины ждетъ.
Вы не забыли ли его?

Кривосудовъ.

Нѣтъ, милый, нѣтъ.
Ужъ дѣло все съ концомъ: согласно мы рѣшили.

Хватайко.

Ай, да спасибо вамъ: вотъ прямо удружили!

Бульбулькинъ.

Когда бъ скорѣй журналъ...

Кривосудовъ.

Да я вѣдь ужъ велѣлъ.

Паролькинъ.

А вотъ и Секретарь.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Кохтинъ съ журналомъ.

Кохтинъ (*отдавая бумагу Кривосудову*).

Въ минутную поспѣлъ.

Бульбулькинъ.

Ну, вприямъ спроворилъ вмигъ.

Кривосудовъ (*подписывая*)

И такъ, перекрестяся.

Бульбулькинъ (*подписавъ*).

Экъ живо подмахнулъ!

Атуевъ (*подписывая*).

И я, благословяся.

Паролькинъ (*Радбыну, который хочетъ читать бумагу*).

Да, ну, пожалуй насъ читаньемъ не смѣши:
Еже писахъ, писахъ.

Радбынъ (*подписавъ, Паролькину*).

Такъ на-жъ ты пи-пиши.

Парołькинъ (*подписавъ, отдаетъ бумагу Кривосудову*).

Вотъ подчеркнулъ и я.—

Кривосудовъ.

Бумага и готова.

(*Къ Кохтину*). Возьми.

Хватайко.

Такъ можно ужъ позвать къ намъ Праволова?

Кривосудовъ (*Кохтину, который отворяетъ дверь*).

Охотно; прикажи.

Хватайко.

Ну, какъ же эта вѣсть
Обрадуетъ его, судя какъ ни на есть,
А дѣло тысячъ въ сто.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ жъ и Праволовъ.

Праволовъ.

Слуга вашъ всенижайшій.

Кривосудовъ.

И мы усердные.

Бульбулькинъ (*потрепавши Праволова по плечу*).

И скромны слуги ваши.

Хватайко (*Праволову*).

Какой тебѣ, мой другъ, сегодня снился сонъ?

Праволовъ.

Къ чему вопросъ такой?

Атуевъ (*Праволову*).

Ты знаешь ли, вѣдь онъ
Снотолкователемъ недавно учинился.

Хватайко (*Праволову*).

Вчерашнимъ пуншевымъ ты чаномъ окатился
Во снѣ, навѣрное?

Праволовъ.

А можетъ быть и такъ.

Паролькинъ.

А это, говорятъ, хорошій будто знакъ.

Праволовъ.

Я благодаренъ вамъ за доброе значенье.

Бульбулькинъ.

За потерпѣнье вѣдь даетъ Богъ и спасенье.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ жъ и Добровъ.

Добровъ (*несетъ два пакета и отдаетъ ихъ Кривосудову*).

Съ Почтамта лишь сейчасъ они принесены.

Кривосудовъ.

Посмотримъ, нѣтъ ли-то какой въ нихъ новизны.
(*Распечатываетъ и отдаетъ Хватайкѣ одинъ пакетъ*).
Судебно око ты: пожалуй потрудися.

Хватайко (*развернувъ бумагу*).

Отъ приказали вѣдь? — *Читаетъ*: „А какъ въ Сенатъ стеклися
„Изъ разныхъ главныхъ мѣстъ, Правленій и Судовъ,
„Репорты, коими Ассессоръ Праволовъ
„Въ поносныхъ ябедахъ, злодѣйственныхъ безпутствахъ,

„Въ разбояхъ, грабежахъ и даже душегубствахъ,
„Довольно приличенъ.—(*Къ Праволову*). Кой чортъ! смотри-ка
братъ!
(*Читаетъ*): „Довольно приличенъ, то для того Сенатъ
„Присутственнымъ мѣстамъ всѣмъ симъ повелѣваетъ
„Строжайшій обыскъ.

Праволовъ.

Охъ! кровь въ жилахъ замерзаетъ.

Хватайко (*читаетъ*).

„О Праволовѣ семъ повсюду предписать:
„И гдѣ найдется онъ, сковавъ, подъ стражу взять,
„И крѣпко содержать до новаго указу.—

Праволовъ.

Погибъ я!

Хватайко (*къ Праволову*).

Вотъ-те на! какую же проказу?..:

Праволовъ (*падая на колѣна и поднявъ вверхъ обѣ руки, между коихъ записная книжка видна*).

Да что ужъ говорить, не погуби, спаси.

Хватайко.

Да ты возможнаго, голубчикъ, лишь проси.
Вѣдь то жъ и у меня спина-то щекотлива.

Праволовъ.

Пропалъ навѣки я! о хищность нечестива!
(*Бѣжитъ вонъ*).

Хватайко (*бѣжитъ за нимъ*).

Куда? постой; вернись.—Что бъ онъ куда не сгибъ.

ЯВЛЕНIЕ VII.

Кривосудовъ, Бульбулькинъ, Атуевъ, Паролькинъ, Радбынъ, Кохтинъ и Добровъ.

АТУЕВЪ.

Я внѣ себя!

ПАРОЛЬКИНЪ.

Кой чортъ!

КРИВОСУДОВЪ.

Меня какъ громъ ушибъ.

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

Мнѣ кажется, я пьянъ.

РАДБЫНЪ.

Эк-эк-эк-эко-диво!

КРИВОСУДОВЪ.

Да какъ съ нимъ этакъ вдругъ незапно, несчастливо!
Я не сберусь съ умомъ.—Но дай-ко намъ прочесть
(*Беретъ другой пакетъ*).
И эту вещь. Очки; тутъ что-нибудь да есть.
О чемъ Сенату къ намъ писать и столько много?
(*Читаетъ вслухъ*).
Вотъ на! „Гражданскую Палату всю... и строго..."
Ахти! пропали мы! (*роняетъ изъ рукъ бумагу и падаетъ въ кресла*).

БУЛЬБУЛЬКИНЪ.

За что? перекрестись!

АТУЕВЪ.

Неужли впрямъ?

ПАРОЛЬКИНЪ.

Господь, Господь съ тобой, очнись.

Радбынъ.

Ек-еко-диво!

Кохтинъ.

Ну! пришло и намъ, знать, круто!
(*Подымають бумагу и всѣ, сбѣжавшись, читають*).

Добровъ (*въ сторону*).

Крутили вѣдь и вы!

Кривосудовъ.

О скорбь! о горе люто!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ жъ, Ѳекла, Софія и Анна.

Ѳекла.

Что за бѣда у васъ?—о чемъ такъ сильный крикъ?

Кривосудовъ.

Пропали мы!

Ѳекла (*Кривосудову*).

Да какъ? ну-жъ! поверни языкъ.

Кривосудовъ.

Погибли, говорю, ну! сгибли, да пропали!

Ѳекла (*къ Бульбулькину*).

Да какъ?

Бульбулькинъ.

Погибли такъ, какъ ввѣкъ не погибали.

Ѳекла (*къ Паролькину*).

За что?

Паролькинъ.

За то, что намъ пришелъ прямой ужъ матъ!

Ѳекла (*къ Атуеву*).

Взбѣшусь: скажите мнѣ...

Атуевъ.

Ужъ все сказалъ Сенатъ.

Ѳекла (*къ Радбыну*).

Сенатъ! ахти! и впрямъ: да что же вамъ оттуда?

Радбынъ.

Въ вѣкъ ек-ек-екого не ждалъ я чу-чу чуда!

Ѳекла (*къ Кохтину*).

Хоть ты мнѣ растолкуй.—

Кохтинъ.

Да толкъ тутъ не далёкъ:
За бабушкинъ, знать, грѣхъ всѣхъ насъ попуталъ Богъ.

Ѳекла (*къ Доброву*).

Хоть ты...—

Добровъ.

О томъ вся скорбь, что вздумалось Сенату
Насъ въ Уголовну всѣхъ препроводить Палату.

Ѳекла.

Ахти мнѣ! да за что?

Кривосудовъ.

Да то-то и бѣда,
Что осудили насъ безъ всякаго суда.
Ну, льзя ли, по однимъ доносамъ лишь злословнымъ,
Велѣть насъ всѣхъ судить порядкомъ уголовнымъ?
За взятки, яко бы, за толкъ кривой въ дѣлахъ
Законовъ будто...—

Ѳекла.

Какъ? какъ? на пустыхъ словахъ
Сенатъ увѣрился? Сенатъ насъ обвиняетъ?

Да кто жъ намъ взятки далъ? кто насъ изобличаетъ?—
Безъ права, безъ суда, честь тронуть, осуждать,
Ограбить, разорять, срамить насъ, убивать!—
Да что? зачѣмъ ему мѣшаться въ эти вздоры?
Въ одномъ лишь развѣ здѣсь судѣ засѣли воры?
И къ намъ, не дьяволъ ли занесъ столъ красный въ домъ?
Прочь съ нимъ отсель: я все поставлю кверху дномъ.
(*Опрокидываетъ столъ; всѣ члены и Кохтинъ разбѣгаются; подъ столомъ увидя бутылки, Ѳекла къ Кривосудову съ радостью*).
А кто принесъ?

КРИВОСУДОВЪ.

Никто.—Остатки, знать, вчерашни.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Кривосудовъ, Ѳекла, Софія, Анна и Добровъ.

ѲЕКЛА (*свернувъ руки стоитъ*).

Ахти! бѣда! бѣда!

КРИВОСУДОВЪ.

Твои вотъ это шашни:
Черезъ тебя и я, и весь мой домъ погибъ.

ѲЕКЛА.

Черезъ меня? Да ты сидѣлъ въ судѣ какъ грибъ,
Какъ истуканъ, какъ пень, какъ олухъ, какъ оселъ,
Какъ рохля; въ жизнь твою ты двухъ концовъ не свелъ.

КРИВОСУДОВЪ.

Сведи же ты теперь.

ѲЕКЛА.

Сведи! еще бормочетъ:
И онъ же голову еще вскружить мнѣ хочетъ!
Слышь, не дразни, а то—(*бросается къ нему*).

Софія.

Ахъ, матушка! я васъ
Прошу...—

Ѳекла (*Софьѣ*).

И ты туда жъ?—поди съ моихъ ты глазъ.

Кривосудовъ.

Да не гони ее: она бѣды не знаетъ,
Что ужъ ея женихъ въ острогѣ засѣдаетъ.

Ѳекла.

Кто?—

Кривосудовъ.

Праволовъ.

Ѳекла.

Ахти! За что?

Кривосудовъ.

Сенатъ велѣлъ
Сковать, и скованъ ужъ: такъ, стало, не безъ дѣлъ.

Ѳекла.

Ахти! пришла бѣда! ахти мнѣ! умираю.

(*Падаетъ въ обморокъ; Софія и Анна бросаются ей помогать*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ жъ и Прямиковъ.

Прямиковъ.

Простите мнѣ, сударь, что смѣлость принимаю
Прійти къ вамъ; ваше я несчастіе узналъ;
Жалѣя искренно, за первый долгъ считалъ
Спѣшить утѣшить васъ и раздѣлить печали.

(*къ Ѳеклѣ, пришедшей въ себя*).

Хотя вы на меня немного пороптали,
Сударыня! но я надеждой льщуся той,
Что, сами оправдя теперь поступокъ мой,
Усердья моего почувствуете цѣну.

Кривосудовъ.

Вы счастья нашего узнали перемѣну?

Прямиковъ.

Но чувствованій я моихъ не премѣнилъ,
И вамъ готовъ помочь колико будетъ силъ.
Счастливъ, когда бъ мои услуги предуспѣли
Склонить васъ, чтобы вы съ пріятностью глядѣли
На нѣжну страсть мою.

Ѳекла.

Вы много чести намъ,....—
Я право васъ стыжусь. Когда угодно вамъ...
Съ моей я стороны согласна всей душей.

Кривосудовъ.

И я то жъ;—да и вы, я чай, согласны съ нею.

Софія.

Ахъ! признаюсь, что мнѣ онъ не противенъ былъ.

Кривосудовъ (*соединяя ихъ руки*).

Ну, дай же Богъ! чтобъ онъ тебѣ былъ вѣчно милъ!

Прямиковъ (*цѣлуя руки Софіи*).

Какое счастіе!

Софія.

Какая перемѣна!

Кривосудовъ.

Теперь моя печаль немного облегченна.

Анна.

Авось-либо и все намъ съ рукъ сойдетъ слегка.

Добровъ.

Впрямь: моетъ, говорятъ вѣдь, руку де рука;
А съ Уголовною Гражданская Палата,
Ей, ей, частёхонько живетъ за панибрата;
Не то, при торжествѣ уже какомъ ни есть,
Подъ милостивый васъ поддвинутъ манифестъ.

Кривосудовъ.

Ну, что ни говори, а дѣло плоховато!

Анна.

Жить ябедой и тѣмъ: что взято, то и свято.

II. ОДЫ.

---

1. Ода на рабство.

Пріемлю лиру мной забвенну,
Отру лежащу пыль на ней:
Желѣзныхъ бременемъ цѣпей,
Для пѣсней жалобныхъ настрою;
И соглася съ моей тоскою,
Унылый, томный звукъ пролью
Отъ струнъ, рѣкой омытыхъ слезной:
Отчизны моей любезной
Порабощенье воспою.
А ты, которой обладаешь
Единъ подсолнечною всей,
На милость души преклоняшь
Возлюбленныхъ тобой царей,
Хранишь отъ злого ихъ навѣта!
Содѣлай, до владыки свѣта
Внушатъ мою нелестну рѣчъ;
Да гласу правды кротко внемлютъ,
И на злодѣевъ лишь подъемлютъ
Тобою имъ врученный мечъ.

Въ печальны мысли погруженный,
Пойду отъ людства удалюсь
На холмъ древами осѣненный;

Въ густую рощу уклонюсь;
Подъ мрачнымъ, мшистымъ дубомъ сяду,
Тамъ моему прискорбну взгляду
Прискорбный все являетъ видъ:
Ручей тамъ съ ревомъ гору роетъ;
Уныво вѣтеръ межъ сосенъ воетъ;
Летя съ древъ томно листъ шумитъ.
Куда ни обращу зеницу,
Омытую потокомъ слезъ,
Вездѣ, какъ скорбную вдовицу,
Я зрю мою отчизну днесь:
Исчезли сельскія утѣхи,
Игрива рѣзвость, пляски, смѣхи;
Веселыхъ пѣсней гласъ утихъ;
Златыя нивы сиротѣютъ;
Поля, лѣса, луга пустѣютъ;
Какъ туча, скорбь легла на нихъ.
Вездѣ, гдѣ кущи, селы, грады,
Хранилъ отъ бѣдъ свободы щитъ,
Тамъ тверды зиждетъ власть ограды,
И вольность узами тѣснитъ.
Гдѣ благо, счастіе народно
Со всѣхъ сторонъ текли свободно,
Тамъ рабство ихъ отгонитъ прочь.—
Увы! судьбѣ угодно было,
Одно чтобъ слово превратило
Нашъ ясный день во мрачну ночь.
Такъ древле міра вседержитель
Изъ мрака словомъ свѣтъ создалъ.—
А вы, Цари! на толь зиждитель
Своей подобну власть вамъ далъ,
Чтобы во областяхъ подвластныхъ,
Изъ счастливыхъ людей, несчастныхъ,
И зло, изъ общихъ благъ творить?
На то-ль даны вамъ скиптръ, порфира,

Чтобъ были вы бичами міра,
И вашихъ чадъ могли губить?
Воззрите вы на тѣ народы,
Гдѣ рабство тяготитъ людей,
Гдѣ нѣтъ любезныя свободы,
И раздается звукъ цѣпей:
Тамъ къ бѣдству смертныя рожденны,
Къ уничиженью осужденны,
Несчастій полну чашу пьютъ;
Подъ игомъ тяжкія державы
Потоками льютъ потъ кровавый,
И зляе смерти жизнь влекутъ.
Насилія властей страшатся;
Потупя взоръ должны стенать;
Поднявъ главу, воззрѣть боятся
На жезлъ готовый ихъ карать.
Въ веригахъ рабства унываютъ;
Низвергнуть ига не дерзаютъ
Обременяющаго ихъ;
Отъ страха казни цѣпенѣютъ,
И мыслію на силу смѣютъ
Роптать противъ оковъ своихъ.
Я вижу ихъ, они исходятъ
Поспѣшно изъ жилищъ своихъ,
Но для чего съ собой выводятъ
Несущихъ розы дѣвъ младыхъ?
Почто, въ знакъ радости народной,
Въ забавѣ искренней, свободной,
Сей празднуютъ прискорбный часъ?
Чей образъ лаврами вѣнчаютъ,
И за кого днесь возсылаютъ
Къ творцу своихъ моленій гласъ?
Ты зришь, Царица, се ликуетъ
Стенящій въ узахъ твой народъ.
Съ восторгомъ днесь онъ торжествуетъ

Твой громкій на престолъ восходъ.
Яремъ свой носитъ терпѣливо,
И молитъ небо, да счастливо
Ты царствуешь, народъ любя;—
И ты-ль его умножишь муки:
Обременишь цѣпями руки,
Благословящія тебя?
Но нѣтъ:—души твоей доброты
Подвластные боготворятъ;
Твой кроткій судъ, твои щедроты,
Врага, преступника щадятъ;
Возможно-ль, чтобъ сама ты нынѣ
Повергла въ жертву злой судьбинѣ
Тебя любящихъ чадъ твоихъ?
И мыслей чужда ты суровыхъ:—
Такъ чтоже?—благъ не скрыла-ль новыхъ
Подъ мнимымъ гнетомъ бѣдствій сихъ?
Пары изъ моря подымая,
Когда свой солнце кроетъ видъ,
Громъ, мрачны тучи разрывая,
Небесный сводъ зажечь грозитъ.
Отъ громкаго перуновъ треска,
И молніи горящей блеска,
Мятется трепетна земля:
Но солнце страхъ сей отгоняетъ,
И градъ сгущенный растопляетъ,
Дождемъ проливши на поля.
Такъ ты возлюбленна судьбою,
Царица преданныхъ сердецъ,
Взложенный вышняго рукою
Носяща съ славою вѣнецъ!
Сгущенну тучу бѣдъ надъ нами
Любви къ намъ твоея лучами,
Какъ бурнымъ вихремъ, разобьешь;
И къ благу бѣдствіе устроя,

Унылыхъ чадъ твоихъ покоя,
На жизнь ихъ радости прольешь.
Дашь зрѣть намъ то златое время,
Когда спасительной рѣкой
Веригъ постыдно сложишь бремя
Съ отчизны моея драгой.
Тогда, о лестно упованье!
Прервется въ тѣхъ краяхъ стенанье,
Гдѣ въ первый узрѣлъ я свѣтъ.
Тамъ вмѣсто воплей и стенаній,
Раздастся шумъ рукоплесканій,
И съ счастьемъ вольность процвѣтетъ.
Тогда, прогнавши мракъ печали
Изъ мысли горестной моей,
И зря, что небеса скончали
Тобой несчастье нашихъ дней,
Отъ узъ свободными руками
Зеленымъ лавромъ и цвѣтами
Украшу лиру я мою;
Тогда, во слѣдъ правдивой славы,
Съ блаженствомъ твоея державы,
Твое я имя воспою.

2. На истребленіе въ Россіи званія раба Екатериною Второю, въ 15 день Февраля 1786 года.

Красуйся, счастлива Россія!
Восторгомъ радостнымъ пылай;
Встрѣчая времена златыя,
Главу цвѣтами увѣнчай:
Въ порфиру свѣтлу облекися;
Веселья мvромъ умастися.
Да гласъ твой въ пѣсняхъ возгремитъ,
Исполнитъ радостью вселенну:
Тебѣ свободу драгоцѣнну
Екатерина днесь даритъ.

О даръ божественныя длани!
Даръ истинныхъ богоцарей!
Достойныхъ вѣчной сердца дани,
Достойныхъ міра алтарей!
Россійскіе сыны! теките,
Усердья жертвы принесите:
Мы съ ними Той къ стопамъ падемъ,
Чья насъ десница возставляетъ,
Оковы съ нашихъ рукъ снимаетъ.
И съ вый небольничій яремъ.

Съ временъ въ забвеніи лежащихъ,
Нашъ родъ былъ славенъ на земли.
Вездѣ съ молвой побѣдъ гремящихъ
Россійски лавры возрасли.
Не тамъ лишь, гдѣ восшедша Ѳеба,
Текущаго по своду неба,
И въ понтъ сходяща виденъ свѣтъ;
Но тамъ, гдѣ богъ сей не сіяетъ,
Завѣсы звѣздной не вскрываетъ,
Гдѣ вѣчно мрачна ночь живетъ.

Среди такого блеска славы,
Побѣдъ, которымъ нѣтъ числа.
Во узахъ собственной державы
Россія рабства дни влекла.
Когда чужую цѣпь терзала,
Сама въ веригахъ унывала,
И не рвала своихъ оковъ;
Но раболѣпными руками
Упавшихъ предъ ея ногами
Царей, брала подъ свой покровъ.

Теперь, о радости несказанна!
О день, свѣтляе дня побѣдъ!
Царица, небомъ низпосланна.

Неволи тяжки узы рветъ;
Россія!—ты свободна нынѣ!—
Ликуй:—вовѣкъ въ *Екатеринѣ*
Ты благость Бога зрѣть должна:
***Она* тебѣ вновь жизнь даруетъ,**
И счастье съ вольностью связуетъ
На всѣ грядущи времена.

Обиліе рѣкой польется,
И ризу позлатитъ полей.
Гласъ громкихъ пѣсней разнесется,
Гдѣ раздавался звукъ цѣпей.
Дѣвицъ и юношъ хороводы
Выводятъ ужъ во слѣдъ свободы
Забавы въ рощи за собой;
И старость, игомъ лѣтъ согбенна,
Предъ гробомъ зрится восхищенна,
Съ свободой встрѣтя вѣкъ златой.

Развязанными днесь крылами
Орелъ россійскій воспаритъ
Надъ гордыми его врагами;
Съ высотъ ихъ выи поразитъ;
Обвившись пламенемъ перуна.
Въ Эвксинѣ изъ руки Нептуна
Трезубый жезлъ исторгнетъ онъ;
Въ дальнѣйшіе враговъ предѣлы
Пошлетъ молніеносны стрѣлы
И раздробитъ сарматскій тронъ.

Лети, пернатыхъ царь! взносися,
Главой касайся небесамъ;
Надъ кровомъ вѣчности спустися;
Внеси въ ея священный храмъ
Священный ликъ *Екатерины*
Безсмертныхъ дѣлъ *Ея* картины,

Тамъ изваянны на стѣнахъ;
Да узрятъ вѣки отдаленны,
Колико времена блаженны
Текутъ въ подвластныхъ *Ей* странахъ.

А *Ты*, которая свободу,
Какъ животворный свѣтъ, даришь!
Знай, что Россійскому народу
Ты вѣчну цѣпь принять велишь;
Мы прежде власти покорялись;
Въ плѣну днесь кротости остались,
И стали плѣннѣе стократъ:—
Твои щедроты безконечны,
Сіи сердецъ оковы вѣчны,
И духъ свободы покорятъ.

Въ потомствѣ благодарны Россы,
Наслѣдники временъ златыхъ,
Воздвигнутъ въ честь *Твою* колоссы,
Блестящи славой дѣлъ *Твоихъ*.
Въ нихъ кроткій образъ изваянный,
Рукою правды увѣнчанный,
Святиться будетъ въ родъ и родъ:
И время, кое все сражаетъ,
Безсмертну косу изломаетъ
Объ памятникъ *Твоихъ* щедротъ.

3. Отвѣтъ Рафаэла пѣвцу Фелицы *).

Рафаэлъ Санкціо Урбинской,
За Стиксъ отшедшій на покой,

*) Неподражамое изображеніе Фелицы, сочиненіе Гавріила Романовича Державина, дало мнѣ поводъ къ написанію отвѣта Рафаэла, въ которомъ весь пятый куплетъ заимствованъ изъ слѣдующихъ трехъ прекрасныхъ строфъ его:

Престолъ Ея на Скандинавскихъ,
Камчатскихъ и златыхъ горахъ,

Мурзѣ Орды Киргизской, Крымской,
Каракаолацкой, Золотой,
А подлинно какой, не знаетъ,
Здоровья, счастія желаетъ,
И проситъ сей принять отвѣтъ
На то посланье длинновато,
Которое Эрмій крылатой
Ему на сей доставилъ свѣтъ.
Мурза! сто тридцать повелѣній,
Предписанныхъ тобою мнѣ,
Признаться, удивили тѣни,
Живущи въ здѣшней сторонѣ:
Казалось имъ то очень странно,

От странъ Таймурскихъ до Кубанск хъ
Поставь на сорокъ двухъ столбахъ.
Какъ зеркалъ восемь бы стояли
Ея великія моря.
Съ полнеба вѣзды освѣщали,
Вокругъ багряная заря".

Строфа 8.

На сребро-лунно государство
Простри крылатый, сизый громъ:
Въ желѣзно каменное царство
Брось молньи и поставь вверхъ дномъ.
Орелъ царевнинъ бы ногою
Въ верху рога луны сгибалъ;
Тогда жъ бы на землѣ другою,
У льва голодный зѣвъ сжималъ".

Строфа 47.

Представь, чтобъ гласъ сей свѣтодарный
Какъ лучъ съ небесъ проникъ сердца;
Извлекъ бы слезы благодарны,
И всѣ монарха и отца
И Бога бы въ Фелицѣ зрѣли,
Который праведенъ и благъ;
Изъ устъ бы громы лишь гремѣли,
Которы у нея въ рукахъ".

Строфа 26.

Что такъ слегка и столь пространной
Ты вздумалъ мнѣ урокъ задать.—
Но сихъ задачъ надъ сотой долей,
Повѣрь, со всею доброй волей,
Пришло бы въ пень Апеллу стать.

Ты, видно, думалъ, что не диво
Изобразившимъ вещество
Изобразить достойно, живо
И непостижно божество;
Что какъ воображенью слово,
Такъ краской мастерство готово.
Высоку мысль глазамъ казать;
И какъ ума паренья скоры,
Такъ кисти смѣлыя узоры
И чувствамъ образъ могутъ дать.

Но нѣтъ, Мурза! не такъ не трудно,
Какъ то себѣ мечтаешь ты,
Всѣхъ прелестей собранье чудно
Искусно слить въ однѣ черты;
Чтобъ душу ангела небесна
Представила краса тѣлесна.
Мы солнце видимъ каждый день;
Однако вся искусства сила
Изобразить сего свѣтила
Одну подобья можетъ тѣнь.

Не такъ легко „надъ полвселенной
„На сорокъ такмо двухъ столбахъ
„Престолъ поставить вознесенной,
„Въ осьми смотрящійся моряхъ;
„Такъ ноги распростерть орлины,
„Чтобъ сжалъ одною зѣвъ онъ львиный,
„Другой рога луны сгибалъ;

„И написать, какъ громъ горящій,
„Въ десницѣ кроткой, злымъ грозящій,
„Гремѣлъ изъ устъ, но не сражалъ.

А ты желалъ, чтобы всѣ дива,
Которы намъ ты возвѣстилъ,
Чтобъ опись славныхъ дѣлъ архива,
Въ одну картину я вмѣстилъ!—
Хоть зналъ я тщетное желанье,
Но все употребилъ старанье
Тебѣ сколь можно угодить;
И такъ пустяся на удачу,
Чтобы рѣшить твою задачу,
Я предпріялъ ее дробить.

Сперва созвавъ въ совѣтъ согласной
Весь живописный нашъ синклитъ,
Фелицы твоея прекрасной
Рѣшился я представить видъ;
А чтобъ исполнить чудно дѣло,
Юноны сановитой тѣло
Минервиной главой свершилъ;
И прелестьми трехъ Грацій нѣжныхъ
Покрывъ, о чреслахъ бѣлоснѣжныхъ
Кипридинъ поясъ обложилъ.

И восхищался.... какъ предъ мною
Представъ мурза какихъ-то Ордъ,
Подъ шапкой, бритой головою
И длинными усами гордъ,
Спросилъ: кого изображаю?—
Фелицу.—„Какъ, *Ее?*—я чаю,
„Что бредишь ты,—брось кисти прочь,
„И трудъ, мой другъ, оставь напрасный:
„*Ея* ли образъ то прекрасный?
„Онъ сходенъ съ нимъ, какъ съ полднемъ ночь.

Сказалъ и съ гнѣвомъ удалился.—
Привѣтствомъ удивленъ такимъ,
Я рѣчь завесть поторопился
О чудной сей Фелицѣ съ нимъ.
Догнавъ его,—мурза почтенный!
Сказалъ, оставимъ несравненный
Фелицынъ видъ; позволь спросить
Совѣта, какъ бы кисть счастлива
Могла сего осьмаго дива
Хоть подвиги изобразить?"

„Хоть подвиги?—не трудно дѣло
„Затѣялъ ты въ умѣ своемъ!
„Хотя бъ васъ сто надъ нимъ сидѣло
„Весь вѣкъ, вы встали бы ни съ чѣмъ.
„Для рамъ обширной той картины
„Малъ лѣсъ всей здѣшней Палестины;
„А гдѣ взять красокъ и кистей?
„Опомнися, тебѣ ль пристало
„Явить намъ ясное зерцало
„Великихъ дѣлъ *Царевны* сей?

„Надъ всѣми царствами вселенной
„*Она* возносится какъ кедръ
„Надъ тростью гибкой, униженной,
„Чуть выросшей изъ влажныхъ нѣдръ.
„Державный скипетръ простираетъ:
„На царства тамъ гражданъ вѣнчаетъ;
„Въ подданство царствы здѣсь беретъ;
„Тутъ въ брань текущи зря державы,
„Претитъ потоки лить кровавы,
„И судъ и миръ имъ подаетъ".
„Се громъ и трескъ *Ея* перуна,
„Страшилища владыкъ земли,
„Съ полноща грянувъ, домъ Нептуна

„Въ Средземномъ Понтѣ потрясли.
„Тамъ Гидръ *Она* въ волнахъ сжигала;
„Луну надменну затмевала
„Крылами своего орла;
„И царствъ не возмутя покою,
„Въ предѣлъ свой сильною рукою
„Пространно море вовлекла.

„Но слова ли возможетъ сила
„Явить въ величіи своемъ,
„Какъ мракъ полнощи просвѣтила
„*Она* премудрости лучёмъ?
„Какъ съ подданныхъ сняла оковы,
„Въ нихъ души поселила новы,
„И какъ, гдѣ трудъ свой не свершенъ
„За прагомъ гроба оставляла,
„Она тамъ счастье засѣвала
„Для жатвы будущихъ племенъ.

„Но что! по всей вселенной нынѣ
„Гремятъ дѣла *Ея* одной;
„И на пространной сей холстинѣ
„Насилу кистію златой
„Писать ихъ слава успѣваетъ;
„То какъ рука твоя дерзаетъ
„Подъять толь непомѣрный трудъ?
„Оставь, мой другъ! не суетися;
„Кому дивится свѣтъ—дивися:
„А кисть и краски спрячь подъ спудъ.„

Премудраго сего совѣта,
Мурза! отнюдь не презрю я.—
И такъ Фелицына портрета,
Ниже картины дѣлъ *Ея*,
Тебѣ доставить не намѣренъ.

Когда жъ ты въ способахъ увѣренъ
Тѣ чуда живо написать,
То кисть и краски предъ тобою:
Пиши волшебною рукою,
Что живо такъ умѣлъ сказать.

4. Память Ноября 6 дня 1796 года.

Се день плачевный возвратился;
Пролей вновь токи слезъ, о Россъ!
Въ сей день незапно сокрушился
Величественный твой колоссъ,
Вознесшій скипетръ твой, державу,
Наслѣдную отъ предковъ славу,
Поверхъ чела всѣхъ царствъ земныхъ.
Полвѣка онъ, какъ фаръ сіяя,
Стоялъ, всю полночь озаряя,
Но палъ,—погасъ въ единый мигъ.

Стекайтесь, Россы! и воззрите
На тлѣнъ сіявшаго вѣнца.
Печали мракомъ осѣните
Унылы, скорбныя сердца,
И, падши на ступень гробницы,
Омойте слезъ ручьемъ зеницы.—
Теперь сихъ слезъ, похвалъ сихъ даръ,
Ужъ не почтется данью лести:
Признательность къ бездушной персти
Явитъ лишь душъ усердный жаръ.

Воспомнимъ днесь *Екатерины*
Безсмертны, доблестны дѣла.
Ихъ слава вѣчности пучины
Какъ молній разсѣчетъ стрѣла.
Любви, трудовъ *Ея* предметы,
Усердьемъ пламеннымъ согрѣты,

Возможемъ ли мы ихъ забыть?
Потомство поздно не забудетъ;
Но успѣвать чуть мыслью будетъ
Въ слѣдъ громкихъ подвиговъ парить.

Тамъ наглы, кровожадны орлы,
Чтó насъ въ позорный плѣнъ вели,
Россіи древнимъ рабствомъ горды,
Исчезли ужъ съ лица земли.
Срацинъ лежитъ, попранъ двукраты.
Кичливы, буйные Сарматы
Престолъ свой раздробленный зрятъ.
Горами, моремъ отдѣленный,
Палъ Персъ, въ степяхъ своихъ сраженный;
Въ волнахъ Срацинъ и Готѳъ горятъ.

Съ временъ Елены, гдѣ россійскій
И чолнъ не плавалъ, тамъ нашъ флагъ
Покрылъ весь бурный Понтъ Эвксинскій,
Агарянамъ наноси страхъ.
Здѣсь Тавръ, Кавказъ предъ *Ней* склонился,
Тамъ Днѣстръ у ногъ *Ея* извился.—
Но что? найдется ли предѣлъ,
И брегъ морей, толь отдаленныхъ,
Гдѣ лавровъ, гдѣ бъ оливъ зеленыхъ
Не насадилъ *Ея* орелъ?

Страны, на кои мощны длани
И *Петръ* лишь въ мысляхъ налагалъ,
Теперь уже несутъ *Ей* дани;
Свершила все, чтó онъ внушалъ.—
Но если мечъ, *Имъ* изощренный,
Былъ *Ею* часто обнаженный,
И духъ трофеями прельщенъ
Побѣдамъ коль не клалъ границы;...

Россія! духъ твоей *Царицы*,
Твоей былъ славой воскриленъ.

Но днесь прогнавъ печальны мысли,
Забывъ омытый лавръ въ крови,
Коль можешь, благости исчисли
Плоды *Ея* къ тебѣ любви.—
Съ юнѣйшихъ лѣтъ, твоей державы
Она законъ и духъ и нравы
Стремилась въ сердце вкоренить;
Страны природной отчуждилась
И въ дщерь Россіи превратилась,
Чтобъ нѣжной матерью ей быть.

Пріяла скиптръ,—пресѣкла брани;
Наукъ распространила свѣтъ;
И къ сиротамъ простерши длани,
Ихъ жизнь покоитъ, бережетъ.
Враждебны потрясая троны,
Даруетъ кротки намъ законы:
Съ *Собой* въ судилищѣ сидѣть
Священно право удѣляетъ;
И имя рабства истребляетъ,
Душами славясь лишь владѣть.

При *Ней* мы собственность познали,
Стяжаній цѣль и мзды печать;
И крылья мыслей расширяли,
Дерзая правду *Ей* вѣщать.
Тутъ *Ею* казнь смягчилась строга;
Легчитъ *Она* тамъ гнетъ налога,
Щедроты на народъ лія.
Не данники, мы дѣти были;
И самовластный жезлъ забыли
Подъ кроткимъ посохомъ *Ея*.

Но, ахъ! гдѣ *Матерь* и *Царица*?—
О скорбь, несносная сердцамъ!
Увы! уже мертва десница,
Блаженство зиждившая намъ.
Ужъ въ пепелъ сердце перетлѣло,
Чтó къ намъ любовію горѣло.
Злый рокъ драгую нить пресѣкъ,
Съ которой наше счастье длилось!
За мрачны тучи закатилось
Россійско солнце ужъ навѣкъ.

Приди жъ, о Россъ! на гробъ сей хладный,
Призвавши тѣнь *Ея*, пролей
Съ мольбою слезы безотрадны
И поклянемся тамъ предъ *Ней:*
Коль благости *Ея* забудемъ,
И памяти святить не будемъ,
Да мечъ нашъ, устремленный въ бой,
Какъ трость въ десницѣ сокрушится,
Какъ бичъ Ординецъ возвратится,
Лежавшій подъ *Ея* пятой.

А *Ты*, облекшійся въ сіянье,
Ликуй теперь, небесный духъ!
Не аки сѣверно блистанье,
Какъ царь лучей, вселенной кругъ
Согрѣвъ, *Ты* къ западу склонился,
И въ звѣздномъ храмѣ водворился,—
Ликуй тамъ до конца времянъ.
Хоть червь снѣдать *Твой* гробъ захочетъ,
Безсмертна лавра не проточетъ:—
Живешь въ сердцахъ *Ты* Россіянъ.

5. На отъѣздъ въ Италію графа Суворова-Рымникскаго.

1799 года.

Неизмѣримую вселенну
Обтекши, колесо временъ
Взвело вѣками поглощенну
Чреду ужасныхъ перемѣнъ:
Сыны Титеи вновь родились,
Противъ небесъ вооружились.
Тифонъ и буйный Энкеладъ *),
Вращая изступленны взоры,
На горы возметаютъ горы,
И сринуть тронъ боговъ грозятъ.

Неистовы сіи Титаны
Среди Европы возстаютъ;
Какъ раскаленные волканы,
Пылая, ось земли трясутъ,
Кипящу лаву извергаютъ,
Подъ пепломъ грады погребаютъ,—
И кто горящаго жерла
Потушитъ пагубны пожары?
Молва гласитъ, какъ громы яры,
Крыло полнощнаго орла.

Лети жъ, Орелъ! какъ вихрь съ снѣгами,
Россіянъ бранный духъ! лети;
Орла вечерняго съ птенцами—
Европу страждущу спасти.
Пари, и въ молненномъ полетѣ
Яви того, кто въ полномъ свѣтѣ
Блестящую луну затмилъ;
Низвергъ твердыни супостатовъ,

---

*) *Энкеладъ*, изъ числа тѣхъ же Титановъ.

И наглой вольности Сарматовъ
Рога строптивы сокрушилъ.

Взносись,—и грозные Титаны
Твоимъ перуномъ да падутъ.
Возстанови законъ попранный;
Реки цареубійцамъ судъ;
Креста не дай дробить на части;
И буйствъ противъ законной власти
Неистову прерви борьбу.
Всевышній небо преклоняетъ,
Вѣсы тебѣ и мечъ вручаетъ—
Царей и царствъ рѣши судьбу.

6. На тлѣнность.

„Рѣка временъ въ своемъ теченьѣ
„Уноситъ всѣ дѣла людей
„И топитъ въ пропости забвенья
„Народы, царства и царей.
„А если что и остается
„Чрезъ звуки лиры и трубы,
„То вѣчности жерломъ пожрется
„И общей не уйдетъ судьбы".

Такъ лебедь, Пиндаръ пѣлъ россійскій,
Когда готовился ужъ часъ,
Въ полетѣ быстромъ къ гробу близкій,
Взвенѣть ему послѣдній разъ;
И въ мигъ, какъ хладною рукою
Ужъ лиру смерть рвала изъ рукъ,
Такъ громкой онъ издалъ струною
Плѣнительный, послѣдній звукъ.
Изъ вѣка въ вѣкъ сей звукъ прольется.
Державинъ!—нѣтъ;—всежруща тлѣнь
Къ вѣнкамъ твоимъ не прикоснется.

Пока свѣтящій смертнымъ день
Чредиться будетъ съ ночью звѣздной;
Пока ось міра не падетъ—
Временъ надъ рѣющею бездной
Вѣнокъ твой съ лирою всплыветъ.

7. На счастіе.

Весна пріятна возвратилась;
Блестящу росу пьютъ поля,
Зеленымъ бархатомъ покрылась
И тысячьми цвѣтовъ земля;
Одѣлись листіемъ дубравы;
Кусты и благовонны травы
Намъ испаряютъ ароматъ;
Съ горъ зеркальны струи катятся
И въ рощахъ хоры птицъ гнѣздятся,
Поющи новы дни отрадъ.

Взойду на холмъ—мой взоръ веселый
Вездѣ довольство, нѣгу зритъ:
Въ долу спокойно быкъ дебелый
Близъ стада тучнаго лежитъ;
Тамъ бодрый конь, поднявши гриву
И хвостъ и выю горделиву,
Играетъ вкругъ своихъ подругъ;
Тутъ козы брань ведутъ, рѣзвяся;
Тамъ паствой овцы насладяся,
Блеяньемъ наполняютъ лугъ.

Вездѣ, и въ воздухѣ семъ чистомъ,
По всей поверхности земли,
Въ поляхъ, въ лугахъ, въ лѣсу тѣнистомъ,
Зефиры радость разнесли.
Весны вліянія отрадны
И звѣри ощутя зложадны,

Питаютъ нѣжный жаръ въ крови,
Пріятнымъ чувствомъ умягченной;
И все, что въ мірѣ оживленно,
Дань платитъ счастью и любви.

Все дань любви и счастью платитъ!—
Лишь человѣкъ изъ тварей всѣхъ
Часы въ заботахъ, въ скукѣ тратитъ,
Отъ общихъ уклонясь утѣхъ.
Несытыхъ вѣчно полнъ желаній,
Въ кругу пустыхъ надеждъ, мечтаній
Проводитъ онъ и ночь и день;
Простыхъ, природныхъ благъ чуждаясь,
Суетъ въ Дедалѣ заблуждаясь,
Хватаетъ счастья токмо тѣнь.

Одинъ, посѣвы оставляетъ
И плугъ наслѣдный отъ отцовъ;
Въ мечъ острый рало превращаетъ
И въ буйствѣ ищетъ лишь—враговъ.
Обманутъ гласомъ ложной славы
Собратій токъ ліетъ кровавый,
И старцевъ и сиротъ разитъ;
И льстится, обагряя длани,
Что кровь піюще поле брани
Ему лавръ вѣчный возраститъ!

Другой, стада продавши тучны
И домъ рожденья своего,
Гдѣ съ дѣтствомъ игры неразлучны
Всю жизнь лелѣяли его;
Жену оставя безотрадну,
Чтобы корысть насытить жадну,
Измѣннымъ ввѣрился зыбямъ;
Онъ плачъ родныхъ сухимъ зритъ окомъ,

И водъ въ волненіи жестокомъ
Лишь злато льститъ его очамъ.

Иной, во пиршествахъ, забавахъ
Все счастье свѣта заключивъ,
И нѣги въ сладостныхъ отравахъ
Здоровье, душу истощивъ,
Въ вихрь роскоши себя ввергаетъ;
Онъ средства лишь изобрѣтаетъ
Отъ самого себя бѣжать;
Летяще невозвратно время
Онъ силится, какъ тяжко бремя,
Тщетою праздной погублять.

Но на различныхъ сихъ дорогахъ,
Страстьми влекомый, человѣкъ,
По кратковременныхъ тревогахъ
Златый обрѣсть мечтая вѣкъ,
Въ отрадномъ, истинномъ покоѣ,
Возможетъ ли сыскать прямое
Блаженство жизни своея?
Ахъ, нѣтъ!—чѣмъ къ цѣли онъ скорѣе
Течетъ, тѣмъ отъ него быстрѣе
Цѣль удаляется сія.
Съ какими бѣдствами, трудами,
Стяжаній ищетъ онъ драгихъ!
Скопляются они вѣками:
Единый мигъ уноситъ ихъ.
Честей и знатности степени
Какъ легки исчезаютъ тѣни;
Кто ихъ раститъ, тщету пожнетъ,
Прельщенна видами пустыми
Душа не насладится ими:
Прямого счастія въ нихъ нѣтъ.

О, счастье! всѣхъ страстей пружина!
Всѣхъ мыслей, чаяній, трудовъ,
Желаній всѣхъ, о, цѣль едина!
Приди, повѣдай, гдѣ твой кровъ?
Скажи намъ, гдѣ ты обитаешь,
На тронѣ ли въ вѣнцѣ сіяешь,
Иль поселилось въ шалашахъ;
Или, оставя человѣка,
На крыльяхъ ты златаго вѣка
Взлетѣвъ, живешь на небесахъ?

Обремененный нищетою,
Презрѣньемъ общимъ посрамленъ,
Рабъ ропщетъ: для чего судьбою
Рабомъ онъ въ свѣтъ произведенъ?
Онъ, пышностью вельможъ прельщаясь
„Блаженъ, гласитъ, кто, наслаждаясь
„Богатствомъ, дней число своихъ
„Числомъ забавъ, пировъ счисляетъ!
„Онъ вѣкъ моихъ утѣхъ вмѣщаетъ
„Въ одинъ своихъ веселій мигъ!“

„Я властью вознесенъ и славой,
„Речетъ монархъ: я смертныхъ богъ.
„Я сильною моей державой
„Моихъ враговъ стеръ гордый рогъ.
„Въ забавахъ, въ нѣгѣ утопаю;
„Но счастія не обрѣтаю
„Ни средь побѣдъ, ни средь пировъ.
„Спокойство отъ меня уходитъ;
„Спокойство въ хижинѣ находитъ
„Послѣдній рабъ моихъ рабовъ.“

Когда жъ своею въ свѣтѣ частью
Никто не удовлетворенъ,
Такъ не ужель намъ путь ко счастью

Стѣною вѣчной прегражденъ?
На то ль отъ Бога жизнь пріяли,
Чтобъ, жертвой будучи печали,
Кляли мы жизни каждый часъ?—
Никакъ: источникъ совершенства,
Онъ сотворилъ насъ для блаженства,
Блаженство сотворилъ для насъ.

Виновны мы, что, льстясь мечтами
И блескомъ призраковъ пустыхъ,
Живущее блаженство съ нами
Стяжать желаемъ чрезъ другихъ;
Что вѣчно токмо въ чуждой долѣ,
То въ хижинѣ, то на престолѣ,
Обрѣсть надѣемся покой;
И, ослѣпленные пристрастьемъ,
Весь вѣкъ свой гонимся за счастьемъ,
Нося его всегда съ собой.

Познай, о человѣкъ! сколько смежно
Съ тобою благъ струя течетъ,
И какъ сама десницей нѣжной
Своихъ питомцевъ къ ней ведетъ
Премудра, щедрая природа:
Что совѣсть чистая, свобода,
Здоровье и насущный хлѣбъ
Довлѣютъ къ твоему покою.—
Будь съ ними счастливъ самъ собою,
И даръ благослови судебъ.

А если Богъ, чтобъ безмятежну
Украсить жизнь вѣнцемъ отрадъ,
Пошлетъ тебѣ супругу нѣжну,
Правдива друга, добрыхъ чадъ,
О, счастливъ, счастливъ ты не лестно!—
Для чувствъ любови сердце тѣсно

Ты въ нѣдра дружества пролей,
И, чуждъ мірскихъ суетъ, навѣтовъ,
Блаженствомъ сихъ драгихъ предметовъ
Удвой твоихъ блаженство дней.

Удвой;—но, ахъ, съ пріумноженьемъ
Сихъ счастія узловъ драгихъ,
Стократъ мучительнымъ язвленьемъ
Коварно жало скорбей злыхъ
Грозитъ, о смертный! намъ всечасно:
Какое сердце толь безстрастно,
Толь твердо, жестко можетъ быть,
Чтобъ близкихъ такъ души залоговъ
Болѣзнь, печаль и смерть безъ вздоховъ,
Безъ ропота могло сносить?

Увы! возможно ль капель слезныхъ
Не уронить съ унылыхъ вѣждъ,
Воззрѣвъ на прахъ дѣтей любезныхъ,
На гробъ пріятнѣйшихъ надеждъ?
Слезами не омывъ зѣницу,
Возсѣсть на хладную гробницу,
Иль друга, иль драгой жены,
И не терзаться надъ могилой,
Гдѣ жизни, ужъ навѣкъ постылой,
Всѣ радости погребены?—

Несчастный!—въ скорби сей сердечной,
Приди, дай руку мнѣ; пойдемъ:
Предъ трономъ благъ, любви предвѣчной,
Съ повиновеніемъ падемъ;
И изъ-подъ праха гласъ умильной
Возвысимъ: да рукой всесильной
Стѣсненно сердце укрѣпитъ,
Печалей да смягчитъ грызенья

Противу горестей стремленья
Да ниспошлетъ намъ Вѣры щитъ!

О Вѣра! гласъ Творца вселенной,
Святѣйшій лучъ его лучей,
Отрада жизни угнетенной,
Душевна здравія елей!
Оставь небесную обитель:
Сниди; будь вождь намъ, просвѣтитель;
Наставь насъ, что, доколѣ мы
Веригъ не сбросимъ тѣла страстна,
Не можемъ свѣта, намъ причастна,
Отъ сродной намъ отторгнуть тьмы.

Что жизни въ дебри сей терновой
Мы странствовать во мглѣ должны;
Что тамъ,—за ней,—день свѣтитъ новой;
Что смертные преселены
Въ то обиталище святое,
Вкушаютъ счастіе прямое
И радость полной чашей пьютъ;
Отъ смерти къ вѣчности избранны,
Вѣнцемъ нетлѣннымъ увѣнчанны,
Небесной жизнію живутъ.

Но здѣсь одна лишь добродѣтель
Источникъ неисчерпныхъ благъ;
Отрадъ чистѣйшихъ намъ содѣтель.
Въ болѣзняхъ, въ нищетѣ, въ бѣдахъ
Она печали услаждаетъ
И равномѣрно сочетаетъ
Себя съ владыкой и съ рабомъ.
Ни тать, ни врагъ, стихіи злобны,
Ее похитить не удобны:
Въ сердцахъ она свой зиждетъ домъ.

*

Воззримъ на мужа благотворна:
Что сладостнѣй его отрадъ?—
Улыбка нѣжна, непритворна,
Имъ воскормленныхъ чуждыхъ чадъ,
Признательна слеза вдовицы,
Исторгнутыхъ изъ рукъ убійцы
Благословеніе сиротъ,
И вздохъ отрадный старца нища,—
Какая сердцу сладка пища!
Какой утѣхъ безсмертный плодъ!

Возмогутъ ли болѣзнь, гоненья,
Печаль и сонмъ напастей злыхъ,
Средь толь пріятна восхищенья,
Не притупить всѣхъ жалъ своихъ,
И на стезяхъ колючихъ, тѣсныхъ,
Лишишь его утѣхъ небесныхъ,
Восторга нѣжнаго сердецъ,—
Когда за жизнью скоротечной
Ему священна Вѣра вѣчной
Готовитъ радости вѣнецъ?

О, Вѣра! устъ твоихъ уроки
Ослабшій духъ мой подкрѣпятъ,
Съ тобой и горести жестоки
Меня теперь ужъ не сразятъ.
Напасть, болѣзнь и скорбь и бѣдство,
Какъ человѣчества наслѣдство,
Съ терпѣньемъ буду принимать;
И въ тишинѣ, средь мала круга
Любезныхъ чадъ, жены и друга,
Блаженство временно вкушать.

А если бъ хоть на мигъ судьбину
Несчастныхъ могъ я усладить,
Хоть вздохъ, хотя слезу едину

Скорбящаго остановить,
Иль мокру осушить зѣницу:
О, сколь всещедрую десницу
Творца благословилъ бы я!
Съ какой отрадою сердечной
У прага жизни безконечной
Предѣлъ бы жизни зрѣлъ сея!

Приди жъ, Весна! какъ ты цвѣтами
Пестришь поверхности полей,
Такъ дружества, любви вѣнками
Я путь моихъ усыплю дней.
Въ тѣнистыхъ рощахъ заблуждаясь,
Природы красотой плѣняясь,
Невидимыхъ небесъ красу
Въ ней, какъ въ зерцалѣ, зрѣть я стану.
И льститься, что хоть здѣсь увяну,
Но плодъ безсмертный принесу.

8. На твердость духа.

Какъ въ устьи пристани глубокой
Вознесшись къ облакамъ скала
Стоитъ, и бури ревъ жестокой
Сверканье молній вкругъ чела,
И волны презираетъ яры.
Перуна пламенны удары
Изрыли весь ея хребетъ;
На опаленну грудь громами
Она, уперши въ понтъ, волнами
Тревожить пристань не даетъ.

Такъ мужъ, судьбой опредѣленный
Отечества оградой быть,
Враждою ковы соплетенны
Какъ слабу разрываетъ нить.

Душей неколебимъ въ гоненьи,
О злобѣ, зависти, о мщеньи,
О самой смерти небрежетъ.
Грудь тверду злобѣ представляя
И жизнь всѣмъ бѣдствамъ подвергая,
Хранитъ отечество отъ бѣдъ.

Безплодно подлость, лесть, измѣны,
Сокрытны спутницы вельможъ,
Какъ смертоносныя Сирены
Сплетаютъ ядовиту ложь;
Враги открыты тщетно злятся,
На пагубу его стремятся
И всуе рокъ его разитъ:
Какъ черви тѣхъ ногой онъ давитъ,
Симъ крѣпость мышцъ противоставитъ,
Судьбѣ—терпѣнья твердый щитъ.

Кому отечество вручило
Вѣсы суда, защиты мечъ,
Или правленія кормило,
Тотъ долженъ путь опасный течь,
О личной пользѣ не радѣя;
Въ врагѣ лишь общества злодѣя
Онъ долженъ видѣть своего.
Въ душѣ того, кто долгу жертва,
Какъ собственность, такъ личность мертва;
Народно благо—жизнь его.

Онъ щитъ судьбою утѣсненнымъ,
Покровъ безгласныхъ вдовъ, сиротъ;
Рукой неправды угнетеннымъ
Подпора тверда и оплотъ.
Противъ враговъ, идущихъ боемъ,
Отечеству съ драгимъ покоемъ

Имѣнье, жизнь свою даритъ.
Падетъ ли средь кровавой рати,
И мертвъ, въ сердцахъ твоихъ собратій—
Любовь къ отечеству живитъ.

Такіе въ сонмѣ Россовъ были
Пожарскій, *Мининъ*, *Филаретъ*:
Яремъ сарматскій сокрушили
Они подъ лаврами побѣдъ.
Но тѣ, что за отчизну пали,
Не больше ль благо назидали?—
Хоть *Курцій* *) жертвой Риму былъ,
Но *Регула* **) неколебима,
Такой примѣръ къ спасенью Рима,
На остры гвозди положилъ.

Теки жъ; и коль поставленъ рокомъ
Въ столбы отечества, крѣпись.
Орелъ! въ пареніи высокомъ
Спуститься долу берегись.
Продерзкій рогъ сломи строптивыхъ,

---

*) *Курцій*.—Въ Римѣ на площади разсѣлась земля и открылась пропасть. Устрашенному народу прорицатели отвѣчали, что она не закроется, пока не будетъ брошено въ нее то, что всего драгоцѣннѣе въ Римѣ. *М. Курцій*, заключа, что прорицаніе означало тѣмъ римскаго гражданина, бросился въ пропасть, которая, какъ преданіе удостовѣряетъ, тотъ же часъ и закрылась.

**) *М. Атилій Регулъ*, — консулъ римскій, въ первую Пуническую войну взятый Карѳагенцами въ плѣнъ, былъ отъ нихъ посланъ въ Римъ, для увѣщанія соотечественниковъ своихъ къ размѣну плѣнныхъ, съ угроженіемъ, что преданъ будетъ мучительнѣйшей смерти, ежели въ таковомъ препорученіи не успѣетъ. По прибытіи въ Римъ, убѣдилъ онъ сенатъ къ отверженію предлагаемаго размѣна и, не взирая на просьбу его, на моленіе народа и слезы жены и дѣтей, возвратился въ Карѳагенъ; по повелѣнію разгнѣваннаго сената и народа, мученъ былъ долговременно въ ящикѣ, желѣзными гвоздями набитомъ, а наконецъ, распятъ на крестѣ и преданъ смерти.

И знай, что на путяхъ правдивыхъ
Коль мужъ великій и падетъ,
Въ потомствѣ славенъ онъ возстанетъ,
Вѣнокъ лавровый не увянетъ,
Но ввѣкъ на гробѣ процвѣтетъ.

Мужъ доблестьми превознесенной
Изъ пепла вновь себя родитъ;
Какъ злато въ горнѣ искушенно,
Лучемъ сугубымъ возблеститъ.
И ни вражда, что міръ тревожитъ,
Ни ржа временъ затмить не можетъ
Нетлѣющихъ его добротъ.
Въ сердцахъ онъ памятникъ воздвигнетъ,
Что храма вѣчности достигнетъ,
Священъ потомству въ родъ и родъ.

9. Въ память Береста.

Здѣсь Берестъ древній, величавый,
Тягча береговый утесъ,
Стоялъ, какъ патріархъ древесъ;
Краса онъ былъ и честь дубравы,
Надъ коею чело вознесъ.

Перуномъ, бурей пощаженный,
Вѣками онъ свой вѣкъ счислялъ,
Но бодрость важную казалъ;
И вѣтви распростря зелены,
Весь берегъ тѣнью устилалъ.

Ахъ! сколько кратъ въ дни лѣтня зноя,
Гнетомый скукой, иль тоской,
Пришедъ подъ сводъ его густой,
Я сладкаго искалъ покоя
И сладкій находилъ покой.

От бури, от дождя, от града
Онъ былъ надежный мой покровъ;
И мягче шелковыхъ ковровъ,
Въ тѣни, гдѣ стлалася прохлада,
Подъ нимъ коверъ мнѣ былъ готовъ.

Тамъ въ часъ священныхъ вдохновеній,
Внимать я гласу Музы мнилъ;
Мечтой себя тамъ часто льстилъ,
Что Флакка добродушный Геній
Надъ головой моей парилъ.

Мечты то были;—но мечтами
Не всѣ ль златятся наши дни?
Въ гостепріимной тамъ тѣни,
Подъ кровомъ Береста, часами
Мнѣ представлялися они.

Казалось, дряхлостью сляченна
Меня онъ, старца, переживетъ
въ кругѣ многихъ, многихъ лѣтъ,
Отъ своего чела взнесенна
Надъ правнуками тѣнь прострет,

Но Псёлъ, скопленными струями,
Когда весенній таялъ снѣгъ,
Усиля свой упорный бѣгъ,
Межъ преплетенными корнями
Подъ Берестомъ смываетъ брегъ.

„Ужъ Берестъ клонится на воду,
„Подрывшу брега крутизну;
„Ужъ смотритъ въ мрачну глубину;
„И скоро, въ бурну непогоду,
„Вверхъ корнемъ ринулся бъ ко дну.

„Главой въ рѣку бъ онъ погрузился,
„И съ иломъ тамъ сгустя песокъ,
„Свободный воспятилъ бы токъ;
„Объ вѣтви бъ легкій чолнъ разбился:“
Пришелъ и твой, о Берестъ! рокъ.

У корня ужъ лежитъ сѣкира!—
О, скорбь!—Но чѣмъ перемѣнить?—
Злой рокъ рѣшилъ тебя истнить,
Тебя, невинный житель міра,
И мнѣ твоимъ убійцей быть!—

Прости жъ, прямый мой покровитель,
Теперь—лишь жалости предметъ!
Прости;—и мой ужъ часъ грядетъ:
Твой гость, невольный твой губитель,
Тебя не долго преживетъ.

Но рокъ насъ не разлучитъ вѣчно:
Ты часто мнѣ дарилъ покой,—
Въ тебѣ жъ—и прахъ почіетъ мой:
Скончавъ путь жизни скоротечной,
Покроюся—твоей доской.

III. ГОРАЦІЯНСКІЯ И АНАКРЕОНТИЧЕСКІЯ ОДЫ.

1. Камелекъ.

Вчера я въ теремѣ Эльвиры
Одинъ у камелька сидѣлъ,
И на струнахъ ей милой лиры
Гораціевы пѣсни пѣлъ.

Давалъ совѣтъ онъ Левконоѣ
О будущемъ не ворожить;
Въ веселости, въ любви, въ покоѣ
Лишь настоящимъ часомъ жить.

Но между тѣмъ какъ я распѣлся
И позабылъ летящій часъ,
Безъ дровъ, покуда осмотрѣлся,
Тихохонько огонь погасъ.

Эльвира! скрывъ на сердцѣ рану,
Давно горю любовью я:
Когда одинъ горѣть я стану,
Погаснетъ скоро жизнь моя.

2. Суетность жизни.

Растаялъ снѣгъ, земля открылась,
Позеленѣла мурава;
Струя кристальна съ горъ скатилась;
Одѣлись листьями древа.

Возобновился видъ природы,
Впадаютъ рѣки въ берега;
  дѣвъ веселы хороводы
Ужъ топчутъ мягкіе луга.

„Не льстись ни чѣмъ ты вѣчнымъ въ свѣтѣ“
Твердитъ тебѣ то годъ и часъ
И мигъ, что въ молненномъ полетѣ
Крыло временъ несетъ на насъ.

Весна морозы прогоняетъ,
Спѣшитъ за нею лѣто вслѣдъ:
Съ плодами осень поспѣшаетъ
И зиму строгую ведетъ.
Но года кругъ непостоянный
Стократъ возобновитъ луна;
А ты, въ подземный домъ изгнанный,
Ввѣкъ будешь прахъ и тѣнь одна.

Кто вѣсть, угодно ли судьбинѣ
Прибавить къ нашей жизни мигъ?
Что дашь себѣ, то вырвешь нынѣ
Изъ рукъ наслѣдниковъ скупыхъ.

Когда умрешь, и по неволѣ
Тебя къ кладбищу отнесутъ;
Ни знатный родъ, ни честь оттолѣ,
Ни умъ тебя не изведутъ.

Никто не выходилъ изъ гроба,
Хоть всякъ отсель въ него идетъ.
Бездонна, знать, земли утроба:
Повсюду входъ, исхода нѣтъ.

3. Утѣшеніе въ горести.

Не вѣчно ливнемъ дождь стремится
На пестрое лице полей;
Не вѣчно бурями мутится
Поверхность зеркальна морей.
Не ежедневно въ кругу года
Тягчитъ верхи рифейски ледъ;
Въ дубравахъ воетъ непогода,
И вихрь съ деревьевъ листья рветъ.

А томный вопль твой мила друга
Не перестаетъ изъ гроба звать!—
Свѣтило дня съ сапфирна круга
Спѣшитъ ли въ морѣ бѣгъ скончать;
Во слѣдъ ли золотой денницы
Течетъ оно на сводъ небесъ;
Ступень безчувственной гробницы
Ты токомъ орошаешь слезъ.

Но старецъ, вѣкъ тройной проживші́й,
По Антилохѣ дорогомъ
Не вѣкъ стеналъ, токъ слезъ проливши,
Не вѣчно сѣтовалъ о немъ
Не вѣчно юнаго Троила,
Какъ палъ онъ въ мрачный ада зѣвъ,
Кропилась хладная могила
Росою слезъ троянскихъ дѣвъ.

Прерви жъ стенанья малодушны,
Прерви, и вмѣстѣ воспоемъ
Съ десницей Росса неразлучны
Побѣды, новой славы громъ:
Какъ быстрый *Падъ* предъ нимъ смирился,
И алчна гидра вспять бѣжитъ;

Хребетъ Альпійскій преклонился,
И Галлъ въ ущельяхъ горъ дрожитъ.

4. На смерть Юліи.

Уже со тьмою нощи
Простерлась тишина.
Выходитъ изъ рощи
Печальная луна.
Я лиру томно строю
Пѣть скорбь, объявшу духъ.—
Приди грустить со мною,
Луна, печальныхъ другъ!

У хладной сей могилы,
Подъ тѣнью древъ густыхъ,
Услышь мой вопль унылый
И вздоховъ стонъ моихъ.
Здѣсь Юліи любезной
Прахъ милый погребенъ.
Я лить надъ нимъ токъ слезной
Навѣки осужденъ.

Подобно розѣ нѣжной,
Ты, Юлія! цвѣла;
Ты въ жизни сей мятежной
Мнѣ другъ, мнѣ все была.
Теперь, тебя теряя
Осталось жизнь скончать,
Иль, скорбью грудь терзая.
Всечасно умирать.

Но пѣсни сей плачевной
Прервать я долженъ стонъ:
Слезами омоченной
Нѣмѣетъ лиры звонъ.
Безмолвною тоскою

Сильныя тѣснится духъ:
Приди жъ грустить со мною,
Луна, печальныхъ другъ!

5. Чижикъ.

Милой чижикъ желтобокой!
Кверху, другъ мой, не взлетай,
Не клади гнѣзда высоко,
Но въ густой травѣ свивай.
Ты взгляни, какъ ястребъ гладный
Надъ тобой уже паритъ,
Какъ, твоей онъ крови жадный,
Когти на тебя остритъ.

Выросъ илемъ надъ горою;
Но тамъ, зной ли дышетъ,—жжетъ;
Буря ль налетитъ съ грозою,—
Ломитъ вѣтви, листья рветъ,
А въ долинѣ ива мшиста,
Бури не боясь, стоитъ.
Тамъ струя, катяся чиста,
Въ жарки дни ее поитъ.

Такъ зачѣмъ и мнѣ крушиться
Что вельможей не рожденъ?
Тотъ пусть ищетъ вѣкъ томиться,
Кто тщеславіемъ вскруженъ.
Я же низменной стезею
Отъ мірскихъ суетъ уйду.
Трудъ дѣля съ драгой семьею,
Счастье въ бѣдности найду.

6. Время.

Непримѣтно утекаютъ
Воскрыленныя лѣта.—

Старости не удаляютъ
Умъ, ни сердца правота;
И прогнать не могутъ мимо
Смерти ввѣкъ неумолимой.

Хоть молебны кто всякъ день
Пѣть о многолѣтствѣ станетъ:
Смерть, привязчива какъ тѣнь,
На минуту не отстанетъ.
Всѣ, и рабъ и царь съ вѣнцомъ,
Спустимся въ подземный домъ.

Тщетно кровью обагренныхъ
Будемъ убѣгать полей;
Волнъ беречься разъяренныхъ
И заразъ осеннихъ дней:
Къ предкамъ должно преселиться,
Праху съ прахомъ съединиться.

Должно все оставить здѣсь:
Домъ, раскошную услугу,
Нѣжную съ дѣтьми супругу;
И изъ саженныхъ древесъ,
Ельникъ лишь одинъ постылый
Насъ проводитъ до могилы.

Всѣ мы такъ, какъ тѣнь, пройдемъ
А наслѣдникъ нашъ богатый,
Цѣльнымъ капскимъ тороватый
Вѣкъ нетронутымъ виномъ,
Закутя пиры и балы,
Черезъ край нальетъ бокалы.

7. Старость и младость.

Хвалятъ старое вино;—
Правда, веселитъ оно,

Выхваляютъ стара друга;—
Правда, сердце онъ дѣлитъ;
Но млада, мила подруга
Мнѣ обоихъ замѣнитъ.

Можетъ быть, за правду эту
Свѣтъ и насмѣется мнѣ:
Да вольно жъ смѣяться свѣту.
Что пріятно въ старинѣ,
Тѣмъ отнюдь я не гнушаюсь:
Скуку и печаль стараюсь
Въ старомъ утопить винѣ;
Съ старымъ другомъ вѣчно буду
Душу отводить душой,
А съ подругой молодой
Свѣтъ весь и себя забуду.

Хвалятъ старое вино;—
Правда, веселитъ оно.
Выхваляютъ стара друга;—
Правда, сердце онъ дѣлитъ.
Но млада, мила подруга
Мнѣ обоихъ замѣнитъ.

8. Богатство убогаго.

Кто счастья ищетъ въ свѣтѣ,
Тщеславіе любя,
Тотъ въ вѣкъ имѣй въ предметѣ
Лишь одного себя.
Но я ищу покою,
Гордынѣ не служу;
Въ сей хижинѣ съ тобою
Я счастье нахожу.

Купцы въ моря глубоки
За златомъ пусть плывутъ;

Герои крови токи
За шагъ владѣній льютъ;
Но я, не алча кровью
Купить вселенной всей,
Твоей одной любовью
Богаче всѣхъ царей.

Хоть хижина убога,
Съ тобой она мнѣ храмъ;
Я въ ней прошу отъ Бога
Спокойства только намъ.
Но вѣка чтобъ прибавить,
О томъ я не молюсь;
Тебя, мой другъ! оставить
И пережить боюсь.

9. Умѣренность.

Коль хочешь вѣкъ прожить счастливо,
Не все въ открыто море мчись;
Ни слишкомъ къ берегу трусливо
Межъ камней съ лодочкою жмись.

Кто счастья шумнаго тревогѣ
Средину скромну предпочтетъ,
Не въ златоглавомъ тотъ чертогѣ,
Но и не въ хижинѣ живетъ.

На ель высоку вихрь стремится;
И башня гордая челомъ
Съ крутыхъ высотъ скорѣй валится;
Вершины горъ бьетъ чаще громъ.

Надежду мудрый зритъ въ напасти,
На случай злой вооруженъ;
Но въ льстивомъ бережется счастьи
Судьбы коварныхъ перемѣнъ.

Не все зима насъ удручаетъ,
Весна за нею въ слѣдъ спѣшитъ.
Сегодня горесть убиваетъ,
А завтра радость оживитъ.

Не каждый разъ перунъ горящій
Грозитъ пожарами странамъ,
Но часто тучи, градъ носящи,
Прогнавъ, даруетъ ведро намъ.

Будь твердъ въ злосчастныя минуты;
Но счастью то жъ не довѣряй;
И вѣтромъ парусы надуты
Заблаговремя опущай.

10. Пѣвцу Фелицы.

Доколѣ музами любимъ,
Тревоги всѣ, заботы, горе,
За вѣтрами пущу я въ море,
Счастливый путь!—примолвя имъ.

Пусть Галлъ Европой потрясаетъ,
Британецъ всѣхъ на морѣ бьетъ,
Отъ рая Пій ключи теряетъ;—
Да мнѣ до нихъ и нужды нѣтъ.

Честей я не служу кумиру,
Ползкомъ я злата не ищу;
Доволенъ малымъ,—жизнь и лиру
Любви и дружбѣ посвящу.

О Муза! другъ холмовъ тѣнистыхъ,
Любящая Кастальскій токъ!
Пѣвцу Фелицы свей вѣнокъ
Изъ лавровъ, изъ цвѣтовъ душистыхъ.

*

Я слабъ ему хвалу гремѣть:—
Тебѣ, сестрамъ твоимъ пристойно,
Возвысить звонку лиру стройно,
И Фебова любимца пѣть.

11. Другу моему.

Взгляни какъ, снѣгомъ покровенны,
Высокихъ горъ верхи блестятъ;
Какъ сосны инеемъ нагбенны,
И рѣки, льдомъ отягощенны,
Въ брегахъ оцѣпенѣвъ стоятъ.

Теперь-то, сидя у камина,
Морозъ забыть ты насъ заставь;
По старшинству ихъ лѣтъ и чина,
Вели подать венгерски вина,
А прочее богамъ оставь.

Метели, бури и морозы,
Когда они хотятъ смирить,
Тогда ни липы, ни берёзы,
Ни гибки однолѣтни лозы,
Не смѣютъ вѣткой шевелить.

Что завтра встрѣтится съ тобою,
Не безпокойся узнавать;
Минутной пользуйся чертою;
И день, отсроченный судьбою,
Учись подаркомъ почитать.

Во младости несуетливой
Безъ пляски, игръ, не трать часа;
И плодъ вкушай любви счастливой,
Покуда старостью брюзгливой
Не посребрятся волоса.

Теперь тебя зовутъ гулянья,
Театръ, концерты, маскерадъ,
И тѣ условленны свиданья,
Гдѣ нѣжны вечеркомъ шептанья
Украдкой о любви твердятъ;

Гдѣ смѣхъ невольный открываетъ
Красотку въ темномъ уголкѣ,
Чтó въ фанты перстенекъ теряетъ
И слабо лишь обороняетъ
На сжатой съ нѣжностью рукѣ.

12. Осень.

Въ дубравѣ грозна буря воетъ,
Крутится вихремъ дождь и градъ.
Съ горы стремясь, долину роетъ
Ревущій, быстрый водопадъ.
Во маркѣ молнія лишь блещетъ;
Не видно въ тучѣ свѣтлыхъ звѣздъ.—
Вдругъ грянулъ громъ—и боръ трепещетъ;
Не сыщутъ робки звѣри мѣстъ.

Почто жъ такъ осень свирѣпѣетъ,
И градомъ томну землю бьетъ?—
Природа безъ того мертвѣетъ;
Давно увялъ ужъ розы цвѣтъ;
Давно деревья обнаженны
Склонивши вѣтвія стоятъ,
И птицы, гнѣздъ своихъ лишенны,
Безъ крова сносятъ лютый хладъ.

Приди жъ, зима! и скорбь природы
Въ одно мгновеніе прерви:
Оцѣпени растенья, воды
И всю природу умертви.

Какъ ледъ, твоя десница хладна
Отъ бурь ей сладкій отдыхъ дастъ:—
Увы! безчувственность отрадна,
Гдѣ тяжка насъ томитъ напасть.

Когда въ печаляхъ сердце ноетъ,
А рокъ еще его гнететъ
И глубже ровъ несчастнымъ роетъ
Несносныхъ, неизбѣжныхъ бѣдъ:
Тогда спокойство намъ доставить
Одна лишь можетъ хладна смерть,
Отъ чувства горести избавить
И скорби остро жало стерть.

13. Зима.

Лютая зима! доколѣ
Землю будешь ты томить,
Рѣки быстрыя въ неволѣ
Льдистымъ гнетомъ бременить?
Долго ль быть твоей намъ жертвой
И сносить жестокій хладъ?—
Все уныло, пусто, мертво,
Все, куда ни кинемъ взглядъ.

Ахъ! когда жъ весна природу
Оживить опять придетъ;
Милую ручьямъ свободу,
Жизнь древамъ, цвѣтамъ вдохнетъ?
Скоро ль въ рощахъ безмятежныхъ
Птичекъ поселяя вновь,
Къ нимъ на крыльяхъ горлицъ нѣжныхъ
Принесетъ она любовь?

Подождемъ;—не все стремится
Буря изъ полнощныхъ нѣдръ;

Время колесомъ вертится:
Скоро дунетъ южный вѣтръ—
Животворной теплотою
Льды распуститъ и снѣга
И роскошною рукою
Облечетъ въ цвѣты луга.

Скоро ласточки на волѣ
Будутъ къ облакамъ взлетать;
Скоро станемъ въ чистомъ полѣ
Чистымъ воздухомъ дышать.
Подождемъ:—какъ послѣ тѣни
Солнца лучъ яснѣй блеститъ,
Послѣ скорбныхъ угнетеній
Такъ насъ радость оживитъ.

14. Невѣрность.

Поля, лѣса густые!
Спокойствія предѣлъ!
Гдѣ дни мои златые,
Гдѣ я Лизетту пѣлъ,—
Судьбы моей премѣну
Теперь я вамъ пою:
Лизеттину измѣну
И вѣрность къ ней мою.

Въ глазахъ ея всечасно
Любви огонь блисталъ;
Казалось, такъ же страстно
И духъ ея пылалъ.
Но взоръ младой Лизетты
Стремился лишь плѣнять.—
Ахъ! какъ въ такія лѣты
Умѣть ужъ измѣнять!

Пріятны разговоры,
Улыбка, страстный видъ
И самы нѣжны взоры
Все въ ней притворно льститъ,—
Но все въ ней прелесть нова!—
Ахъ! пусть она бъ была
Или не такъ сурова,
Или не такъ мила.

Лѣсокъ! гдѣ я тоскую,
Гдѣ счастье зрѣлъ мое,
Напомни мнѣ драгую—
Я все люблю ее.
Ея невѣрность знаю,
Тьму горестей терплю,
Всечасно ей пѣняю—
А все ее люблю.

15. Неосторожный мотылекъ.

Въ прохладный лѣтній вечеръ темной,
Озябши, легкій мотылекъ,
Въ покой Темиринъ освѣщенной
Летѣлъ на ясный огонекъ.
Тамъ роза на окнѣ стояла,
Съ зарею чуть лишь расцвѣла,
Румянцемъ, свѣжестью плѣняла,
И мотылька къ себѣ звала.

Влекомый запахомъ пріятнымъ,
На розу мотылекъ взлетѣлъ;
Питаясь сокомъ ароматнымъ,
Въ забвеньи сладостномъ сидѣлъ.
Но вдругъ, прельщенный яркимъ свѣтомъ,
Помчался съ розы мотылёкъ;
Безпечнымъ вкругъ огня полетомъ
Порхалъ и крылышко прижогъ.

Еще есть время, мотылёчекъ!—
Пока совсѣмъ ты не сгоришь,
Душистый ждетъ тебя цвѣточекъ;
Лети;—но ты въ огонь летишь!
О, сердце! равной съ нимъ напасти
Чтобъ и тебѣ не потерпѣть,
Бѣги отъ милой, пылкой страсти,
Не то,—придетъ и намъ сгорѣть.

16. Потеря дня.

Солнце за горою сѣло;
Лѣсъ зеленый потемнѣлъ.
Съ Лизой день не видясь цѣлой,
Въ горести Милонъ сидѣлъ.
Стадо, вкругъ его стѣсненно,
На густой травѣ легло;
Онъ, печалью отягченной,
Гнать его забылъ въ село.

Шорохъ каждаго листочка
Радостно тревожитъ духъ,
И дыханье вѣтерочка
Въ трепетъ приводило духъ.
Но ужъ тѣнь кругомъ сгустилась;
Вѣтръ листка не шевельнетъ;
Въ мракѣ и надежда скрылась:
„Нѣтъ, ужъ Лиза не придетъ!“

Солнце! ты зачѣмъ свѣтило?—
Воздохнувъ Милонъ сказалъ:
Я не видѣлъ Лизы милой;
Этотъ въ жизни день пропалъ.—
Рощица! моя отрада,
Какъ въ тѣни гулялъ я съ ней;

Безъ нее, твоя прохлада
Хладъ несетъ душѣ моей.

Рощица! пора проститься,
Стадо милое! пойдемъ;
Поспѣшай ты насладиться
Отъ тебя бегущимъ сномъ.
Окропился ужъ росою
Лугъ, гдѣ съ Лизой я гулялъ,
А горючею слезою
Мѣсто, гдѣ напрасно ждалъ.

17. Скромное признаніе въ любви.

Ахъ! пойду, разсѣю скуку
По лѣсочкамъ, по лугамъ;
Тайную, сердечну муку
Эхомъ томнымъ передамъ.

Томны эхи! повторите
Скромну жалобу мою:
Другу милому скажите,
Что по немъ здѣсь слезы лью.

Пусть хотя чрезъ васъ узнаетъ
То, чего сказать нѣтъ силъ:
Что по немъ душа страдаетъ;
Безъ него и свѣтъ не милъ.

Эхи! пристально внимайте:
Если милой мой вздохнетъ,
Вздохъ скорѣй мнѣ передайте!—
Сердце лишь отвѣта ждетъ.

18. Памятникъ Горація.

Я памятникъ себѣ воздвигнулъ долговѣчной;
Превыше пирамидъ и крѣпче мѣди онъ.
Ни ѣдкіе дожди, ни бурный Аквилонъ,
Ни цѣпь несмѣтныхъ лѣтъ, ни время быстротечно
Не сокрушатъ его.—Не весь умру я; нѣтъ:—
Большая часть меня отъ строгихъ Паркъ уйдетъ;
Въ потомствѣ возрасту я славой справедливой
И въ гордый Капитолъ съ Весталкой молчаливой,
Доколѣ будетъ жрецъ торжественно всходить,
Не перестанетъ всѣмъ молва о мнѣ твердить,
Что тамо, гдѣ Авфидъ стремитъ ревущи воды,
И въ дебряхъ гдѣ простымъ народомъ Давнъ владѣлъ,
Я первый, вознесясь отъ низкія породы,
Въ латинскіе стихи эольску мѣру ввелъ.
Гордись блистательнымъ отличьемъ Мельпомена!
Гордись: права тебѣ достоинство дало.
Изъ лавра дельѳскаго, въ честь Фебу посвященна,
Вѣнокъ безсмертный свивъ, укрась мое чело.

19. Къ Мельпоменѣ.

Ода Горація кн. IV. Ода III.

Quem, tu, Melpomene...

О, Мелпомена! кто пріятный,
Рождаясь, взглядъ твой привлечетъ,
Того истмійскій подвигъ знатный,
Какъ славнаго бойца, хвалой не вознесетъ;
Не мчатъ тамъ кони, легче птицы,
Его побѣдной колесницы:
Народамъ Капитоль вождя не кажетъ въ немъ,
Смирившаго царей надменныхъ,
И, средь трофеевъ вознесенныхъ,
Вѣнчанна Фебовымъ вѣнцемъ:—

Но шумъ тибурска водопада,
Поящаго роскошный лугъ,
Тѣнистой рощицы прохлада
Въ плѣнительный восторгъ его приводятъ духъ;
Но эолійскими стихами
Онъ будетъ славенъ межъ пѣвцами!...
Ужъ гордый Римъ меня достойнымъ признаетъ.
Вступить въ соборъ ихъ знаменитый,
И меньше злобно ядовитый
Зубъ зависти меня грызетъ.

О ты, что плавно размѣряешь
Звукъ лиры золотой моей,
Могуща, если пожелаешь,
И рыбамъ дать нѣмымъ гласъ нѣжный лебедей,—
О, Муза: я тебѣ обязанъ,
Что всѣми здѣсь перстомъ указанъ,
Какъ первый Римлянинъ, познавшій лиры строй:
Что живъ, что пѣснями плѣняю,
Коль симъ ласкать себя дерзаю,
Тебѣ обязанъ тѣмъ одной.

20. Обуховка.

Non ebur, neque aureum
Men renidet in domo lacunar.
Горацій, кн. II. ода XVIII.

Въ миру съ сосѣдами, съ родными,
Въ согласьи съ совѣстью моей,
Въ любви съ любезною семьей
Я здѣсь отрадами одними
Теченье мѣрю тихихъ дней.

Пріютный домъ мой подъ соломой,
По мнѣ,—ни низокъ, ни высокъ;
Для дружбы есть въ немъ уголокъ;

А къ двери, знатнымъ не знакомой,
Забыла лѣнь прибить замокъ.

Горой отъ сѣвера закрытый,
На злачномъ холмѣ онъ стоитъ,
И въ рощи, въ дальній лугъ глядитъ;
А Псёлъ, предъ нимъ змѣей извитый,
Стремясь на мельницы, шумитъ.

Вблизи, любимый сынъ природы,
Обширный многосѣнный лѣсъ
Различныхъ купами древесъ,
Пріятной не тѣсня свободы,
Со всѣхъ сторонъ его обнесъ.

Предъ нимъ, въ прогалинѣ укромной,
Искусство, чтобъ польстить очамъ,
Пологость давъ крутымъ буграмъ,
Воздвигнуло на горкѣ скромной
Умѣренности скромный храмъ.

Умѣренность, о другъ небесный!
Будь вѣчно спутницей моей:
Ты къ счастію ведешь людей;
Но твой алтарь, не всѣмъ извѣстный,
Сокрытъ отъ черни, богачей.

Ты съ юныхъ дней меня учила
Честей и злата не искать;
Безъ крыльевъ—кверху не летать,
И въ свѣтломъ червячкѣ—свѣтила
На диво міру не казать.

Съ тобой, милѣйшимъ мнѣ на свѣтѣ,
Моимъ удѣломъ дорожу;
Съ тобой, куда ни погляжу,

Вездѣ и въ каждомъ здѣсь предметѣ
Я нову прелесть нахожу.

Сойду ль съ горы,—древесъ густою
Покрыты тѣнью теремокъ,
Сквозь наклоненный въ сводъ лѣсокъ,
Усталаго зоветъ къ покою
И смотрится въ кристальный токъ.

Тутъ вѣчно царствуетъ прохлада
И освѣжаетъ чувства, умъ;
А тихій, безумолкный шумъ
Стремительнаго водопада
Наводитъ сонъ средь сладкихъ думъ.

Тамъ двадцать вдругъ колесъ вертятся:
За кругомъ поспѣшаетъ кругъ;
Алмазы отъ блестящихъ дугъ,
Опалы, яхонты дождятся;
Подъ ними клубомъ бьетъ жемчугъ.

Такъ призракъ счастья движетъ страсти;
Кружится ими цѣлый свѣтъ.
Догадливъ, кто отъ нихъ уйдетъ:
Онѣ все давятъ, рвутъ на части,
Что имъ подъ жорновъ попадетъ.

Пойдемъ, пока не вечерѣетъ,
На ближній островъ отдохнуть;
Къ нему ведетъ покрытый путь,
Куда и солнца лучъ не смѣетъ
Сквозь темны листья проскользнуть.

Тамъ сяду я подъ берестъ мшистый,
Опершись на дебелой пень.
Увы! не долго, въ жаркій день,

Здѣсь будетъ верхъ его вѣтвистый
Мнѣ стлать гостепріимну тѣнь.

Ужъ онъ склонилъ чело на воду,
Подмывши брега крутизну;
Ужъ смотритъ въ мрачну глубину,
И скоро, въ бурну непогоду,
Вверхъ корнемъ ринется ко дну.

Такъ въ мірѣ времени струями
Все рушится, средь вѣчной при;
Такъ пали древни алтари;
Такъ, съ ихъ престольными столпами,
И царства пали и цари,

Но скорбну чтобъ разсѣять думу,
Отлогою стезей пойдемъ
На окруженный лѣсомъ холмъ,
Гдѣ отражаетъ тѣнь угрюму
Съ зенита яркимъ Фебъ лучомъ

Я вижу скромную равнину
Съ оградой пурпурныхъ кустовъ:
Тамъ Флора, нѣжна мать цвѣтовъ,
Разсыпала свою корзину,
Душистыхъ полную цвѣтовъ.

Тамъ далѣ, въ области Помоны,
Плоды деревья тяготятъ;
За ними Вакховъ вертоградъ,
Гдѣ, сока нектарнаго полны,
Янтарны гроздія блестятъ.

Но можно ль всѣ красы картины,
Всю прелесть ихъ изобразить?
Тамъ дальность съ небокругомъ слить,

Стадами тутъ устлавъ долины,
Златою жатвой опушить?

Нѣтъ, нѣтъ; оставимъ трудъ напрасный,
Ужъ солнце скрылось за горой;
Ужъ надъ ѳѳирной синевой,
Межъ тучъ сверкаютъ звѣзды ясны
И зыблются въ рѣкѣ волной.

Пора къ семейству возвратиться,
Подъ мой бесѣдочный наметъ,
Гдѣ, зря оно померкшій свѣтъ,
Ужъ скукой начало томиться
И моего возврата ждетъ.

Всхожу на холмъ;—луна златая
На легкомъ облакѣ всплыла,
И, верхъ текущаго стекла,
По голубымъ зыбямъ мелькая,
Блестящій столпъ свой провела.

О! какъ сіе мнѣ мѣсто мило,
Когда, во всей красѣ своей,
Приходитъ спутница ночей
Сливать съ мечтой души унылой
Воспоминанье свѣтлыхъ дней!

Вдали зрю смѣсь полянокъ чистыхъ
И рощъ, покрывшихъ горъ хребты,
Предъ мною нѣжныхъ розъ кусты,
А подъ навѣсомъ древъ вѣтвистыхъ,
Какъ мраморъ, бѣлые кресты.

Благоговѣнье!—молчалива,
Витійственна предметовъ рѣчь
Гласитъ:—„ты зришь своихъ предтечъ;

„Священна се Господня нива:
„Ты долженъ самъ на ней возлечь.—

„Такъ; здѣсь и прахъ отца почтенный
„И прахъ семи моихъ дѣтей
„Сырою я покрылъ землей;
„Близъ нихъ дерновый кругъ зеленый—
„Знакъ вѣчной храмины моей.

„Миръ вамъ, друзья!—вашъ другъ унылый
„Свиданья съ вами скоро ждетъ;
„Ужъ скоро!... Кто сюда придетъ,
„Надъ свѣжей, скромною могилой,
„Въ чертахъ сихъ жизнь мою прочтетъ:

„Капнистъ сей глыбою покрылся;
„Другъ Музъ, другъ родины онъ былъ:
„Отраду въ томъ лишь находилъ,
„Что ей, какъ могъ, служа, трудился,
„И только здѣсь онъ опочилъ".

21. Къ Меценату.

Переводъ оды Гораціевой.

Кн. III. Ода XVI.

Inclusam Donaen...

Когда боясь невинной дщери,
Ахризъ Данаю заточилъ
Въ темницу, гдѣ желѣзны двери
Затворомъ мѣднымъ укрѣпилъ.

Когда стрегущихъ денно-ночно
Къ вратамъ приставилъ чуткихъ псовъ;
Казалось, что ее онъ прочно
Отъ влюбчивыхъ берегъ воровъ:

Но Дій съ Венерою украдкой
Смѣялся, тщетность зря тревогъ;
И что вездѣ путь сыщетъ гладкой
Преобращенный въ злато Богъ.

Межъ воевъ злато протекаетъ;
Межъ стражей окружившихъ домъ;
Сквозь тверды камни проникаетъ,
Быстрѣе чѣмъ крылатый громъ.

Весь славный родъ Амфіарея
Алчбой корысти истребленъ.
Филиппъ, ключемъ златымъ владѣя,
Отверзъ врата твердѣйшихъ стѣнъ.

Дары подъ власть его попрали
Царей, стязующихся съ нимъ;
Дары сердца людей смягчали,
Разбоямъ вдавшихся морскимъ.

Съ богатствами растетъ къ нимъ жадность;
Заботы вновь онѣ родятъ.
Копить ихъ, возвышаться въ знатность,
Страшился я, о Меценатъ!

Чѣмъ больше мы себѣ откажемъ,
Тѣмъ больше боги намъ дадутъ;
Но быть своихъ сокровищъ стражемъ,
Безумнымъ лишь приличенъ трудъ.

И такъ богатыхъ оставляю,
И нагъ изъ табора сего
Ко стану тѣхъ перебѣгаю,
Что не желаютъ ничего.

Имѣньемъ малымъ я владѣя,
Скупца богаче, что возмогъ

Собрать всѣ жатвы Апулея:
При всемъ избыткѣ онъ убогъ.

Лѣсокъ тѣнистый, токъ прелестный,
И нива, наградивша трудъ,
Царю Ливіи неизвѣстный
Мнѣ жребій счастія даютъ.

Хотя съ полей Калабрскихъ пчелы
Сотовъ мнѣ не приносятъ въ даръ;
Въ Сицильскихъ вазахъ застарѣлый
Не крѣпнетъ Бахусовъ Нектаръ;

Хотя на Галлскихъ паствахъ тучны
Стада мнѣ волны не растятъ;
Однако съ нищетой докучны
Меня и нужды не тягчатъ.

Когда бъ не стало мнѣ стяжанья,
Ты бъ щедрою помогъ рукой:
Но сократя мои желанья,
Доходъ я увеличилъ мой;

И малымъ болѣ богатѣю,
Чѣмъ если бъ мѣръ алчбѣ не знавъ,
Съ Мигдоніей стяжалъ я всею
Пространство Крезовыхъ державъ.

Кто много требуетъ строптиво,
Тотъ въ многомъ недостатокъ зритъ.
Блаженъ, рукою бережливой
Кому довольство Богъ даритъ!

Но Дій съ Венерою украдкой
Смѣялся, тщетность зря тревогъ;
И что вездѣ путь сыщетъ гладкой
Преобращенный въ злато Богъ.

Межъ воевъ злато протекаетъ;
Межъ стражей окружившихъ домъ;
Сквозь тверды камни проникаетъ,
Быстрѣе чѣмъ крылатый громъ.

Весь славный родъ Амфіарея
Алчбой корысти истребленъ.
Филиппъ, ключемъ златымъ владѣя,
Отверзъ врата твердѣйшихъ стѣнъ.

Дары подъ власть его попрали
Царей, стязующихся съ нимъ;
Дары сердца людей смягчали,
Разбоямъ вдавшихся морскимъ.

Съ богатствами растетъ къ нимъ жадность;
Заботы вновь онѣ родятъ.
Копить ихъ, возвышаться въ знатность,
Страшился я, о Меценатъ!

Чѣмъ больше мы себѣ откажемъ,
Тѣмъ больше боги намъ дадутъ;
Но быть своихъ сокровищъ стражемъ,
Безумнымъ лишь приличенъ трудъ.

И такъ богатыхъ оставляю,
И нагъ изъ табора сего
Ко стану тѣхъ перебѣгаю,
Что не желаютъ ничего.

Имѣньемъ малымъ я владѣя,
Скупца богаче, что возмогъ

Собрать всѣ жатвы Апулея:
При всемъ избыткѣ онъ убогъ.

Лѣсокъ тѣнистый, токъ прелестный,
И нива, наградивша трудъ,
Царю Ливіи неизвѣстный
Мнѣ жребій счастія даютъ.

Хотя съ полей Калабрскихъ пчелы
Сотовъ мнѣ не приносятъ въ даръ;
Въ Сицильскихъ вазахъ застарѣлый
Не крѣпнетъ Бахусовъ Нектаръ;

Хотя на Галлскихъ паствахъ тучны
Стада мнѣ волны не растятъ;
Однако съ нищетой докучны
Меня и нужды не тягчатъ.

Когда бъ не стало мнѣ стяжанья,
Ты бъ щедрою помогъ рукой:
Но сократя мои желанья,
Доходъ я увеличилъ мой;

И малымъ болѣ богатѣю,
Чѣмъ если бъ мѣръ алчбѣ не знавъ,
Съ Мигдоніей стяжалъ я всею
Пространство Крезовыхъ державъ.

Кто много требуетъ строптиво,
Тотъ въ многомъ недостатокъ зритъ.
Блаженъ, рукою бережливой
Кому довольство Богъ даритъ!

---

*

IV. ПОСЛАНІЯ.

---

1. Батюшкову.

Скажи мнѣ, Батюшковъ любезный!
Дай дружбѣ искренній отвѣтъ:
Зачѣмъ не льстивый и полезный
Ты пренебрегъ ея совѣтъ?

Зачѣмъ великолѣпно Тасса
Рѣшился вновь похоронить,
Когда, средь Русскаго Парнасса,
Его ты могъ бы воскресить?

На то ль онъ краски безподобны
И кисть свою тебѣ вручилъ,
Чтобъ въ память ты его надгробный
Лишь кипарисъ изобразилъ?

Нѣтъ, нѣтъ;—признательнѣйшей дани
Онъ ждалъ за даръ свой:—онъ хотѣлъ,
Чтобъ прелести, любовь и брани,
На лирѣ ты его воспѣлъ.

Ты пѣлъ ужъ ихъ; и восхищенный,
Съ вершинъ Парнасса Тассъ внималъ,
Когда, самимъ имъ вдохновенный,
Его ты пѣсни повторялъ;

Когда на славномъ невскомъ брегѣ
Гремѣлъ его струнами ты,
И въ хладномъ сѣверѣ на снѣгѣ
Растилъ сорентскіе цвѣты.

Но ты замолкъ; и тщетно гласа
Знакомаго безсмертный ждетъ;
И тщетно ждемъ мы: лира Тасса
И звука ужъ не издаетъ.

Почто жъ замолкъ ты.—Дружбы пени
Прими безъ ропота, мой другъ!—
Почто, предавшись томной лѣни,
Парившій усыпилъ ты духъ?

Проснись; ударь по сладкогласнымъ
Струнамъ;—и славныхъ дѣлъ пѣвецъ
Съ Торкватовымъ вѣнцемъ прекраснымъ
Прекрасный свой сплетешь вѣнецъ.

2. Озерову Владиславу Александровичу.

Эдипа видѣлъ я,—и чувство сстраданья
Поднесь въ растроганной душѣ моей хранитъ
Гонимаго слѣпца прискорбный, томный видъ,
Еще мнѣ слышатся несчастнаго стенанья,
И жалобы его, и грозный клятвы гласъ,
Что ужасомъ мой духъ встревоженный потрясъ,
Еще въ ушахъ моихъ печальной Антигоны
Унылый длится вопль и раздаются стоны.
Трикраты солнца лучъ скрывала мрачна ночь,
А я все зрю еще, какъ нѣжну, скорбну дочь
Дрожащею рукой отецъ благословляетъ,
И небо, кажется, надъ нею преклоняетъ.
Благодарю тебя, чувствительный пѣвецъ!
Въ душѣ твоей сыскавъ волшебный ключъ сердецъ
И жалость возбудя къ четѣ, гонимой рокомъ,

Ты далъ почувствовать отраднымъ слезъ потокомъ,
Который изъ очей всѣхъ зрителей извлекъ,
Что къ сердцу близокъ намъ несчастный человѣкъ,
О! какъ искусно ты умѣлъ страстей движенье
Въ изгибахъ душъ открыть и взору показать:
Тамъ горестна отца въ невольномъ преступленьи,
Тутъ сына злобнаго раскаяньемъ терзать;
Велику душу здѣсь, тамъ мщенья духъ кичливый;
Отъ гнѣва къ жалости стремительны порывы
Нѣжнѣйшей дочери уныніе явить
И въ души наши всѣ ихъ чувства перелить.
Теки жъ, любимецъ музъ!—во храмѣ Мельпомены,
Къ которому взошелъ по скользкой ты горѣ,
Неувядаемый, рукой ея сплетенный,
Лавровый ждетъ тебя вѣнокъ на алтарѣ—
Теки, и призря ядъ зоиловъ злоязычныхъ,
Въ опасномъ поприщѣ ты бѣгъ свой простирай;
Внемли плесканью рукъ, и ввѣкъ не забывай,
Что зависть спутница однихъ даровъ отличныхъ;
Что яркимъ озаренъ сіяніемъ предметъ
Мрачнѣйшу за собой на землю тѣнь кладетъ.

V. САТИРА

ПЕРВАЯ и ПОСЛѢДНЯЯ *).

Кто сколько ни сердись, а я начну браниться;
Съ бездѣльствомъ, съ глупостью людской мнѣ не ужиться:
Вездѣ предерзостный безпутство кажетъ видъ;
Безчестіе въ чести, изъ моды вышелъ стыдъ.
Почти съ кѣмъ ни сойдусь, съ кѣмъ рѣчь ни начинаю—
Или невѣжество, или порокъ встрѣчаю
Куда ни кинь, такъ клинъ: тотъ честенъ, такъ глупецъ;
Другой уменъ, такъ плутъ, ханжа, обманщикъ, льстецъ;
И словомъ, въ свѣтѣ семъ такъ рѣдки Аристиды,
Какъ гладкіе стихи въ творцѣ Телемахиды.
    Въ приказѣ нѣкогда расправы я искалъ,
Въ которомъ *Безтолковъ* судьею засѣдалъ.
Безспорно, *Безтолковъ* былъ честенъ, благороденъ.
Ни правыхъ обвинить, ни взятки брать не сроденъ;
Былъ добрый человѣкъ и мнѣ служить хотѣлъ,
Но сдѣлать мнѣ добра, къ несчастью, не умѣлъ.

---

*) Она напечатана была въ Вѣстникѣ въ Іюнѣ мѣсяцѣ, подъ заглавіемъ *Сатира первая.*—Но какъ сочинитель примѣтилъ, что злословіе относило къ лицамъ изображаемые въ ней пороки вообще, то перестал писать сатиры и напечаталъ сію въ Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова подъ нынѣшнимъ ея заглавіемъ. Смотри Соб. Люб. Рос. Слова, Часть V.

Жена его умна и мнѣ бъ помочь умѣла,
Но я былъ не по ней: могла, да не хотѣла.
Что жъ дѣлать! искони таковъ уже сей свѣтъ:
Не глупость, такъ порокъ въ немъ первенство беретъ.
Надутовъ въ знать вошелъ,—такъ всѣхъ пренебрегаетъ,
Завистовъ чиномъ малъ,—такъ знатныхъ презираетъ
И хочетъ предпріявъ ни чьихъ заслугъ не чтить,
Иль всѣмъ равнять себя, иль всѣхъ съ собой сравнить.
Казну обворовавъ, обворовавъ сосѣдовъ,
И воромъ на судѣ изобличенный *Вредовъ*,
По милости людей, которыхъ обокралъ,
Избавился столба и ссылки миновалъ;
Теперь боярамъ братъ, деревни покупаетъ
И тѣхъ каретою своею въ грязь толкаетъ,
Которыхъ по-миру таскаться онъ пустилъ.
А я, чтобъ я такихъ уродовъ не журилъ?
Чтобъ, видя глупости однихъ, другихъ пороки,
Я сталъ молчать? нѣтъ, нѣтъ; скорѣй, отсроча сроки,
Не станетъ ростовщикъ на росты росты драть,
Скорѣй подъячіе не станутъ взятки брать,
Скорѣй по-людски жить и мыслить *Чудновъ* станетъ,
Чѣмъ правдой мой языкъ ихъ уличать устанетъ.

Послушай каждаго: увѣритъ и *Ролетъ*,
Что совѣсти своей въ наемъ не отдаетъ,
И правосудіемъ онъ торговать не смѣетъ;
Вредить, обманывать, лукавить не умѣетъ;
Хоть доброй славой нищь, да честностью богатъ,
И словомъ, вѣрь ему: онъ нашихъ дней Сократъ.
Но сколько тягостно быть честнымъ, каждой знаетъ:
Долгъ добродѣтели насъ часто принуждаетъ,
Корысть свою забывъ, пожертвовать другимъ
Покоемъ, временемъ, имѣніемъ своимъ,
Что часто намъ самимъ напасть иль вредъ наводитъ;
Такъ вѣрныхъ въ томъ иной разсчетовъ не находитъ;

Но чтобъ другимъ своихъ пороковъ не казать,
За добродѣтель ихъ умѣетъ выдавать.
И всѣ на свѣтѣ семъ, какъ въ вольномъ Маскерадѣ,
Не въ обычайномъ имъ, не въ свойственномъ нарядѣ,
Закрывшись масками, подложный кажутъ видъ,
Пока еще не весь въ нихъ истребился стыдъ.

„Ахъ! здравствуй, душенька! ну! какъ ты поживаешь?
„Я такъ тебя люблю; а ты насъ покидаешь!
„Да что-то грустенъ ты? скажи, любезной другъ,
„Скажи мнѣ, что могу я для твоихъ услугъ?
„Я всѣмъ готовъ... Постой, твой кошелекъ въ кончинѣ,
„Я ѣду выиграть, такъ если въ половинѣ
„Ты хочешь быть со мной, то я тебѣ божусь,
„Что сотнею, другой, съ тобою подѣлюсь".
Вотъ такъ *Щечиловъ* мнѣ усердно предлагаетъ,
Обворовать меня онъ дружески желаетъ,
Затѣмъ меня игрой продать другимъ плутамъ,
Чтобъ съ ними раздѣлить мой вексель пополамъ.
Учености надѣвъ личину дерзновенно,
Самхваловъ хочетъ всѣхъ насильно, неотмѣнно
Увѣрить о своемъ и знаньи и цѣнѣ;
Онъ качества свои хваля наединѣ,
Упорно въ томъ себя нерѣдко увѣряетъ,
Что онъ и то, о чемъ въ свой вѣкъ не слышалъ, знаетъ;
Но пухлымъ слогомъ вздоръ стараясь заглушить,
Принудилъ дураковъ себя премудрымъ чтить.
Піитомъ *Чудновъ* быть, взявъ на себя обузу,
Неволею свою летать заставя Музу,
Свой мелкомысленный славенско-русской бредъ
За образецъ ума и вкуса выдаетъ;
Но онъ бы съ *Мевіемъ* современемъ сравнялся,
За пышной мыслію когда бы не гонялся
И не старался бы, желая вверхъ парить,
Въ стихахъ своихъ луну зубами ухватить.

Ну что жъ? пускай его никто не понимаетъ;
Читатель ничего, иль мало въ томъ теряетъ;
Его несносный бредъ, прельщающій глупца,
Не столько пагубенъ, какъ сладка рѣчь льстеца.
Злохватъ бѣжитъ ко мнѣ, прижавъ къ груди, цѣлуетъ
И благодѣтелемъ и другомъ именуетъ;
Клянется, что онъ всѣмъ пожертвовать мнѣ радъ.
И клятвами остритъ коварной злобы ядъ;
Онъ рвется, мучится, отчаяньемъ мятется,
Пока конца моей напасти не дождется.
Драчъ совѣсть выдаетъ свою за образецъ;
А *Драчъ* такъ истцовъ дралъ, какъ алчный волкъ овецъ;
Онъ былъ моимъ судьей и другомъ быть мнѣ клялся,
Я взятки дать ему, не знавъ его, боялся;
Соперникъ мой, его и зналъ и самъ былъ плутъ,
Разграбя весь мой домъ, позвалъ меня на судъ.
Напрасно бралъ себѣ законъ я въ оборону:
Драчъ правдой покривить умѣлъ и по закону;
Тогда пословица со мной сбылася та,
Что хуже воровства честная простота;
Меня жъ разграбили, меня жъ и обвинили
И вору заплатить безчестье осудили.
Я не окончилъ бы, когда бъ хотѣлъ я счесть
Пути, которыми людей проводитъ лесть.
Сей труситъ предо мной, а за глаза поноситъ;
Тотъ друга моего затѣмъ лишь имя носитъ,
Чтобъ какъ при случаѣ меня обворовать;
Другой затѣмъ, что я могу ему достать
Тотъ чинъ, котораго добиться онъ желаетъ;
Иной министръ меня лишь для того ласкаетъ,
Что въ немъ дѣла мои и разумъ почтены;
Другой не для того, но для моей жены.
Тотъ отъ меня занять, тотъ поживиться хочетъ,
И всякъ на счетъ чужой лишь про себя хлопочетъ.
Теперь не такъ ужъ глупъ, какъ въ старину былъ свѣтъ;

Предубѣжденія и нравы древнихъ лѣтъ
Изъ моды вывелись, равно какъ ихъ наряды;
Другъ другу услужить, помочь другъ другу рады
Бывало праотцы теперешнихъ отцовъ
(Съ свѣчою поискать теперь такихъ глупцовъ).
Во всѣ сердца уже проникло просвѣщенье:
Въ томъ славу полагать, въ чемъ было поношенье,
Безчестье и порокъ согнать съ лица земли;
Быть правыми во всемъ, два средства мы нашли:
Одно—людской молвы себя превыше ставить;
Другое—всяко зло въ хороши толки плавить.
Тотъ всѣми по дѣламъ бездѣльникомъ почтенъ,
Напрасно, говоритъ, я свѣтомъ осужденъ;
Молву людскую я и толки презираю;
Довольно, что я самъ себя честнымъ считаю.
Отъ общепринятыхъ тотъ правилъ отступивъ
И философіи свой разумъ посвятивъ,
Отечествомъ своимъ вселенну всю считаетъ,
А порознь каждаго щетитъ и обираетъ.
Хотя уже теперь рачительной рукой
Возстановя въ Своемъ владѣніи покой,
Екатерина путь къ нестройствамъ заградила,
Злодѣямъ судъ творя, злу жало притупила,
Даетъ намъ способы другъ другу помогать
И цѣну каждаго достоинствъ отличать:
Со всѣмъ тѣмъ, сколь *Она* о благѣ ни печется,
Злодѣйство рушится, а глупость остается.
Монархиня легко могла попрать Луну,
Монарховъ примирить, искоренить войну,
И легче бъ силою вселенну покорила,
Чѣмъ изъ числа людей глупцовъ искоренила.
Она науками Россіи жизнь даетъ
И, воспитаніемъ распространяя свѣтъ,
Подъ сѣнію Своей художества покоитъ;
Искусству, разуму, покровы, храмы строитъ,

И мракъ невѣжества, и хищность—корень зла,
Изъ всѣхъ подвластныхъ *Ей* предѣловъ прогнала;
Счастливитъ насъ, хранитъ, покоитъ, просвѣщаетъ;
Но глупости ничто никакъ не истребляетъ.
Науки возраслп, художества цвѣтутъ,
Родятся авторы, а глупость тутъ-какъ-тутъ.

Какъ въ нивѣ, многими удобренный трудами,
Проникнувъ, плевелы промежду колосами,
Неспѣлой повредя, глушатъ созрѣлый плодъ:
Такъ вольной въ свѣтъ себѣ глупцы позволя входъ,
Не бывъ посѣяны, растутъ и созрѣваютъ,
Даютъ худой примѣръ и знанья затмеваютъ.
Иные, чтобъ себя предъ свѣтомъ отличить,
Усердіемъ своимъ стремятся помрачить
Дѣла Монархини, воспѣвъ ихъ недостойно
Нелѣпымъ голосомъ и низко и нестройно.
Я самъ моложе бывъ, ихъ смѣлостью польщенъ,
И дерзкимъ сдѣлаться примѣромъ поощренъ,
Желая помѣстить себя въ ихъ вздорномъ ликѣ,
Стихами слабыми и на чужомъ языкѣ
Екатеринины пѣлъ славныя дѣла *);
Тогда какъ ихъ уже давно перевела
Не на одинъ, на всѣ земныхъ племенъ языки
Молва, гласящая царей дѣла велики.
И такъ, безъ воли Музъ я славить то желалъ,
О чемъ весь свѣтъ гремѣтъ насилу успѣвалъ.

О! если бы тогда какой наставникъ строгій
Внушилъ мнѣ, сколько духъ и разумъ мой убогій

---

*) Подъ сими словами сочинитель разумѣетъ преглупую свою французскую оду, на случай мира между Россіею и Оттоманскою Портою сочиненную. Она была сперва особенно напечатана 1775 года, потомъ въ 1780 г. въ Августѣ мѣсяцѣ Санктпетербургскаго Вѣстника, — а писана сочинителемъ на 17 году его возраста, чего однако жъ онъ ни себѣ, ни глупому своему произведенію въ извиненіе не ставитъ. Сія послѣдняя оговорка простирается и на прочія сочинителевы французскія оды.

Къ прославленію великихъ дѣлъ *Ея;*
Что всуе гласъ крѣпить усердьемъ тщился я;
Что мнѣ *Ея* дѣла и Имя въ свѣтѣ славить
Такъ кстати, какъ бы горсть воды въ Неву прибавить:
О, сколько бъ я его теперь благодарилъ!
Онъ изъ числа глупцовъ меня бы искупилъ.

Но если бъ вздумало правленіе уставомъ
Глупцовъ принудить быть всегда въ разсудкѣ здравомъ,
То, вѣрно бъ, я и весь ослиной ихъ соборъ
Совсѣмъ сошли съ ума, ему на перекоръ.

Законъ преграда злымъ, спокойство утверждаетъ,
Отъ сильнаго руки, безсильныхъ защищаетъ;
Злодѣйство можетъ онъ карать, искоренить,
Но глупостей людскихъ не въ силахъ истребить.

Такъ что жъ? не должно ли изыскивать стараться,
Чѣмъ съ глупостью глупцовъ принудить бы разстаться,
Піитовъ научить безъ смысла не гремѣть,
И вѣру теплую къ разсудку возымѣть?

Но можно ли какимъ спасительнымъ закономъ
Принудить *Мевія* мириться съ Аполлономъ,
Не ставить на подрядъ за деньги гнусныхъ одъ,
И рыломъ не мутить кастальскихъ чистыхъ водъ.

Толпа несмысленныхъ и мерзкихъ риѳмотворцовъ,
Слагателей вранья и сущихъ умоборцовъ *),
Со всѣмъ семействомъ ихъ, не убоясь судовъ,
Напутавъ кое-какъ и прозы и стиховъ,
Въ свѣтъ могутъ ихъ пустить безъ пошлинъ, безъ окладу,
Уму, читателямъ и Музамъ на досаду.

Злодѣямъ казнь грозитъ и строгости суда;
Презрѣніе и стыдъ бездѣльникамъ—узда;
А дѣлать глупости всякъ можетъ безъ препоны.

---

*) Въ Первой Сатирѣ на мѣсто сихъ стиховъ напечатаны были слѣдующіе.

Когда жъ духовные и свѣтскіе законы,
Не могутъ правами власть глупости унять,
Такъ что жъ осталося?—ей зеркало казать,
Въ которое взглянувъ, себя бы устыдилась.
Сатира, кажется, на то лишь и родилась,
Чтобъ въ лицахъ съ глупостью порокъ изображать
И корень ихъ и власть во нравахъ истреблять,
Колючей шуткой умъ и сердце исправляя.
И такъ, когда глупцы, стихи сіи читая,
Похожими себя въ иныхъ мѣстахъ найдутъ,
Да не винятъ меня за безпристрастный судъ:
Я правдою внушенъ, пишу ея уставы.
Глупцы, бездѣльники, свои испортя нравы,
Не должны на меня за то одно возстать,
Что я пороки ихъ старался исправлять;
Я имъ добра желалъ; а если и возстанутъ
И, разсердясь, меня ругать за правду станутъ
То, презря съ твердостью неправедный ихъ гнѣвъ
И снисхожденіемъ ихъ буйство одолѣвъ,
За наглую ихъ брань не стану я сердиться;
Я не съ людьми хочу, съ пороками браниться.

VI. ЭПИГРАММЫ И НАДПИСИ.

I.

На переводъ мой комедіи Моліеровой Сганарева, или мнимаго рогоносца.

Никто не могъ узнать изъ цѣлаго партера,
Кто въ *Сганаревѣ* смѣлъ такъ осрамить *Мольера;*
Но общій и согласный свистъ
Всѣмъ показалъ, что то *Капнистъ*.

II.

Сказавшему обо мнѣ: въ семьѣ не безъ урода.

Не грубостью твоей меня ты огорчаешь,
Но ласки, *Стиховралъ*, несносны мнѣ твои:
За что меня въ твое семейство ты вмѣщаешь!
Ну, пусть я и уродъ, да не твоей семьи.
Недавно вздумалось *Героду*
Въ двѣ строфы сдѣлать оду,
И только лишь о томъ
Геродъ нашъ суетится,
Чтобы своимъ ее наполнить всю умомъ;
Посѣтуйте о немъ:
Бѣдняжка разорится!
Напрасно *Стихобредъ* сказалъ,
Что братомъ ужъ давно осла я почиталъ:

Я право побожуся,
Что въ жизнь осла и не видалъ,
А въ правдѣ сей пошлюся
На *Стихобрдеа* самого:
Пускай онъ скажетъ самъ, гдѣ видѣлъ я его?

III.

На представленіе трагедіи „Антигона“.

Любезну Антигону,
Которой прелестьми насъ Озеровъ плѣнилъ,
Капнистъ, чтобъ угодить Креону,
Въ трагедіи своей—убилъ!

IV.

Примѣненіе къ трагедіи Антигонѣ извѣстной эпиграммы на переводъ Мольеровой комедіи Сганарева.

Хотя бъ никто не зналъ изъ цѣлаго партера,
Кѣмъ въ Антигонѣ намъ
Представлена въ урокъ лирическимъ пѣвцамъ
Одна холодная, трагическа химера,
То бъ общій и согласный свистъ
Всѣмъ доказалъ, что то Капнистъ.

—

Клитъ все печатаетъ—и все, какъ мыслитъ, кстати;
А не увидитъ ввѣкъ того,
Что лишь невѣжества его
Печать выходитъ изъ печати.

—

Капниста я прочелъ, и сердцемъ сокрушился
Зачѣмъ читать учился

—

НАДПИСИ.

Седмь знатныхъ городовъ Европы и Ассіи
Стязались, кто изъ нихъ Омира въ свѣтъ родилъ?
Кастровъ ихъ споръ рѣшилъ:
Въ стихахъ своихъ Россіи
Отца стиховъ усыновилъ.

На переводъ Анакреонта, приписанный Маріи Алексѣевнѣ Львовой.

Зачѣмъ, какъ мотылёкъ,
Съ цвѣточка на цвѣтокъ,
Анакреонтъ безпечно
Весь вѣкъ свой пролеталъ?

Такой, какъ ты, конечно,
Онъ розы не сыскалъ.

Отецъ мой здѣсь лежитъ: пришлецъ! остановися
И помолися,
Чтобъ Богомъ такъ любимъ онъ былъ,
Какъ ближнихъ онъ любилъ!

Титовой прахъ въ могилѣ хладной сей,
Чувствительну красу, пріятность съ добротою
Посѣкла смерть косою,
Прервавши нѣжну нить ея цвѣтущихъ дней.
Любовь! вздохни о ней.

На новый бюстъ Его Императорскаго Величества, поставленный въ залѣ Благороднаго Собранія въ Москвѣ *).

Кого изъ Кесарей, дворянство, въ древней тогѣ
Ты образъ вознесло забавъ твоихъ въ чертогѣ?
„Се Августъ счастіемъ, побѣдами Траянъ,
А сердцемъ Титъ!“ отвѣтъ раздался Россіянъ.

—

Державинъ умеръ, слухъ идетъ,
И всѣ молвѣ сей довѣряютъ,
Но тутъ и тѣни правды нѣтъ:
Безсмертные не умираютъ!

Объяснительныя статьи.

1. Василій Васильевичъ Капнистъ.

Біографическій очеркъ. (Изъ ст. В. И. Саитова).

Василій Васильевичъ Капнистъ, сынъ бригадира Василія Петровича Капниста отъ второго брака его съ Софьей Андреевной Дуниной-Борковскою, родился въ 1757 году въ Миргородскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, въ селѣ Обуховкѣ, которое, вмѣстѣ съ другими деревнями, было пожаловано въ 1743 году императрицею Елизаветою отцу поэта за военную службу. Капнисты ведутъ свой родъ отъ венеціанскаго графа Стомателло Капнисси, внукъ котораго выѣхалъ въ Россію съ острова Занта (А. М. Лазаревскій. Очерки малороссійскихъ фамилій—Русскій Арх. 1876 г., кн. III, стр. 437—438). О

*) Въ семъ бюстѣ Государь Императоръ представленъ, по образу древнихъ, съ обнаженною шеею и въ тогѣ. Первый взглядъ издали приводитъ въ заблужденіе, пресе.іяя въ древность—не смотря на чрезвычайное сходство, которымъ уже вблизи разрѣшается недоумѣніе.

дѣтствѣ В. В. Капниста мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Первоначальное образованіе онъ получилъ, вѣроятно, подъ наблюденіемъ матери. Въ 1771 г., по 15-му году, онъ уже находился въ Петербургѣ, посѣщалъ школу Измайловскаго полка и началъ въ немъ службу капраломъ; въ томъ же году онъ былъ произведенъ въ подпрапорщики и въ фурьеры, а въ началѣ слѣдующаго года перешелъ сержантомъ въ Преображенскій полкъ и здѣсь въ 1775 году пріобрѣлъ первый офицерскій чинъ. Въ это время онъ посвящалъ всѣ свободные часы наукамъ: знакомился съ языками французскимъ и нѣмецкимъ, съ древними и новѣйшими классиками и не пренебрегалъ отечественными писателями: Ломоносовымъ, Петровымъ, Сумароковымъ. Вскорѣ послѣ производства Капнистъ вышелъ въ отставку съ чиномъ подпоручика гвардіи. Въ началѣ 1782 г. онъ былъ избранъ въ предводители дворянства Миргородскаго уѣзда Кіевскаго намѣстничества, но въ августѣ того же года поступилъ подъ начальство князя А. А. Безбородка, получивъ должность контролера главнаго почтоваго правленія; затѣмъ однако въ маѣ 1783 г. онъ бросилъ и эту службу и уѣхалъ на родину, гдѣ въ январѣ 1785 года былъ избранъ кіевскимъ дворянствомъ въ губернскіе предводители. Въ 1787 году Капнистъ получилъ чинъ надворнаго совѣтника и былъ назначенъ главнымъ надзирателемъ Кіевскаго шелковичнаго завода. (Сочиненія Державина, 1-е акад. изд., т. VIII, стр. 278). Въ 1797 году Капнистъ, находясь уже въ отставкѣ, пріѣзжалъ въ Петербургъ по тяжебному дѣлу съ своимъ сосѣдомъ Тарновскимъ. Въ это время состоялось Высочайшее повелѣніе о высылкѣ изъ столицы всѣхъ неслужащихъ дворянъ; тогда Капнистъ, чтобъ имѣть возможность продлить свое пребываніе въ столицѣ, обратился къ А. А. Нарышкину съ просьбой о доставленіи ему службы. (Сочиненія Державина, т. II, стр. 106). 31-го декабря 1799 г. онъ, съ чиномъ коллежскаго совѣтника, былъ причисленъ къ театральной дирекціи и получилъ въ завѣдываніе русскую труппу. Въ это время русскій театръ въ Петербургѣ былъ въ

упадкѣ, и въ публикѣ замѣчалось явное охлажденіе къ нему; напротивъ, французская труппа обращала на себя общее вниманіе. Капнистъ употреблялъ всѣ усилія, чтобъ оживить русскую сцену, и съ этою цѣлію вызвалъ изъ Москвы извѣстныхъ артистовъ—Шушерина, Сахарова и Пономарева (П. Н. Араповъ, Лѣтопись русскаго театра, стр. 138, 143). Капнистъ состоялъ при театральной дирекціи по 14-е августа 1801 г. и при увольненіи былъ награжденъ чиномъ статскаго совѣтника. Въ 1802 году онъ былъ утвержденъ генеральнымъ судьею 1-го департамента Полтавскаго генеральнаго суда, а затѣмъ, съ 24-го марта 1812 г. по 19-е февраля 1818 г., числился при департаментѣ народнаго просвѣщенія. Осенью 1819 г. Василій Васильевичъ посѣтилъ Тавриду и, возвратясь въ Обуховку, отправилъ 20-го декабря къ князю А. Н. Голицыну письмо, въ которомъ обратилъ его вниманіе на необходимость принять мѣры къ охраненію Крымскихъ древностей отъ разрушенія и истребленія, а также на необходимость ученаго изслѣдованія Крыма и Тамани. Вслѣдствіе этого представленія, доведеннаго княземъ Голицынымъ до свѣдѣнія императора Александра, въ 1821 году академикъ Кёлеръ и архитекторъ Паскаль были отправлены въ Крымъ для ученыхъ изысканій. Въ 1822 г. Капнистъ былъ избранъ Полтавскимъ дворянствомъ въ губернскіе предводители, а 28-го октября 1823 г. онъ скончался въ своей любимой Обуховкѣ, гдѣ и погребенъ.

Какъ писатель, Капнистъ принадлежалъ къ тому литературному кружку, душою котораго былъ извѣстной знатокъ искусствъ и литературы Н. А. Львовъ, и наиболѣе видными представителями — Хемницеръ, Богдановичъ, Державинъ и отчасти Оленинъ. Со всѣми ими Капнистъ находился въ болѣе или менѣе дружескихъ отношеніяхъ, но особенно близки къ нему были Львовъ и Державинъ. Знакомство со Львовымъ относится еще ко времени пребыванія Капниста въ Измайловскомъ полку, гдѣ оба они посѣщали полковую школу, находившуюся подъ особеннымъ покровительствомъ А. И.

Бибикова, который, по словамъ Державина, „былъ охотникомъ до наукъ, особливо до стихотворства“ (соч. Державина, т. I, 18; т. II, 105). Впослѣдствіи Львовъ содѣйствовалъ Капнисту въ поступленіи на службу къ Безбородку. Кромѣ дружбы, ихъ связывали и семейныя отношенія: Капнистъ женился на Александрѣ Алексѣевнѣ Дьяковой, а Львовъ—на ея сестрѣ Марьѣ Алексѣевнѣ. Чрезъ Львова Капнистъ познакомился и съ Хемницеромъ, въ литературной дѣятельности котораго принималъ большое участіе. Капнистъ оказалъ несомнѣнное вліяніе на Хемницера, который въ своихъ ненапечатанныхъ сатирахъ и нѣкоторыхъ басняхъ является его подражателемъ. (Сочиненія и письма Хемницера. Спб. 1873, стр. 29, 30, 33). Въ 1799 году Капнистъ и Львовъ, съ участіемъ Оленина, издали басни уже умершаго Хемницера, при чемъ употребили большое стараніе на исправленіе и даже передѣлку многихъ изъ нихъ (ibid., стр. 215—216). Съ переходомъ Капниста въ Преображенскій полкъ начинается сближеніе его съ Державинымъ, который съ 1795 года также дѣлается свойкомъ его и Львова, женившись на Дарьѣ Алексѣевнѣ Дьяковой (соч. Державина, т. II, 105). Литературныя занятія способствовали ихъ сближенію, не смотря на то, что Державинъ былъ 13-ю годами старше Капниста. Собственно черезъ Капниста Державинъ и сошелся съ Львовымъ и Хемницеромъ (ibid., т. VIII, 277, 281). Подъ вліяніемъ этихъ-то лицъ совершился поворотъ Державина къ самостоятельному творчеству, начало котораго онъ самъ относитъ къ 1779 году (ibid., т. VI, 443). Державинъ очень дорожилъ совѣтами своихъ друзей въ литературныхъ дѣлахъ. Они усердно занимались просмотромъ его сочиненій, дѣлали въ нихъ поправки, переводили для него произведенія древнихъ классиковъ, даже составляли виньетки. Подробный обзоръ ихъ дѣятельности въ этомъ отношеніи представленъ Я. К. Гротомъ въ академическомъ изданіи сочиненій Державина. Что касается Капниста, то онъ обращалъ большое вниманіе на чистоту слога. Въ рукописной тетради Державина, отно-

сящейся къ 1790-ымъ годамъ, сохранилось слѣдующее двустишіе, подъ заглавіемъ „Цыдулка автору“:

Писанья ты свои прилежно вычищай:
Вѣдь изъ чистилища приходятъ уже въ рай.

Въ примѣчаніи къ двустишію сказано: „Переводъ съ французскаго, на которомъ сію эпиграмму сочинилъ г. Капнистъ въ отвѣтъ на посланные мои стихи“. (Сочиненія Державина, т. III, 485). Капнистъ значительно превосходилъ Державина въ образованіи и знаніи иностранныхъ языковъ, изъ которыхъ французскимъ владѣлъ вполнѣ свободно, нѣмецкій языкъ былъ также ему не чуждъ, что между прочимъ, видно изъ письма его къ А. А. Прокоповичу-Антонскому (Сочиненія Капниста. Спб. 1849, стр. 628). Изъ древнихъ языковъ онъ зналъ только латинскій, на которомъ могъ свободно читать, греческаго же, по собственному признанію, вовсе не зналъ (ibid., стр. 606).

Въ домѣ Державина Капнистъ познакомился съ И. И. Дмитріевымъ. Послѣдній въ своихъ запискахъ говоритъ о немъ слѣдующее; „Онъ по нѣскольку мѣсяцевъ проживалъ въ Петербургѣ, пріѣзжавъ изъ Малороссіи, его отчизны, и веселымъ остроуміемъ, вопреки меланхолическому тону стиховъ своихъ, оживлялъ нашу бесѣду“ (Взглядъ на мою жизнь. М. 1866, стр. 61). Д. Н. Бантышъ-Каменскій, лично знавшій Капниста, указываетъ на живость и остроуміе, какъ на отличительныя черты его характера (Словарь, стр. 87—88). У Державина же или у Львова Капнистъ познакомился и съ А. В. Храповицкимъ, который въ 1793 году написалъ къ нему посланіе, начинающееся слѣдующими строками:

Умъ пылокъ у тебя, пріятенъ слогъ и чистъ,
Зачѣмъ не пишешь ты, любезный мой Капнистъ?

Посланіе это (напечатанное Н. Вс. Сушковымъ, но съ пропусками, въ Раутѣ, кн. III, М. 1854, стр. 145—147, подъ заглавіемъ: „Письмо къ другу“) заключаетъ въ себѣ

немало сатирическихъ намековъ на современниковъ. Въ той же книжкѣ Раута, стр. 247, напечатанъ экспромтъ Капниста къ Мих. Вас. Храповицкому, съ помѣтой: 1808 года, марта 5 дня.

Съ начала прошлаго столѣтія, Капнистъ примыкаетъ къ литературному кружку А. Н. Оленина, въ домѣ котораго и познакомился съ нимъ Батюшковъ. Изъ друзей Оленинскаго дома Капнистъ находился въ довольно близкихъ отношеніяхъ съ Гнѣдичемъ, и первый подалъ ему мысль продолжать переводъ „Иліады", ободряя „осмотрительную скромность при начальныхъ опытахъ въ семъ многотрудномъ, но блистательномъ поприщѣ" (Сочиненія Капниста, стр. 602). Ихъ сближало другъ съ другомъ и малороссійское происхожденіе. Гнѣдичъ изъ Петербурга переписывался съ Капнистомъ, жившимъ въ Малороссіи. Два письма Гнѣдича къ нему, отъ 1811 года, напечатаны въ II-мъ томѣ 1-го акад. изданія сочиненій Державина, стр. 374—376. Въ іюнѣ 1810 г., какъ видно изъ этихъ писемъ, Гнѣдичъ посѣтилъ Обуховку (ср. письмо Батюшкова къ Гнѣдичу отъ 30-го сентября 1810 г., т. III, стр. 101).

Первымъ литературнымъ произведеніемъ Капниста была „Ode à l'occassion de la paix conclue entre la Russie et la Porte Ottomane à Kaynardgi le 10 juillet, anno 1774". Ода эта была напечатана отдѣльно въ 1775 году, а въ 1780 г. появилась вторично въ августовской книжкѣ С.-Петербургскаго Вѣстника. Самъ авторъ называлъ ее впослѣдствіи „преглупою французскою одою, писанною сочинителемъ на 17-мъ году его возраста, что однакожъ онъ ни себѣ, ни глупому своему произведенію въ извиненіе не ставитъ" (Сочиненія В. П. Капниста, изд. 1796 г., стр. 58—59). Въ бумагахъ Державина сохранился подстрочный переводъ этой Оды на русскій языкъ, писанный попеременно то его рукою, то рукою Капниста (Сочиненія Державина, т. I, стр. 716). Объ этой одѣ авторъ упоминаетъ и въ своей извѣстной „Сатирѣ

первой“, которая напечатана въ іюньской книжкѣ С.-Петербургскаго Вѣстника за 1780 г.:

Стихами слабыми и на чужомъ языкѣ
Екатеринины пѣлъ славныя дѣла.

Сатира Капниста заключала въ себѣ, между прочимъ, рѣзкія сужденія о современной литературѣ и нѣкоторыхъ ея представителяхъ, фамиліи которыхъ ясно указаны авторомъ въ очень прозрачной передѣлкѣ. „Сатира первая“ доставила автору извѣстность, но возбудила собою полемику. Въ сентябрьской книжкѣ С.-Петербургскаго Вѣстника появилось „Письмо къ г. К., сочинителю „Сатиры первой“, въ которомъ неизвѣстный авторъ является защитникомъ осмѣянныхъ писателей, называетъ Капниста глупцомъ и дерзкимъ ругателемъ и въ заключеніе говоритъ: „О слогѣ вашей сатиры, не упоминая о многихъ слабыхъ и низкихъ мѣстахъ, скажу только то, что и въ самомъ началѣ оныя, гдѣ, кажется, вы старались, собравъ всѣ силы вашего разума, ополчиться на пороки, нѣтъ ни одного стиха, который бы не былъ повтореніемъ того, что другіе писатели прежде васъ написали...“ Затѣмъ приводятся цитаты изъ Буало, Фонъ-Визина и Сумарокова, указывающія на заимствованія Капниста. Редакція С.-Петербургскаго Вѣстника помѣстила это, по ея выраженію, „полное письмо“, исполняя требованіе незнакомаго сочинителя, но съ „нѣкоторыми общими примѣчаніями“ отъ себя, и въ нихъ включила басню, гдѣ подъ искуснымъ художникомъ разумѣется Капнистъ, а подъ завистью—его критикъ. Впослѣдствіи Капнистъ передѣлалъ свою сатиру и напечаталъ ее въ V-й части Собесѣдника любителей русскаго слова, подъ заглавіемъ: „Сатира первая и послѣдняя“. Въ этой редакціи она вошла и въ собраніе его сочиненій. Перепечатка сатиры въ Собесѣдникѣ состоялась по желанію издателей его, княгини Е. Р. Дашковой и О. П. Козодаева (Исторія Росс. академіи, М. И. Сухомлинова, вып. VI, стр. 340—341). Послѣдній просилъ объ этомъ автора осо-

бымъ письмомъ, напечатаннымъ въ 1-й книжкѣ журнала съ слѣдующимъ эпиграфомъ изъ Томаса:

> Reveille-toi, mortel, deviens utile au monde,
> Sors de l'indifférence oú languissent tes jours.

Вслѣдъ затѣмъ, во 2-ой книжкѣ Собесѣдника, появилось „Посланіе къ гг. издателямъ отъ Любослова," содержащее въ себѣ придирчивую критику на первую часть журнала. Эпиграфъ въ письмѣ Козодавлева къ Капнисту далъ поводъ Любославу высказать слѣдующе сужденіе объ авторѣ сатиры: „Для г. Капниста толь важныхъ выраженій очень много; они приличны патріоту, герою и министру. Желательно, чтобъ всѣ умы отдавали справедливость достоинствамъ не по предубѣжденію, но по существу заслуги" (стр. 112). Капнистъ отвѣчалъ на это сатирическимъ письмомъ, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ презрѣнія къ своему критику (Собесѣдникъ, ч. VIII, стр. 16—18).

20 марта 1785 года Капнистъ былъ избранъ въ члены Россійской академіи. Находясь въ то время въ Петербургѣ, онъ получилъ приглашеніе на ближайшее засѣданіе, на которое однако не явился. Вообще онъ очень рѣдко посѣщалъ академію и не принималъ никакого участія въ ея трудахъ. Только въ 1814 году онъ согласился участвовать въ академическихъ работахъ по составленію словаря. Ему порученъ былъ выборъ словъ изъ Слова о полку Игоревѣ и изъ Русской Правды. (Исторія Рос. академіи, М. И. Сухомлинова, вып. VII, стр. 55—57).

Кромѣ „Сатиры первой", большою извѣстностью пользовалась „Ода на рабство", написанная Капнистомъ въ 1783 г. и напечатанная только въ „Лирическихъ сочиненіяхъ," изд. 1806 г. По поводу этой оды Державинъ писалъ Капнисту отъ марта 1786 г.: „При семъ препровождаю тебѣ, мой другъ, твои сочиненія, съ которыхъ копіи княгинѣ Дашковой я отдалъ. Она требовала оды и о рабствѣ; но я сказалъ, что ты оной не оставилъ, по причинѣ, что не нашелъ въ своихъ

бумагахъ; а притомъ изъяснилъ ей, что ни для ея, ни для твоей пользы напечатать и показать напечатанную императрицѣ твою оду не годится и съ здравымъ разсудкомъ не сходно, на что̀ она весьма согласилась и осталась довольною“ (сочиненія Державина, т. V, стр. 848—849). Очевидно, Дашкова хотѣла помѣстить оду Капниста въ Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ, которыя начали издаваться съ 1786 г. и служили какъ бы продолженіемъ Собесѣдника, прекратившагося въ 1784 году. Осторожность Державина объясняется содержаніемъ оды; въ ней вспоминаются прежнія времена Малороссіи, когда она будто бы пользовалась свободой, и высказываются жалобы на тѣ узы рабства, которыя-де наложены на родину поэта. Безъ сомнѣнія, ода эта была вызвана указомъ 3-го мая 1783 г., по которому поселяне Кіевскаго, Черниговскаго и Новгородъ-Сѣверскаго намѣстничествъ объявлялись крѣпостными людьми тѣхъ помѣщиковъ, на чьихъ земляхъ засталъ ихъ новый законъ (Полн. собр. законовъ, т. XXI, № 15724). Ода на рабство, по словамъ самого автора, послужила поводомъ къ сочиненію „Оды на истребленіе въ Россіи званія раба Екатериною II въ 15 день февраля 1786 года. (Лирическія сочиненія Капниста, стр. 36). Въ это время, какъ извѣстно, состоялся указъ, которымъ повелѣно было подписываться на просьбахъ не рабъ, а вѣрноподданный (Полн. собр. зак. т. XXII, № 16329). Оду свою Капнистъ отправилъ къ Н. А. Львову для представленія императрицѣ, о чемъ упоминаетъ въ письмѣ къ Державину изъ Обуховки отъ 30-го іюня 1786 года. (Соч. Державина, т. V, стр. 514). Сотрудничество Капниста въ Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ и началось этою одой, напечатанною въ XV-й части журнала (1787 г.), съ подписью: „вѣрноподданный В. Капнистъ“. Затѣмъ въ XVII-й части появились „Стихи на переводъ Иліады Костровымъ“, перепечатанные тогда же въ Зеркалѣ свѣта, ч. V, № 82, а въ ч. XIX-й (1788 г.)—ода „Надежда“, которая еще въ 1780 г. была помѣщена въ VI-й

части С.-Петербургскаго Вѣстника; при перепечаткѣ въ ней были сдѣланы измѣненія.

Въ 1789 году Державинъ напечаталъ въ XLI-й части Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненій „Изображеніе Фелицы", 58-я строфа этого стихотворенія заключаетъ въ себѣ обращеніе поэта къ Рафаэлю съ просьбой изобразить Екатерину II, что подалъ поводъ Капнисту написать „Отвѣтъ Рафаэля пѣвцу Фелицы", помѣщенный въ майской книжкѣ того же журнала за 1790 годъ. Шуточный отвѣтъ Капниста не понравился самолюбивому пѣвцу Фелицы, который получилъ его еще въ рукописи подъ заглавіемъ: „Рапортъ лейбъ-автору отъ екатеринославскихъ музъ трубочиста Василія Капниста". Державинъ отвѣчалъ своему другу рѣзкимъ письмомъ отъ 31-го декабря 1789 г., въ которомъ, исчисляя недостатки его произведенія, говоритъ: „Ежели ты хочешь впередъ писать прямо по русски, то пріѣзжай къ твоимъ друзьямъ и совѣтуй съ ними, или оставляй, что напишешь про твоихъ земляковъ; а безъ того, не токмо читать или печатать, любя твою славу, стиховъ твоихъ, но и принимать ихъ не будемъ, ибо, кромѣ твоей оды „Надежда" и сатиры, здѣсь при твоихъ друзьяхъ написанныхъ, послѣдующія твои сочиненія никакого уваженія не заслуживаютъ. Ежели таковыми стихами подаришь ты потомство, то въ самомъ дѣлѣ прослывешь парнасскимъ трубочистомъ, который хотѣлъ чистить стихи другихъ, а самъ нечистотою своихъ былъ замаранъ. Сіе не я одинъ, но и всѣ, прочтя твои присланные сюда стихи, сказали". Хотя Державинъ ссылался на общихъ друзей, однако Львовъ не раздѣлялъ его мнѣнія. Это видно изъ слѣдующей замѣтки Львова на сохранившейся рукописи „Отвѣта": „Гаврила не правъ въ нѣкоторыхъ своихъ бурныхъ примѣчаніяхъ; я ему скажу; а если нѣкоторыя мною справленныя неровности ты простишь и помилуешь, то переписавъ, какъ должно печатать, пришли: я напечатаю". Капнистъ принялъ нѣкоторыя поправки Львова, уничтожилъ одну строфу и сдѣлалъ въ концѣ приписку: „Съ итальянскаго языка перевелъ В. Капнистъ". Львовъ же

впослѣдствіи прибавилъ на рукописи: „А вотъ за это бестію кнутомъ, не ври“ (Соч. Державина, т. I, 297—299; т. V, 766—768; т. VIII, 586—588). Ссора эта однако не имѣла серьезныхъ послѣдствій: друзья продолжали переписываться, и Державинъ по прежнему принималъ совѣты и поправки Капниста къ своимъ сочиненіямъ.

Съ 1792 года Капнистъ дѣлается сотрудникомъ „Московскаго Журнала“, въ VII-й части котораго напечатано его „Ода на счастіе“. Карамзинъ, вообще уважавшій талантъ и мнѣнія Капниста (Письма Карамзина къ Димитріеву, стр. 37, 64, 122), въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву отъ 28 января 1793 г. далъ объ этой одѣ такой отзывъ: „Ода на счастіе гладка. Сочинитель имѣетъ вкусъ. Но находишь ли ты въ сей пьесѣ новыя, живыя, глубокія чувства и творческое вооображеніе?“ (тамъ же стр. 33). Въ 1793 году вышла отдѣльною брошюрой „Ода на всерадостное обрученіе Ихъ Императорскихъ Высочествъ в. кн. Александра Павловича и в. кн. Елизаветы Алексѣевны, совершившееся мая въ 10 день“. С.-Пб. Въ 4-ку (въ Справочномъ Словарѣ Геннади не указана). Съ 1796 по 1799 г. Капнистъ участвовалъ въ „Аонидахъ“ Карамзина. Здѣсь напечатаны: „Уныніе“, „Мотылекъ“, „Гимнъ солнцу слѣпаго старца Оссіана“, „Потеря дня“, „Другу моему“, (въ собраніи сочиненій: „Богатство убогаго“), „Утро въ гротѣ г. А. С. Строганова“ (въ собр. соч.: „Графу А. С. Строганову“), „На новый 1797 годъ“, „Подражаніе IV-й одѣ Горація“ (въ собр. соч. „Весна“), „Пѣсня“ (въ собр. соч. „Вздохъ“), „Графу Суворову-Рымникскому на прибытіе его въ С.-Петербургъ 1779 г. февраля дня“ (въ собр. соч.: „На отъѣздъ въ Италію гр. Суворова-Рымникскаго“). Въ 1796 году Капнистъ издалъ въ Петербургѣ свои сочиненія. Книга украшена пятью гравюрами работы Набгольца и оканчивается слѣдующимъ оригинальнымъ двустишіемъ самого автора:

Капниста я прочелъ и сердцемъ сокрушился,
Зачѣмъ читать учился.

22-го августа 1798 года въ первый разъ появилась на сценѣ знаменитая „Ябеда". Успѣхъ пiесы былъ блистательный, благодаря общественному ея значенiю и хорошему исполненiю. По свидѣтельству Арапова, державинскiй кружокъ способствовалъ Капнисту окончить и отдать на театръ свою комедiю (Лѣтопись р. театра, стр. 139—140). Поводомъ къ сочиненiю „Ябеды" послужилъ процессъ, веденный Капнистомъ съ помѣщикомъ Тарновскимъ (соч. Державина, т. II, 106, т. VIII, 278). Приступая къ печатанiю своей комедiи, авторъ чрезъ Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, бывшаго тогда статсъ-секретаремъ, испросилъ позволенiе Посвятить ее императору Павлу (Русск. Старина 1873 г., т. VII, стр. 714; Современникъ 1836 г., т. II, стр. 308). Предметъ и цѣль пiесы вполнѣ ясно выражены авторомъ въ слѣдующихъ строкахъ посвященiя:

Я кистью Талiи порокъ изобразилъ
Мздаимства, ябеды всю гнусность обнажилъ
И отдаю теперь на посмѣянье свѣта.

Въ благодарность за мастерское исполненiе роли Кривосудова Капнистъ предоставилъ актеру Крутицкому право изданiя своей комедiи. „Ябеда" была играна четыре раза сряду. 20-го сентября назначалось уже пятое представленiе ея, но совершенно неожиданно послѣдовало высочайшее повелѣнiе о запрещенiи пiесы и изъятiй ея изъ продажи (Лѣтопись русскаго театра, стр. 140; Рус. Стар. 1873 г., т. VII, 715). Обличенiемъ взяточниковъ Капнистъ прiобрѣлъ себѣ много враговъ среди чиновнаго люда, и наиболѣе влiятельные изъ нихъ, безъ сомнѣнiя, употребили всѣ усилiя, чтобы представить автора комедiи въ глазахъ государя опаснымъ для общества человѣкомъ (любопытныя, хотя и не совсѣмъ достовѣрныя подробности объ этомъ см. въ Библiогр. запискахъ 1859 г. № 2). Даже въ позднѣйшее время Капнистъ нашелъ себѣ недоброжелателя въ лицѣ извѣстнаго Ф. Ф. Вигеля, который, причисляя автора „Ябеды" къ литературнымъ ничто-

жествамъ и приписывая ему скрытую ненависть къ Великоруссамъ, иронически говоритъ: „Онъ много написалъ стиховъ и весьма хорошихъ и, заключивъ поприще свое великимъ твореніемъ, называемымъ „Ябеда“, опустился на лавры. Не обращая вниманія на наши слабости, пороки, на наши смѣшныя стороны, онъ въ преувеличенномъ видѣ, на позоръ свѣту, представилъ преступныя мерзости нашихъ главныхъ судей и ихъ подчиненныхъ. Тутъ ни въ дѣйствіи, ни въ лицахъ нѣтъ ничего веселаго, забавнаго, а одно только ужасающее, и не знаю, почему назвалъ онъ это комедіей„ (Воспоминанія, ч. III, стр. 144—145). Даже по вступленіи на престолъ Александра I опала съ „Ябеды“ была снята не тотчасъ. Державинъ въ письмѣ къ Капнисту отъ 30-го іюля 1804 г. говоритъ: „Посылаю къ вамъ „Ябеду“, которую продаютъ изъ лавокъ, не знаю по указу ли, или безъ указу, но разрѣшенія играть ее нѣтъ, и не играютъ, можетъ быть—по тому, что никто не проситъ о томъ; ибо теперь вкусъ здѣсь на шуточныя оперы, которыя украшены волшебными декораціями и утѣшаютъ болѣе глаза и музыкою слухъ, нежели умъ“ (соч. Державина, т. VI, стр. 156, 162). Въ 1800 году Капнистъ самъ поставилъ на сцену пастушескую оперу въ 1-мъ дѣйствіи: „Клорида и Милонъ“, сюжетъ которой взятъ изъ древне-греческой жизни. Она была представлена въ первый разъ 6-го ноября и понравилась публикѣ; напечатана въ томъ же году, безъ имени автора. Музыку для оперы написалъ русскій композиторъ Ѳоминъ, имя котораго часто встрѣчается въ піесахъ того времени. Но Карамзинъ, въ письмѣ къ И. И. Дмитріеву отъ 23-го Декабря 1800 г., сочинителемъ музыки называетъ А. А. Плещеева. М. Н. Лонгиновъ дѣлаетъ по этому поводу предположеніе, что Ѳоминъ ссужалъ свое имя любителямъ, опасавшимся неудачи (Лѣтопись русскаго театра, стр. 142. Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, стр. 122, 51). Возобновленіе „Ябеды“ на сценѣ послѣдовало лѣтомъ 1805 года, что видно изъ рецензіи, напечатанной въ Сѣверномъ Вѣстникѣ, того же года, ч. VI іюнь, стр. 373. Рецензентъ, вполнѣ при-

знавая общественное значеніе комедіи, называетъ ее „зеркаломъ въ которомъ увидятъ себя многіе, какъ скоро только захотятъ въ него посмотрѣться“. 23-го іюня того же года „Ябеда“ была представлена на домашнемъ театрѣ А. Л. Нарышкина, на его дачѣ Га-Га на Петергофской дорогѣ. Спектакль этотъ посѣтилъ императоръ Александръ (Лѣтопись русскаго театра, стр. 171). Изъ послѣдующихъ представленій „Ябеды“ замѣчателенъ бенефисъ актера Щеникова, 2-го сентября 1814 г., когда комедія исполнялась по новой редакціи, съ поправками самаго автора. Экземпляръ „Ябеды,“ принадлежавшій Щеникову и заключавшій въ себѣ отмѣченные имъ варіанты, подробно описанъ въ Русской Старинѣ (1873 г., т. VII, стр. 715—717). Комедія Капниста долго держалась на сценѣ. Популярность ея была очень велика, такъ что нѣкоторыя выраженія комедіи обратились въ пословицы.

Вступленіе на престолѣ Александра I Капнистъ привѣтствовалъ одой, напечатанною въ Петербургѣ отдѣльною брошюрой въ 4-ку. Въ собраніяхъ сочиненій Капниста она носитъ заглавіе: „Память ноября 6-го дня 1796 года“: это объясняется тѣмъ, что ода не составляетъ панегирика вступающему на престолъ государю, а исключительно изображаетъ царствованіе Екатерины II, ея внѣшнія и въ особенности внутреннія дѣла.

23-го ноября 1804 г., какъ извѣстно, состоялось первое представленіе „Эдипа въ Аѳинахъ“. Капнистъ, безъ сомнѣнія знакомый съ Озеровымъ по дому Оленина, присутствовалъ на этомъ спектаклѣ и тогда же написалъ извѣстное посланіе къ нему, напечатанное въ VI-й части Сѣвернаго Вѣстника 1805 г. и отдѣльно (Роспись Плавильщикова, № 5332). 17-го мая 1806 г., въ пользу актера Рыкалова, представлена была комедія Капниста „Сганаревъ или мнимая невѣрность“. Это—передѣлка комедіи Мольера Sganarelle, ou le cocu imaginaire“. Впослѣдствіи Капнистъ самъ осмѣялъ своего „Сга-

нарева“ слѣдующею эпиграммой, напечатанною въ „Сынѣ Отечества“:

Никто не могъ узнать изъ цѣлаго партера,
Кто въ Сганаревѣ смѣлъ такъ осрамить Мольера;
Но общій и согласный свистъ
Всѣмъ показалъ, что то Капнистъ.

Не большій, если не меньшій успѣхъ имѣла и его трагедія „Антигона“, представленная въ первый разъ на Маломъ театрѣ 21-го сентября 1814 г. въ бенефисъ К. С. Семеновой. Въ „Сынѣ Отечества“ того же года, № XXXIX, стр. 43, появилась слѣдующая замѣтка рецензента: „Видѣвъ одно представленіе, не смѣемъ ничего сказать рѣшительнаго о семъ новомъ произведеніи нашего извѣстнаго лирика; но сколько можно судить по впечатлѣнію на слухъ и на сердце, стихи не сдѣлали большаго очарованія, и трагедія не могла возбудить соучастія.“ Добродушный авторъ и на этотъ разъ осмѣялъ себя тремя эпиграммами, напечатанными въ „Сынѣ Отечества“ и вошедшимъ въ Смирдинское изданіе его сочиненій.

Въ 1806 году въ Петербургѣ были напечатаны „Лирическія сочиненія“ Капниста, съ посвященіемъ императору Александру, который пожаловалъ автору брилліантовый перстень, препровожденный Н. Н. Новосильцовымъ при письмѣ отъ 3-го октября 1806 г. (Лирическія сочиненія, стр. 247). Это собраніе сочиненій состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) оды духовныя, 2) торжественныя, 3) нравоучительныя и элегическія, 4) гораціанскія и анакреонтическія. Изданіе отличается изяществомъ и украшено рисунками Шустова и И. А. Иванова, которые гравировалъ Сандерсъ.

Кромѣ упомянутыхъ уже нами періодическихъ изданій, сочиненія Капниста печатались въ „Другѣ Просвѣщенія“, „Отеч. Записк.,“ „Вѣст. Европы“ и въ Трудахъ Московскаго и Казанскаго общества любителей словесности, гдѣ Капнистъ былъ почетнымъ членомъ.

Съ самаго основанія „Бесѣды любителей русскаго слова“ (14-го марта 1811 года) Капнистъ былъ и ея почетнымъ членомъ. Изъ произведеній его напечатанныхъ въ „Чтеніяхъ“ Бесѣды, главнымъ образомъ обращаютъ на себя вниманіе прозаическія статьи. Въ 17-мъ Чтеніи (1815 г.) помѣщено извѣстное „Письмо къ С. С. Уварову“, который совѣтовалъ Гнѣдичу переводить „Иліаду“ гекзаметрами; Капнистъ же находилъ невозможнымъ существованіе гекзаметра въ русскомъ языкѣ и предлагалъ для перевода Гомера размѣръ русскихъ народныхъ пѣсенъ. Уваровъ, какъ извѣстно, опровергъ его мнѣніе, чѣмъ окончательно убѣдилъ Гнѣдича переводить Иліаду размѣромъ подлинника. Разсужденіе свое о гекзаметрахъ Капнистъ еще въ концѣ 1813 года посылалъ на просмотръ Державину, Уварову и В. С. Томарѣ (соч. Державина, т. II. 278). Въ 18-мъ Чтеніи было напечатано Капнистомъ „Краткое изысканіе о Гипербореанахъ и коренномъ россійскомъ стихосложеніи“ представленное въ Бесѣду 8-го декабря 1814 года. Въ этомъ изслѣдованіи Капнистъ, сѣтуя на Ломоносова за то, что онъ „не возобновилъ древняго русскаго стихосложенія, предъ всѣми иностранными толико преимущественнаго“, рѣшается „вступить дерзостною ногою въ ристалище минованное исполиномъ отечественнаго стихотворства и для того старается прежде всего доказать тожество Славянъ съ Гиперборeанами, народомъ знаменитымъ, отъ котораго сами древніе Греки заимствовали искуства и науки. Очевидно, что въ этой части своего изслѣдованія Капнистъ руководствовался не строгою научною критикой, а чувствомъ патріотизма и различными фантастическими гипотезами, въ чемъ впрочемъ и самъ сознается. Въ концѣ своего изысканія онъ приводитъ образцы „русскаго кореннаго стихосложенія“ изъ „Бахаріаны“ Хераскова, „Ильи Муромца“ Карамзина и наконецъ отрывокъ изъ своего перевода Оссіановой поэмы „Картонъ“. Проѣзжая въ 1802 году чрезъ Москву въ Малороссію, Капнистъ посѣтилъ Хераскова и Карамзина, читалъ имъ небольшую поэму Оссіана, переведенную имъ раз-

мѣромъ простонародныхъ русскихъ пѣсенъ, и заслужилъ похвалу обоихъ (соч. Капниста, смирд. изд., стр. 612; Бантышъ-Каменскій, Словарь достоп. люд. Русской земли, ч. II 1847 г. стр. 68). О „Картонѣ" упоминается также въ письмахъ Державина къ Капнисту отъ 30-го декабря 1813 г. и отъ 22-го января 1814 г. (соч. Державина, т. VI, стр. 279—280) и въ письмѣ Капниста къ Уварову. По примѣру Капниста Гнѣдичъ также пытался переводить Оссіана русскимъ складомъ и находилъ, что этотъ складъ всего умѣстнѣе для передачи на нашъ языкъ Оссіановыхъ поэмъ (Сѣв. Вѣстникъ 1804 г., ч. I, стр. 65). „Краткое изысканіе о Гипербореанахъ", какъ и слѣдовало ожидать, было встрѣчено въ печати насмѣшливыми отзывами (ст. Вѣстникъ Евр. 1815 г., ч. LXXIX, № 2 стр. 103—105). Изъ письма Батюшкова къ Гнѣдичу отъ 7-го ноября 1811 г. видно, что Капнистъ уже въ то время занимался изслѣдованіемъ о Гипербореанахъ. Предметъ, избранный имъ, вызвалъ слѣдующій нелестный отзывъ Батюшкова: „Боже мой, чѣмъ Капнистъ занимается! Добро бы свое выдумывалъ! А то старыя бредни выпускаетъ въ свѣтъ, бредни дураковъ — Шведовъ, упсальскихъ профессоровъ, бредни Бальи-астронома, бредни этимологистовъ, которымъ насмѣялся Вольтеръ досыта, бредни людей сумасшедшихъ, бредни безполезныя, которыя не питаютъ ни ума, ни сердца, бредни головы ажъ туде!" (т. III, стр. 150—151). Митрополитъ Евгеній въ письмѣ къ гр. Д. И. Хвостову, отъ января 1815 г., замѣчаетъ по поводу труда Капниста: „Въ журналѣ Сынъ Отечества читалъ я критическое замѣчаніе объ Иперборейцахъ. Дѣйствительно, это феноменъ въ нашей словесности. Но онъ неновый. Ибо еще Тредьяковскій въ книгѣ своей о трехъ русскихъ древностяхъ доказывалъ происхожденіе греческаго языка отъ славянскаго. Тогда нашли это славеноманіею, а теперь какъ почтутъ, не знаю" (Сборн. 2-го отдѣла Акадъ.Наукъ т. V, вып. 1 стр. 159).

Въ 1819 году Капнистъ издалъ въ Петербургѣ отдѣльною брошюрой свое разсужденіе на русскомъ и французскомъ

языкахъ: „О возстановленіи первыхъ шести пѣсней Одиссеи въ первобытный ихъ порядокъ“. Прежде того оно было уже напечатано въ „Сынѣ Отечества“ 1817 г., ч. XLI, № 40, стр. 50—54. Въ LVI-й части того же журнала за 1819 г., № 38, стр. 193—210, появилась его статья: „Мнѣніе о томъ, что Улиссъ странствовалъ не въ Средиземномъ морѣ, но въ Черномъ и въ Азовскомъ моряхъ“. Но обѣ статьи не обратили на себя вниманія критики. Самъ Капнистъ говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ А. А. Прокоповичу-Антонскому отъ 23 іюня 1823 г.: „Молчаніе о нѣкоторыхъ изложенныхъ мною мнѣніяхъ, какъ-то: о перемѣщеніи пятой пѣсни „Одиссеи“ въ первую„ о странствованіяхъ Улиса не въ Средиземномъ, но въ Черномъ морѣ, долженъ и считать знакомъ презрѣнія просвѣщенныхъ читателей къ моему велемудрствованію“ (соч. Капниста, изд. 1849 года, стр. 629).

Нѣкоторыя изъ лирическихъ стихотвореній Капниста очень цѣнились въ свое время и пользовались большою извѣстностью, такъ его элегія „На смерть Юліи“ вошла въ „Карманный пѣсенникъ“, изданный въ 1796 году И. И. Дмитріевымъ, и даже, по словамъ Н. Д. Горчакова, была положена на музыку (Москвит. 1846 г., ч. IV, № 7; стр. 31: Воспоминаніе о Капнистѣ). Изъ позднѣйшихъ элегій особенно славились двѣ: „Въ память береста“ (В. Евр. 1823 г., ч. 132 № 21) и „Обуховка“ (Сын. Отеч. 1818 г. ч. 48, № 33). Довольно любопытенъ слѣдующій отзывъ о стихотвореніяхъ Капниста, принадлежащій М. Н. Макарову и, безъ сомнѣнія, отражающій сужденія современниковъ. „Въ пѣсняхъ Капниста есть также своя отличительная классическая правильность... вездѣ лоскъ ученый, иногда слишкомъ выясненный, но всетаки пріятный, нетяжелый“ (Моск. Наблюдатель 1835 г., ч. 3, стр. 617). Многія изъ лирическихъ стихотвореній Капниста составляютъ переводы изъ латинскихъ поэтовъ или подражанія имъ. Любимымъ классикомъ его былъ Горацій. Послѣдніе годы своей жизни Капнистъ почти исключительно занимался имъ. Эти-то

горацiанскiя оды Капниста и разумѣетъ Батюшковъ, упоминая о немъ въ своей „Рѣчи“.

Въ 1849 г. вышло смирдинское изданiе сочиненiй Капниста. Оно пополнено многими стихотворенiями, написанными послѣ 1806 года, но не заключаетъ въ себѣ оды „На рабство“. Въ него же вошли драматическiя пiесы Капниста, прозаическiя статьи и семь писемъ къ А. А. Прокоповичу-Антонскому. Замѣтимъ однако, что въ трудахъ Московскаго общества любителей словесности напечатаны еще письма къ Антонскому, не вошедшiя въ изданiе Смирдина, а также письмо къ А. В. Болдыреву.

Къ числу неизданныхъ произведенiй Капниста принадлежитъ „Плачъ надъ Москвою“. Стихотворенiе это было прислано имъ Державину при письмѣ отъ 29-го апрѣля 1813 г. изъ села Кибинцевъ, принадлежавшаго Д. П. Трощинскому, у котораго въ то время Капнистъ гостилъ (соч. Державина, т. II, стр. 267 — 268). Объ этомъ же стихотворенiи самъ авторъ упоминаетъ въ письмѣ къ А. С. Шишкову отъ 13-го августа 1813 г. (Исторiя Росс. акамедiи М. И. Сухомлинова вып. VII, стр. 36).

2. Ябеда, комедiя въ 5-ти дѣйствiяхъ.

Критическiй очеркъ А. Д. Галахова.

„Ябеда“ (пред. 1798, нап. 1796), комедiя Капниста (1757—1824), достойна стоять въ одномъ ряду съ „Недорослемъ“. Она принадлежитъ къ числу тѣхъ комедiй, которыя, по важности своего содержанiя, носятъ названiе „общественныхъ“, обличающихъ господствующiй недостатокъ цѣлаго общества или какого-либо его сословiя въ извѣстную эпоху. Чѣмъ вреднѣе порокъ дѣйствуетъ на нравы и чѣмъ обширнѣе его влiянiе, тѣмъ болѣе возвышается значенiе пiесы, отдающей его на судъ и посмѣянье свѣта. У строптивыхъ людей разные нравы, говоритъ Капнистъ въ посвященiи пьесы императору Павлу; иному не страшна казнь, но онъ боится

злой славы; и потому, желая обезславить мздоимство и ябеду, онъ написалъ комедію, въ которой изображено то и другое. Что въ очеркахъ и отрывкахъ разсѣянно по сатирамъ Кантемира, по сочиненіямъ Сумарокова и журналамъ 1769—74 г.г., то въ Ябедѣ образуетъ цѣльную картину, нарисованную яркою кистью. Двоякій предметъ узнается какъ изъ посвященія, такъ и изъ первой сцены перваго акта. Лицо злого ябедника Праволова, подкупность, плутовство и грабительство чиновниковъ мѣтко описаны повытчикомъ Добровымъ, единственно честнымъ человѣкомъ изъ всѣхъ членовъ гражданской палаты, въ его разговорѣ съ полковникомъ Прямиковымъ. Нѣкоторыя характеристики сдѣлались типическими поговорками, напр.:

....Гражданскій предсѣдатель
Есть сущій истины Іуда и предатель—
....Прокуроръ,
Чтобъ въ риѳму мнѣ сказать—существеннѣйшій воръ.
Вотъ прямо въ точности всевидящее око:
Гдѣ плохо что лежитъ, тамъ зетитъ онъ далеко—
А о секретарѣ, дуракъ, кто слово тратитъ:
Хоть голъ будь какъ ладонь, онъ что-нибудь да схватитъ.—

Соотвѣтственно двумъ предметамъ піесы, и нравственный выходъ ея относится во-первыхъ къ ябедѣ, а потомъ къ лихоимству. „Что ни говори, а дѣло плоховато!“ восклицаетъ предсѣдатель Кривосудовъ, попавшій въ уголовную вмѣстѣ съ прокуроромъ Хватайко, секретаремъ Кохтинымъ и другими членами палаты. Это плоховатое дѣло произошло, по объясненію служанки, оттого, что ея „господинъ“ жилъ ябедой и тѣмъ, что взято, то свято“. Сюжетъ „Ябеды“, по обычаю французскихъ комедій, не обходится безъ любви и свадьбы. Есть и неизбѣжная Софья, дочь Кривосудова, въ которую влюбленъ Прямиковъ, но которую хотятъ выдать за Праволова. Сцена пирушки у предсѣдателя, по случаю именинъ его жены и сговора дочери, превосходно выставляетъ безцеремонное обращеніе чиновниковъ съ законами: не стѣсняясь

ни чѣмъ, служители Ѳемиды цинически высказываютъ свой образъ мыслей и дѣлъ. Особенно славилась пѣсня прокурора:

Бери, большой тутъ нѣтъ науки;
Бери, что только можно взять:
На чтожъ привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать?

Комедія оканчивается торжествомъ правды и наказаніемъ порока. Сенатъ, узнавъ продѣлки Праволова, предписалъ посадить его въ тюрьму, а членовъ палаты предать суду; Прямиковъ является въ минуту невзгоды, упавшей на отца Софьи, и предлагаетъ ей свою руку: предложеніе, конечно, принято съ радостью. Но какъ дѣйствительность часто идетъ на перекоръ моральнымъ тенденціямъ комика, то и здѣсь довѣріе къ удовлетворительной, повидимому, развязкѣ подрывается замѣчаніемъ служанки, которая говоритъ Доброву:

Авось-либо и все намъ съ рукъ сойдетъ слегка;

Добровъ отвѣчаетъ:

Впрямъ: моетъ, говорятъ, вѣдь руку-де-рука;
А съ уголовною гражданская палата,
Ей, ей, частехонько живетъ за панибрата.
Но то при торжествѣ уже какомъ ни есть,
Подъ милостивый васъ подвинутъ манифестъ.

Успѣхъ „Ябеды“ былъ чрезвычайный. Публика принимала ее съ шумными рукоплесканіями, но тѣ изъ зрителей, къ которымъ относились слова Доброва:

....Законы святы,
Но исполнители—лихіе супостаты,

были въ такой же степени ею недовольны. Язвительная сатира, живые, схваченные съ натуры характеры, сильные стихи долго удерживали эту комедію на сценѣ и сохраняютъ за ней и теперь право называться однимъ изъ лучшихъ произведеній нашей драматической литературы.

